ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ШУТОЧНЫЕ ПЬЕСЫ

Вступительная статья, составление и примечания З. Г Минц

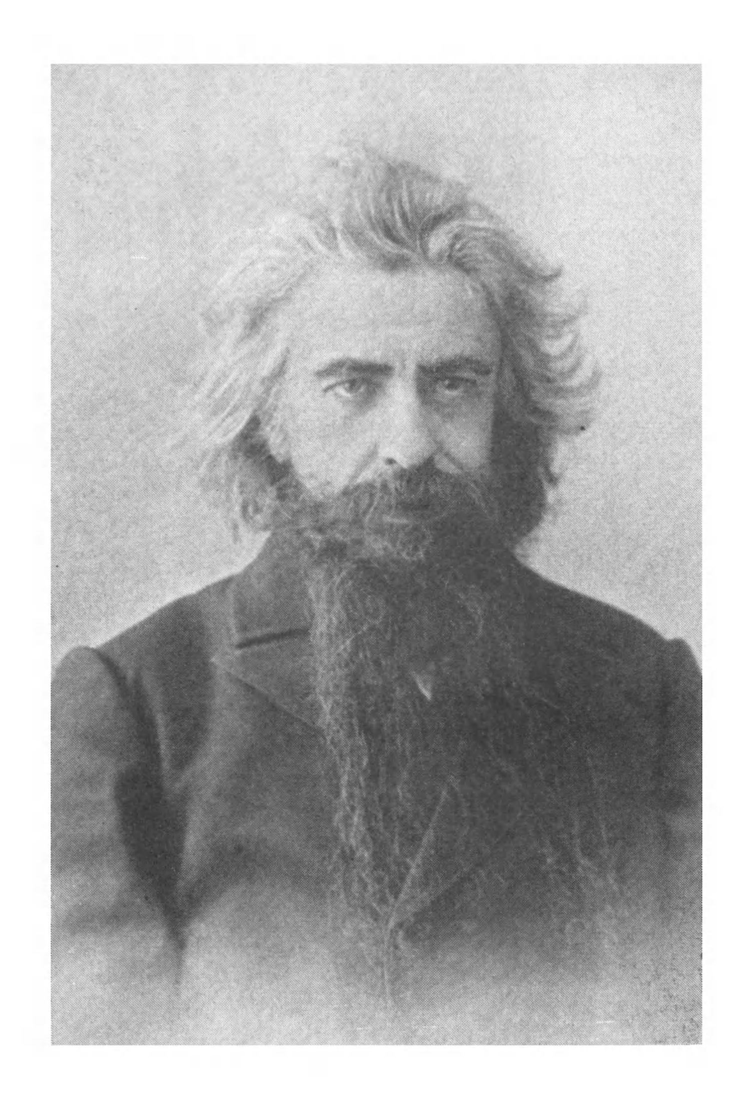
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1974

Р 1
С 60

В. С. Соловьев (1853—1900), известный более как философ и мыслитель, был одновременно талантливым и оригинальным поэтом, сыгравшим видную роль в развитии русской поэзии конца XIX — начала XX века.

Кроме философской и пейзажной лирики поэта в настоящий сборник вошли впервые собранные воедино шуточные стихотворения и пьесы, отличающиеся тонкой иронией, а порой и острым политическим содержанием. В книгу включены переводы из Гафиза, Петрарки, Шиллера, Гейне.

С $\frac{70401-097}{083(02)-74}$ 342—74



ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ — ПОЭТ

Поэтическая деятельность Владимира Соловьева падает на последнюю четверть XIX века — одну из наиболее противоречивых и сложных эпох истории России. Революционная ситуация конца 1870-х — начала 1880-х годов сменилась победоносцевской реакцией. Характеризуя это время, М. Е. Салтыков-Щедрин писал: «Послушайте, какая трель всенародно раздается из любого литературного клоповника! Мыслить не полагается! Добрый же сын отечества обязывается предаваться установленным телесным упражнениям и затем насыщаться, переваривать и извергать. Всякий же, кто обнаружит попытку мышления, будет яко пособник, укрыватель и соучастник злодейских замыслов».[1] Проповедь «хлевных идеалов» (Салтыков), удушение мысли и любых форм проявления свободы человеческого духа составляли сущность официального правительственного курса.

Но, пожалуй, еще страшнее «совиных крыл» Победоносцева был для мыслящей России глубокий внутренний кризис разных форм демократической мысли конца XIX века. Народничество, толстовство постепенно начинали выявлять свою утопичность, бессилие перед неотвратимым ходом истории.

И все же неподвижность России была кажущейся. В глубинных слоях жизни совершалась неотвратимая работа истории. Лишенное возможности действия, общественное сознание тем интенсивнее погружалось в углубленное осмысление мира. Распространение марксизма в России, вершинные достижения демократической культуры XIX века, отраженные в творчестве Л. Н. Толстого, Достоевского,

---

[1] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полн. собр. соч., т. 14, Л., 1936, с. 267.

Салтыкова-Щедрина, Чехова, — всему этому Соловьев был современник и отнюдь не пассивный свидетель. Основная коллизия эпохи: мучительный контраст между ярко осознанной необходимостью в корне изменить мир, предчувствием «неслыханных перемен» и «невиданных мятежей» — и невозможностью реального преображения жизни в социально-политической обстановке победоносцевской реакции — эта коллизия стала центральной не только для творчества, но и для личности Вл. Соловьева. Именно она определила основное направление его философских, публицистических и художественных поисков.

Противоречивость и сложность наследия Вл. Соловьева обусловила объективные трудности в его истолковании, которые сплошь и рядом усугублялись тенденциозностью позиции самих исследователей. Начиная с «Вех», в русской либеральной публицистике, а затем в зарубежной идеалистической философии подчеркивались преимущественно религиозные стороны воззрений Соловьева. Рассмотрению подвергались, в основном, идеи «всемирной теократии» и эсхатологические «пророчества» писателя. [1]

В советской науке последних десятилетий появились исследования о Вл. Соловьеве-философе. Продиктованные задачами полемики с западноевропейскими и американскими интерпретаторами Соловьева, первые советские работы были посвящены анализу общих идеалистических основ соловьевского мировоззрения и резкой критике концепций зарубежных авторов. [2] Однако подводящая итоги советских исследований последних лет обобщающая статья в пятом томе «Философской энциклопедии» отмечает, наряду с безусловной характеристикой взглядов Соловьева как идеалистических, масштабность его теоретических построений: «В истории философского идеализма в России Соловьев является самой крупной фигурой благо-

---

[1] См., например: Е. Трубецкой, Миросозерцание Владимира Сергеевича Соловьева, тт. 1—2, М., 1913; M. d'Herbigny. Un Newman russe: V. Soloviev (1853—1900), P., 1934; E. Münzer, Solovyev. Prophet of Russian-Western unity, L., 1956, и мн. др.

[2] См.: Л. А. Коган, К критике философии Вл. Соловьева. — «Вопросы философии», 1959, № 3; П. С. Новиков, Вл. Соловьев и его западногерманские почитатели. — «Вопросы философии», 1959, № 4; П. С. Шкуринов, К критике философии Вл. Соловьева. — В сб. «Против современных фальсификаторов истории русской философии», М., 1960; Г. К. Бушуров, К критике идеализма Вл. Соловьева. — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, т. 365, Л., 1968; В. В. Спиров, Философия истории Вл. Соловьева в ее развитии и преемственности. — В сб. «Из истории русской философии XIX-го — начала XX-го века», М., 1969, и др.

даря систематичности и размаху своих построений».[1] Социально-политические воззрения Вл. Соловьева, определяемые как «мистический радикализм», противопоставляются реакционной идеологии: «Социальный опыт Соловьева, либерального мыслителя, обнаруживает точки соприкосновения Соловьева с радикально-демократической мыслью его времени (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский и др.); проблемы личности и свободы навязывались ему русской действительностью с ее регламентацией человеческого духа. Зло тогдашней жизни было для Соловьева... неприемлемо».[2]

На фоне довольно многочисленных исследований философских взглядов Соловьева бросается в глаза неизученность его поэтического творчества. Дореволюционные и современные зарубежные литературоведы рассматривают соловьевскую поэзию как прямую иллюстрацию к его философским построениям[3] — работы советских исследователей посвящаются анализу тех или иных частных аспектов творчества Вл. Соловьева или, напротив, самым суммарным характеристикам его поэзии и ее восприятия русскими символистами.[4] Между тем давно назрела потребность в исследованиях более общего типа, содержащих идеологический и эстетический анализ поэзии Соловьева как особой, специфической части его наследия.

* * *

Владимир Сергеевич Соловьев родился 16 января 1853 года в Москве, в семье выдающегося историка, профессора С. М. Соловьева.

Семья была большой, хотя четверо из 11 братьев и сестер поэта рано умерли. Соловьев уже в гимназические годы выделялся бле-

---

[1] «Философская энциклопедия», т. 5, М., 1970, с. 55.

[2] Там же, с. 51.

[3] См., например: В. Саводник, Поэзия Вл. С. Соловьева, М., 1901; К. В. Мочульский, В. С. Соловьев, Париж, 1936.

[4] См.: Д. Е. Максимов, Материалы из библиотеки Александра Блока (К вопросу об Ал. Блоке и Вл. Соловьеве). — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, т. 184, вып. 6, Л., 1958; З. Г. Минц, Поэтический идеал молодого Блока. — «Блоковский сборник» (1), Тарту, 1964; П. Громов, А. Блок, его предшественники и современники, М.—Л., 1966; М. Альтман, Из записной книжки филолога. — «Наука и жизнь», 1968, № 6; З. Г. Минц, К генезису комического у Блока (Вл. Соловьев и А. Блок). — Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 266, «Труды по русской и славянской филологии», т. 8, Тарту, 1971; Г. А. Бялый, Поэты 1880—1890-х годов. — В кн. «Поэты 1880—1890-х годов», «Б-ка поэта» (Б. с.), М.—Л., 1972.

стящими (во всем, кроме математики и физики) способностями и — вольнодумством, столь неожиданным в будущем певце «Вечной Женственности». Младшая сестра поэта вспоминала, что в детской «с большим интересом, но не без примеси таинственного ужаса» рассказывалось, как «Володя был одно время атеистом».[1] Атеизм этот вырастал в противодействии среде: семья была религиозной, и отец Вл. Соловьева, несмотря на всегдашнее доброжелательное спокойствие в отношениях с детьми, однажды даже собирался «хорошенько уши надрать» юному «богоборцу»,[2] который отказывался ходить в церковь, а как-то раз выкинул из окна икону.[3] В старших классах гимназии и в первые годы студенчества отроческий атеизм постепенно превращается в увлечение материалистическими идеями. Соловьев интересуется естественными науками, противопоставляя «положительные знания» религии. Его «катехизисом» становится книга немецкого вульгарного материалиста Бюхнера «Kraft und Stoff». Под ее влиянием Вл. Соловьев, подавший в 1869 году, по окончании Пятой московской гимназии, прошение о зачислении на историко-филологический факультет, поступает вместо этого на факультет физико-математический, где учится три года. Он запоем читает Писарева, Фейербаха, Ренана, Дарвина. Несмотря на то что интерес к социальным вопросам никогда не был для Соловьева преобладающим, он штудирует и такие работы, как книга Берви-Флеровского о положении рабочего класса в России и др.[4] Л. Лопатин, друг детства Соловьева, свидетельствовал: «Я никогда потом не встречал материалиста, столь страстно убежденного. Это был типичный нигилист 60-х годов... Его общественные идеалы в то время носили резко социалистическую, даже коммунистическую окраску. Он внимательно изучал сочинения знаменитых теоретиков социализма и был глубоко убежден, что социалистическое движение должно возродить человечество и коренным образом обновить историю».[5] Даже внеш-

---

[1] М. С. Безобразова, Воспоминания о брате Владимире Соловьеве. — «Минувшие годы», 1908, № 5-6, с. 164.

[2] В. Л. Величко, Владимир Соловьев. Жизнь и творения, СПб., 1902, с. 15—16.

[3] Там же, с. 15. Описание близкого по смыслу эпизода — «кощунств» Соловьева-подростка во время прогулок по кладбищу — см.: С. М. Лукьянов, О Вл. Соловьеве в его молодые годы. — Материалы к биографии, кн. 3, вып. 1, Пг., 1921, с. 83.

[4] С. М. Лукьянов, ук. соч., кн. 1, Пг., 1916, с. 128—137, 257 и др.

[5] Л. М. Лопатин, Философские характеристики и речи, М., 1911, с. 123.

ний облик Вл. Соловьева этих лет (длинные волосы, нарочитая небрежность одежды) подчеркнуто, вызывающе «нигилистичен».[1]

Однако уже в начале 1870-х годов во взглядах Соловьева назревает перелом. От Фейербаха — через Дж.-Ст. Милля — он переходит к чтению Канта, Фихте, Гегеля, Шеллинга, а затем — Шопенгауэра и Гартмана, начинает интересоваться историей христианства. И когда в 1873 году Соловьев снова возвращается на историко-филологический факультет, сдав экзамен на степень кандидата философии, взгляды его уже носят идеалистический характер.

Разумеется, не следует преувеличивать глубину и органичность для Соловьева его ранних материалистических увлечений. Но сколь краток ни был период юношеского «нигилизма», значение его велико. Соловьев изучил работы западноевропейских и русских материалистов, прекрасно — изнутри — понимал логику их рассуждений. Ряд материалистических положений «оживет» впоследствии в статьях Соловьева конца 1880-х — начала 1890-х годов, а многое, идущее от юношеских воззрений, будет пробиваться сквозь его мистические утопии или противоречиво сочетаться с ними. Показательно восприятие В. В. Розановым Соловьева как запоздавшего родиться «шестидесятника»: «Из-за священника и профессора у него (Вл. Соловьева. — *З. М.*) вырывалась личность журналиста... *В образе мыслей его, а особенно в приемах его жизни и деятельности, была бездна «шестидесятых годов»,* и нельзя сомневаться, что хотя в «Кризисе западной философии» и выступил он «против позитивизма», т. е. против них, — он их, однако, горячо любил и уважал... Он начал писать в семидесятых годах. И с людьми 80-х — 90-х годов он уже значительно расходился... В этом втором поколении было заметно менее желания действовать, а Соловьев не умел жить и не действовать».[2]

Однако еще важнее другое. Зрелый Соловьев (как и близкий ему в конце 1870-х годов Ф. М. Достоевский), без сомнения, боялся материализма, «социальности», революции. Вместе с тем он отлично понимал и слабые стороны собственных построений, и обаяние логики противников. Часто Вл. Соловьев (тоже, по-видимому, как и Достоевский) был на грани того, чтобы не только понять, но и признать то, с чем боролся: в Соловьеве «уживались рядом и порою

[1] См.: Письма Владимира Сергеевича Соловьева, т. 3, СПб., 1911, с. 294 (в дальнейшем ссылки на это издание даются сокращенно — Письма, с указанием тома и страницы), а также: В. Л. Величко, ук. соч., с. 15.

[2] В. В. Розанов, На панихиде по Вл. С. Соловьеве. — В кн.: «Около церковных стен», т. 1, СПб., 1906, с. 241—242 (неоговоренный курсив здесь и далее мой. — *З. М.*).

прерывали друг друга *два совершенно противоположные строя мысли...* Первый можно сравнить с вдохновенным пением священных гимнов... Второй — с ехидным смехом, в котором слышались иногда недобрые нотки, точно второй человек смеется над первым», [1] — писал В. Л. Величко. Еще интереснее такое свидетельство: «Удивил нас Соловьев... Разговорился вчера. Ума — палата. Блеск невероятный. Сам — апостол апостолом. Лицо вдохновенное, глаза сияют. Очаровал нас всех... Но... доказывал он, положим, что дважды два четыре. Доказал. Поверили в него, как в бога. И вдруг — словно что-то его защелкнуло. Стал угрюмый, насмешливый, глаза унылые, злые. — А знаете ли, — говорит, — ведь дважды два не четыре, а пять? — Бог с вами, Владимир Сергеевич! Да вы же сами нам сейчас доказали... — Мало ли что — «доказал». Вот послушайте-ка... — И опять пошел говорить. Режет contra, как только что резал pro, пожалуй, еще талантливее. Чувствуем, что это шутка, а жутко както. Логика острая, резкая, неумолимая, сарказмы страшные... Умолк, — мы только руками развели: видим, действительно, дважды два — не четыре, а пять. А он — то смеется, то — словно его сейчас живым в гроб класть станут». [2] Рассказ А. Амфитеатрова интересен еще и тем, что напоминает о pro и contra Ивана Карамазова. Мысль о том, что Соловьев — прототип Ивана Карамазова (а вовсе не Алеши, как считали некоторые современники), впервые была высказана А. Г. Достоевской. [3] Вопрос о Соловьеве как возможном прототипе Алеши или Ивана рассматривался и в исследовательской литературе. [4] Противоречивость Соловьева ощущалась всеми сколько-нибудь проницательными его знакомыми. Так, жена лондонского приятеля Соловьева И. И. Янжула, Е. Н. Янжул, писала своим родителям в июле 1875 года: «Он очень слабый, болезненный человек, с умом, необыкновенно рано развившимся, пожираемый скептицизмом и ищущий спасения в мистических верованиях». [5] Именно глубочайшая раздвоенность и противоречивость обусловит наиболее любопытные черты поэтического творчества Соловьева.

---

[1] В. Л. Величко, ук. соч., с. 173—174 (курсив В. Л. Величко).

[2] А. Амфитеатров, Литературный альбом, СПб., 1904, с. 256—257.

[3] См.: М. Стоюнина, Воспоминания об А. Г. Достоевской. — В кн.: «Ф. М. Достоевский», сб. 2, Л., 1925, с. 579.

[4] Michel d'Herbigny, Wladimir Soloviov, Paris, 1911, p. 86; М. С. Альтман, Этюды по Достоевскому. — Известия АН СССР, серия литературы и языка, 1963, т. 22, вып. 6, с. 489. Ср. также: «В нем было что-то „ставрогинское"» (А. Амфитеатров, Литературный альбом, с. 258).

[5] С. М. Лукьянов, ук. соч., кн. 3, вып. 1, с. 124.

В общем развитии взглядов Соловьева можно выделить три периода. Первый падает в основном на середину и конец 1870-х годов. Соловьев, прослушавший по окончании университета курс в Московской Духовной академии (1873—1874), защитивший в 1874 году магистерскую диссертацию и ставший доцентом Московского университета и лектором на Высших женских курсах В. И. Герье, со страстью неофита пропагандирует идеалистические воззрения, принявшие форму религиозно-мистического экстаза. Он верит в «Душу мира» — Софию, «Вечную Женственность», — которая спасет человечество от всех зол. Посланный в 1875 году за границу «с ученой целью», Соловьев уезжает из Англии в Египет для... личного свидания с «Девой Радужных Ворот»! И хотя в письмах Соловьев изображал поездку в обычных для него тонах «романтической иронии» («Я в пустыню удаляюсь от прекрасных здешних мест», — сообщает он матери накануне отъезда),[1] однако мистические иллюзии этих лет, действительно, «ясны до галлюцинаций». Они определяют направленность творчества Соловьева 1870-х годов против материализма, которая господствует и в его магистерской диссертации «Кризис западной философии», и в «Критике отвлеченных начал» (1877—1880), и в других работах этого периода. Увлечение мистикой, впрочем, и в эти годы парадоксально сочетается с интересом к социалистическим учениям. Так, в Лондоне Соловьев читает работы основателя общины «библейских коммунистов» Д.-Г. Нойеса (Noyes, 1811—1886), книгу Ч. Нордгофа (Ch. Nordhoff, The Communistic Societies of the United States, London, 1875), хочет познакомиться с П. Лавровым.[2] Не менее существенна и постоянная критика Соловьевым революционных способов борьбы со злом (ср. в особенности его «Речи о Достоевском»).

Но не следует забывать и о некоторых специфических чертах соловьевского идеализма. Во-первых, его взгляды 1870-х годов нередко имеют оттенок романтического бунтарства, столь же абстрактного, сколь и субъективно-радикального. Вспоминая в автобиографическом рассказе «На заре туманной юности» о встрече с одним «провинциальным нигилистом самого ярого оттенка», Соловьев отметил не только различия, но и сходство своих воззрений с утопическим социализмом (фурьеризмом): «Мы были вполне согласны в том, что существующее должно быть в скорейшем времени разрушено. Но он думал, что за этим разрушением наступит земной рай, где не будет бедных, глупых и порочных, а все человечество станет равномерно наслаждаться всеми физическими и умственными благами в

[1] Письма, т. 2, СПб., 1909, с. 18.

[2] См.: С. М. Лукьянов, ук. соч., кн. 3, вып. 1, с. 123—124, 139.

бесчисленных фаланстерах, которые покроют земной шар, — я же с одушевлением *утверждал, что его взгляд недостаточно радикален,* что на самом деле не только земля, но и вся вселенная должна быть коренным образом уничтожена, что если после этого и будет какая-нибудь жизнь, *то совершенно другая жизнь... чисто трансцендентная. Он был радикал-натуралист, я был радикал-метафизик*».[1]

Идеализм молодого Соловьева неотделим от его эсхатологических чаяний — надежд на конец «этого» мира, т. е. от своеобразного максималистского отрицания *всех* сторон окружающей действительности. Этот «радикализм» парадоксально роднит Соловьева с его идейными противниками.

Не менее важно и другое. В современной действительности Соловьева больше всего отталкивали элементы «буржуазности»; он не перестает твердить о «буржуазном очерствении человечества»,[2] о пороках буржуазного строя: «*Французская революция...* утвердившая в принципе демократию, *на самом деле произвела пока только плутократию.* Народ управляет собой только de jure, de facto же *верховная власть принадлежит ничтожной его части — богатой буржуазии, капиталистам...* Огромное большинство рабочего народа, лишенное всякой собственности, при всей своей отвлеченной свободе и равноправности, в действительности превращается в порабощенный класс пролетариев, в котором равенство есть равенство нищеты, а свобода очень часто является как свобода умереть с голоду».[3] Критику «буржуазности» находим и у Соловьева-поэта (ср. комедию «Альсим»). Да и облик Соловьева-человека, его «бессребреничество», — предмет бесчисленных анекдотов, часто соответствовавших истине,[4] — было не только проявлением доброты или чудачеств кабинетного ученого. Сквозь наивную «филантропичность» и детскую эксцентричность просвечивало принципиальное отрицание морали собственности и «плутократизма».

Неприятие «буржуазности» дает ключ к пониманию и философских взглядов Соловьева. Чуждый современности, боящийся движения к капитализму, он ищет выход на путях неевропейского, небуржуазного развития. Но для людей типа Вл. Соловьева, Ф. Достоевского (отчасти и Л. Толстого) материалистические и социалистические

---

[1] Письма, т. 3, с. 294. Ср. сопоставление христианских утопий и утопического социализма в «Подростке» Достоевского.

[2] В. Л. Величко, ук. соч., с. 169.

[3] Собр. соч. Владимира Сергеевича Соловьева, т. 3, СПб., 1901, с. 4, 5.

[4] Рассказывали, например, что однажды зимой он отдал шубу очередному просителю и ездил в лютые морозы на извозчике, завернувшись в одеяло.

идеи — не противоположность, а разновидность буржуазных.[1] Отсюда сближение Соловьева со славянофилами (влияние немецкого идеализма начала XIX века, противопоставление рационализма, индивидуализма и раздробленности европейской культуры религиозным, «соборным» началам русской народной жизни, вера в мессианскую роль России). Отсюда и столь важные элементы социального («христианского») утопизма в его взглядах. В центре его положительной программы — борьба за идеальное Богочеловечество, преодолевшее «эгоизм» материальности, «синтезировавшее» материальные и духовные основы жизни и достигшее «положительного всеединства» — слияния начал Истины, Добра и Красоты. Но Богочеловечество нуждается для своего воплощения (и само создает) «новое небо» и «новую землю». Так утопизм Соловьева оказывается неотделимым от его эсхатологии.

Конец 1870-х — начало 1880-х годов — время интенсивного духовного развития Вл. Соловьева. Вернувшись в 1876 году из заграничной поездки, он попадает в среду литераторов, группирующихся вокруг вдовы А. К. Толстого. К этому же периоду относится его сближение с Достоевским и А. Фетом, оказавшими — каждый по-своему — огромное влияние на соловьевское творчество. Одновременно он готовится к профессорской деятельности (его докторская диссертация — «Критика отвлеченных начал» — была защищена в 1880 году), пишет ряд философских и публицистических статей, знакомится с И. Аксаковым, К. Н. Леонтьевым, Н. Ф. Федоровым, дружит с Достоевским, читает курсы в Московском, а затем Петербургском университетах и на Высших женских курсах, часто выступает с публичными лекциями. Именно в лекциях раньше всего выявляются новые моменты его воззрений.

Важным эпизодом биографии Соловьева явилась его нашумевшая речь от 28 марта 1881 года о необходимости помилования «цареубийц»-народовольцев. В день завершения суда над первомартовцами, когда окончательное решение их судьбы — утверждение или отмена смертной казни — оказалось в руках царя, Соловьев читал в зале Кредитного общества очередную публичную лекцию. Отвечая после лекции на прямой вопрос одного из слушателей: что он, Соловьев, думает о приговоре народовольцам, — философ произнес речь о безнравственности и антинародности приговора. Соловьев преду-

---

[1] Ср.: «С социализмом Достоевский борется не во имя «буржуазности», а во имя борьбы с ней... Социализм для него не антипод, а вариант „буржуазности“» (Юрий Карякин, Антикоммунизм, Достоевский и «достоевщина». — «Проблемы мира и социализма», 1963, № 5 (57), с. 34).

преждал, что приведение смертного приговора в исполнение станет началом разрыва между правительством и народом. Облеченная в форму христианской проповеди, концовка речи Соловьева (сохранившейся, к сожалению, лишь в записи нескольких слушателей) звучала, однако, политически резко и ясно: «Если русский царь, вождь христианского народа, заповеди поправ, предаст их казни... то русский народ, народ христианский, не может за ним идти. *Русский народ от него отвернется и пойдет по своему отдельному пути».*[1]

Резонанс лекции был очень велик (по воспоминаниям одной из слушательниц, восторженная молодежь трижды пронесла Соловьева на руках вокруг кафедры). Критик-народоволец Л. Мельшин (П. Ф. Якубович) позже, в начале XX века, писал, что «лет двадцать назад голос его вызвал сочувствие передовой части русского общества».[2] Уже на следующий день на Соловьева посыпались доносы. Петербургский градоначальник Н. М. Баранов доложил министру внутренних дел Лорис-Меликову о «крайне грустном поступке» Соловьева, который «своей бестактностью вызвал манифестации». Министр передал дело царю, предлагая суровую кару — «лишение профессорского звания, воспрещение публичных лекций, удаление из Петербурга». После объяснительных писем Соловьева Александру III и Баранову решение было сильно смягчено (наказание свелось к «внушению за неуместные суждения» и к рекомендации «воздержаться от публичных лекций»),[3] но и в таком виде оно сыграло значительную роль в судьбе Соловьева, который вынужден был в конце концов оставить успешно начавшуюся профессорскую деятельность.

Полностью отдавшись в 1880-х годах, после запрета читать лекции, писательской и журналистской работе, Вл. Соловьев разрывает в 1883 году со славянофилами и становится сотрудником либерального «Вестника Европы». Чем дальше отходили времена шестиде-

---

[1] Цит. по ст.: П. Щ⟨еголев⟩, Событие первого марта и Владимир Сергеевич Соловьев. — «Былое», 1906, № 3, с. 53. Несколько иной конспект лекции приведен в работе: П. Щеголев, Событие 1 марта и Владимир Соловьев. — «Былое», 1918, № 4-5 (32-33), с. 331. Третий (неопубликованный) конспект, составленный Ф. Батюшковым, хранится в РО Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом).

[2] Л. Мельшин, Очерки русской поэзии, СПб., 1904, с. 338.

[3] См.: П. Щеголев, Событие 1 марта и Владимир Соловьев. — «Былое», 1918, № 4-5 (32-33), с. 330—336. Думается, что последствия лекции были бы для Соловьева более тяжелыми, если бы не боязнь поднять шум расправой над сыном недавно скончавшегося маститого ученого, ректора Московского университета.

сятничества, чем яростнее бушевала реакция, тем больше в соловьевском отрицании «злобы дня» акцентировалось неприятие именно реакционных сторон современности. Изменяется объект соловьевской критики: теперь она направлена не только против «буржуазности», но и — чаще — против разных форм охранительной идеологии, в частности против позднего славянофильства (ср. споры с А. А. Киреевым, И. С. Аксаковым, Н. Я. Данилевским и др.). Соловьев выдвигает определение национального, решительно расходящееся с позднеславянофильским: «Русская национальная идея... не может исключать принципа справедливости и всечеловеческой солидарности». Поэтому Соловьев требует «свободного развития всех национальных элементов, входящих в состав Российской империи».[1]

Полемизирует Соловьев с реакционным славянофильством и по такому существенному вопросу, как отношение к теории Дарвина. Хотя он продолжает утверждать, что дарвинизм не в силах объяснить все законы природы, однако истинность идей Дарвина для Соловьева несомненна.

Интересно новое осмысление Соловьевым революционного движения. По-прежнему (несмотря на весь «мистический радикализм») считая революционные пути борьбы ошибочными, он, однако, признает, что субъективные намерения революционеров высоки и святы. В одной из возобновившихся в начале 1890-х годов публичных лекций Соловьев, по воспоминаниям слушательницы, чрезвычайно высоко отозвался о В. Г. Белинском — «о гуманитарной роли этого праведника».[2] В эти же годы Соловьев выступает в печати с «некоторым», по его словам, «заступничеством за Чернышевского против Боборыкина, который недавно боборыкнул покойника».[3] Он тепло отозвался в своих воспоминаниях о Чернышевском-человеке, хотя и отметил у него (имея в виду материалистические взгляды писателя) «важные заблуждения».[4]

В 1880-х — начале 1890-х годов Соловьев активно выступил в защиту прав личности и высказал свои мысли об отношении человека и государства в связи с делом Дрейфуса: «Всякое учреждение:

---

[1] Вл. Соловьев, Речь на университетском обеде 8 февраля 1890 г. — Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 184, «Труды по русской и славянской филологии», т. 9 (Литературоведение), Тарту, 1966, с. 101.

[2] Цит. по ст.: Н. Макшеева, Воспоминания о В. С. Соловьеве. — «Вестник Европы», 1910, № 8, с. 176. Высказывание о Белинском дошло лишь в пересказах мемуаристки.

[3] «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. 5, СПб., 1913, с. 376.

[4] См.: Письма, т. 1, СПб., 1908, с. 271—282.

национальное или другое, требующее для своей защиты или сохранения обвинения хотя бы одного невинного, не имеет права существовать даже один день и неминуемо должно погибнуть».[1] Те же идеи выражаются в соловьевских статьях периода «Вестника Европы»: в справедливом обществе *«никакой человек, ни при каких условиях и ни по какой причине не может рассматриваться только как средство* для каких бы то ни было посторонних целей... Общее благо и общая польза, чтобы иметь значение нравственного принципа, должны быть в полном смысле общими, т. е. относиться не к многим или большинству, а ко *всем без исключения»*.[2] Напомним, что развитие русской демократической мысли началось с утверждения права *всех* на сопротивление несправедливости, совершаемой по отношению *хотя бы к одному* члену общества (глава «Зайцево» в «Путешествии из Петербурга в Москву»), и было связано с убежденностью в полной и прямой гармонии интересов личности и общества как этической основе «нормального» строя.

Углубление либеральных умонастроений сопровождалось все более резким отходом Соловьева от современной ему государственности и церкви. Письма его исполнены язвительных нападок на уклад русской жизни — «систему нашего Церберизма»,[3] на произвол самодержавия — особенно в области культурной политики,[4] на деятелей русской церкви — прежде всего Победоносцева, с которым Соловьев вел многолетнюю упорную борьбу, и т. д. В 1890-х годах у Соловьева начинают все чаще мелькать ноты свойственного ему в молодости, а затем преодолевавшегося «богохульства».

Соловьев 1880—1890-х годов постоянно рвется к практической деятельности — умеренной по своим целям, но, бесспорно, в целом прогрессивной. Так, он продолжает публично выступать против расправ с революционерами, борется с разными формами национального угнетения,[5] резко критикует в письмах к Победоносцеву церковную политику[6] и т. д. Со своей стороны правительство и обер-прокурор Синода платили Соловьеву непрекращающейся травлей. Его не раз называли, как и Л. Толстого, человеком, «всякая деятельность» ко-

---

[1] Письма, т. 4, Пг., 1923, с. 225.
[2] См.: «Вестник Европы», 1894, № 12, с. 807—808.
[3] Письма, т. 2, СПб., 1909, с. 126.
[4] Ср.: «У нас все благополучно. Университет закрыт, и 120 студентов отправлены с жандармами на родину» («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», с. 339).
[5] См.: Письма, т. 2, с. 160—161. Об этой стороне деятельности Соловьева высоко отзывались Л. Н. Толстой и В. Г. Короленко.
[6] См.: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки, т. 1, полутом 2-й, М. — Пг., 1923, с. 969—970.

торого «вредна для России и для православия».[1] Произведения Соловьева сплошь и рядом запрещаются, и он во время заграничных поездок 1886 и 1888 годов собирается «превратиться до поры до времени во французского писателя».[2] После опубликования им ряда работ за границей[3] до Соловьева начинают доходить «угрожающие известия» о готовящемся аресте: «Не желаю преувеличивать... но, кажется, мне не миновать на этот раз почетного конвоя» по возвращении «под сень самодержавия».[4] И хотя эта угроза не осуществилась, репутация «крамольного» литератора держалась за Соловьевым в течение почти десяти лет. Реакционные и бульварные газеты закрепляют за ним кличку «штатного звонаря при храме либерализма».

Разумеется, и в эти годы Соловьев был достаточно далек от деятелей демократического лагеря 1880-х — начала 1890-х годов. Общефилософские посылки его мировоззрения, религиозность, разнообразные социально-политические иллюзии резко отделяли Соловьева от этого лагеря. Особенно бросаются в глаза указанные отличия в начале и середине 1880-х годов — в произведениях, излагающих его положительную программу. Утопическая идея «всемирной теократии», хотя и связана у Соловьева с критикой современного православия и победоносцевской «культурной политики», однако открыто опиралась на веру в спасительность «вселенской» церкви.

Лишь к концу 1880-х — началу 1890-х годов теократические иллюзии приходят в неизбежный конфликт со скептическими элементами соловьевских убеждений. Отношение его не только к церкви, но и к религии становится все более критическим. А в период наиболее острого разочарования в русском правительстве, осенью голодного 1891 года, он лелеет, разумеется, предельно наивные мечты о народном бунте, о насильственной смене правительства.[5]

Конечно, даже в начале 1890-х годов реальным «потолком» этого страстного утописта, верившего лишь в мировые катастрофы, парадоксально оказывался лишь умеренный либерализм «Вестника Европы». Очевидно, однако, что полного совпадения во взглядах у Соловьева не было и с редакцией этого журнала — «с невскими скептиками» — позитивистами, сторонниками социального прогресса.

Во второй половине 1890-х годов, на грани третьего периода

---

[1] См.: Письма, т. 2, с. 142.

[2] «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», с. 336.

[3] См.: «L'Idée russe» (Paris, 1888), «La Russie et l'Eglise universelle» (Paris, 1889) и др.

[4] «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», с. 342.

[5] См.: К. Мочульский, Владимир Соловьев. Жизнь и ученье, изд. 2, Париж, Ymca-Press, 1951, с. 192—193.

русского освободительного движения, в творчестве Соловьева вновь намечаются существенные сдвиги — и весьма противоречивого свойства. Именно в это время усиливаются реакционные стороны соловьевского мировоззрения. Он вновь резко критикует деятелей русского революционного движения, проповедует «смирение» и почти средневековый аскетизм, выступает с морализаторскими и, по сути дела, направленными против освободительного движения статьями о Пушкине и Лермонтове, защищает империалистическую политику европейских держав в Азии. В его творчестве вновь усиливаются элементы мистики, и основным объектом философско-эстетической полемики, как и в 1870-х годах, становится материалистическое мировоззрение. Незадолго до смерти Соловьев выступает с «Тремя разговорами» — произведением, критиковавшим современность справа и вызвавшим одобрение Победоносцева.

Но и в эти годы Соловьев продолжал осуждать современную ему церковь. Он разуверяется и в спасительности «теократии». К концу века от его веры во «вселенскую церковь», собственно, уже ничего не остается. Параллельно нарастает и понимание мизерности, паллиативности либеральной деятельности. Сопровождаемое всегдашней боязнью и капитализма и революции, это двойное разочарование приводит Соловьева к пессимистическим выводам о конце человеческой истории: «Историческая драма сыграна, и остался один эпилог». [1]

Пессимизм Соловьева конца 1890-х годов — явление глубоко знаменательное, вызванное сознанием иллюзорности всех доступных ему форм борьбы с жизненным злом и неумением найти новые. Но именно в этом глубочайшем трагизме, в предчувствии конца огромного исторического периода и краха всех старых систем миропонимания, может быть, и заключается основной исторический смысл последнего периода деятельности Соловьева.

* * *

Рассмотрение сложных и противоречивых философских воззрений Соловьева не входит в задачи настоящего очерка. Укажем лишь на некоторые стороны его позиции, существенные для дальнейшего изложения.

Соловьев был самым значительным в русской идеалистической философии критиком позитивизма. Характерен сам подзаголовок магистерской диссертации Соловьева — «Против позитивизма».

---

[1] Вл. Соловьев, По поводу последних событий. — «Вестник Европы», 1900, № 9, с. 306.

Требуя положительных знаний, пропагандируя естественные науки и биологический подход к социальным проблемам, позитивизм воспринимался современниками как последнее слово материализма. Успехи биологии, физиологии, химии, физики способствовали упрочению его авторитета в качестве единственно научной системы мировоззрения. Укрепившись в умах естественников, он широко влиял на деятелей социальных наук Запада. В России о силе его воздействия свидетельствует, например, творчество Писарева. На русскую науку, бурно развивавшуюся во второй половине XIX века, оказали влияние идеи Конта, Спенсера и др. Вместе с тем одним из главных последствий господства позитивизма явилось раздробление наук, стремление к специализации, «позитивным» знаниям.

Основной чертой, объединявшей противоречивые и во многом изменявшиеся философские воззрения Соловьева, было стремление к синтезу, возврату к огромным и целостным философским концепциям в духе Платона и Гегеля. Не случайно именно он ввел в русскую философию термин «всеединство», который сделался одновременно и одним из центральных понятий его системы. Специализация, раздробленность, позитивизм, материализм и буржуазность воспринимались Соловьевым как синонимы, в равной мере характеризующие враждебную ему философскую позицию.

Собственные взгляды Соловьева строились под сильным воздействием Гегеля: единство космического и исторического процесса, подчиненного законам диалектического самоотрицания и в форме триады развивающегося от низших этапов к высшим, находит себе завершение в конечном синтезе мирового движения — в победе любви над смертью. Но, в отличие от Гегеля, Соловьев видел цель философии не только в познании законов развития, но и в поисках правильного — нравственного — поведения человека. Поэтому система его с неизбежностью становилась не только философией, но и религией. В сочинениях Соловьева господствует мысль о том, что философия должна быть практической и активной, — не только мудростью, но и деятельностью.

Существенной стороной воззрений Соловьева был его уже отмечавшийся эсхатологизм: торжество любви наступит после катастрофического конца старого мира. Живя в эпоху приближающихся мировых катаклизмов — войн и революций, — Соловьев значительно более чутко, чем многие его современники, с ужасом и затаенным восторгом прислушивался к подземным толчкам истории. Именно поэтому для поколения Блока он предстал в ореоле пророка — провозвестника русской революции.

Эстетические взгляды Соловьева органически связаны с фило-

софской системой объективного идеализма. Соловьев неоднократно заявлял, что красота «есть воплощение идеи».[1] «Космический ум в явном противоборствии с первобытным хаосом и в тайном соглашении с раздираемою этим хаосом мировою душою, или природою», творит красоту.[2] Но представления Вл. Соловьева о прекрасном, о функции искусства — не простое следствие его общефилософских посылок. Развитые преимущественно в работах 1890-х годов, они отразили и воздействие демократических идей. Одним из важнейших тезисов Соловьева была мысль об объективности красоты, ее внеположенности воспринимающей личности. Прекрасное в искусстве неразрывно связано с красотой в природном и человеческом мире. Сопроводив статью «Красота в природе» (1889) многочисленными, хотя порой и наивными «естественнонаучными» экскурсами и ссылками на Дарвина, Соловьев не случайно приходит к защите идей Н. Г. Чернышевского. Не упоминая — по цензурным условиям — имени автора и названия «старого, но не устаревшего» «эстетического трактата», написанного «около сорока лет тому назад», Соловьев, по сути дела, принимает основные выводы Чернышевского: «1. Существующее искусство есть лишь слабый суррогат действительности и 2. Красота в природе имеет объективную реальность».[3]

Логическим следствием этого явились выступления против субъективизма в искусстве. Несмотря на воздействие эстетических взглядов А. Фета, Вл. Соловьев не принимает идей о самодовлеющей ценности красоты. Он развивает прутковскую традицию пародирования «чистого искусства», высмеивает эстетизм «старших символистов». Не раз философ пишет о значении реалистического направления в искусстве. «Не довольствуясь красотой формы, — читаем мы в «Трех речах в память Достоевского» (1881—1883), — современные художники хотят более или менее сознательно, чтобы искусство было *реальной силой*, просветляющей и перерождающей весь человеческий мир. Прежде искусство *отвлекало* человека от той тьмы и злобы, которые господствуют в мире... Теперешнее искусство, напротив, *привлекает* человека к тьме и злобе житейской с неясным иногда желанием просветить эту тьму, умирить эту злобу».[4]

Неожиданной, с первого взгляда, кажется приверженность Соловьева к тенденциозному искусству, его согласие с Чернышевским в том, что «художественная деятельность не имеет в себе самой ка-

---

[1] Собр. соч. Владимира Сергеевича Соловьева, т. 6, СПб., 1904, с. 39.

[2] Там же, с. 68.

[3] Там же, с. 431.

[4] Там же, т. 3, СПб., 1901, с. 173. (Курсив В. С. Соловьева).

кого-то особого, высшего предмета, а лишь по-своему, своими средствами служит общей жизненной цели человечества».[1] Однако мысль эта естественна для апологета «положительного всеединства». Эстетика его неразрывно связана с этикой и гносеологией, а прекрасное — лишь часть искомого идеала «Истины, Добра и Красоты». Считая целью мирового движения нравственно-религиозное возрождение человечества, философ был убежден, что искусство может играть в этом процессе лишь вспомогательную роль, и отказывал красоте в праве на автономию от истины и нравственности. И если в 1870-х годах и в конце 1890-х эти идеи приводят к выводам о теургической роли искусства, то в статье «Общий смысл искусства» (1892) художник уже не «слуга теологии». Он пророк, изображающий мир «с точки зрения его окончательного состояния или в свете будущего». Отдавая безусловное предпочтение профетической роли искусства, Соловьев, конечно, оказывается ближе к будущей поэзии «младших символистов», чем к реалистической эстетике XIX века, но и с этой последней связь его в 1890-х годах несомненна.

Своеобразие эстетической позиции Соловьева определило отношение к его поэтическому наследию в кругу молодых поэтов начала XX века. Взгляды Соловьева воспринимались здесь как требование к поэзии выразить катастрофизм времени, а к поэту — быть достойным своего высокого и трагического предназначения. Таким сохранил образ Соловьева Андрей Белый:

Он — угрожает нам бедой,
Подбросит огненные очи;
И — запророчит к полуночи,
Тряхнув священной бородой![2]

* * *

Поэзия составляет количественно небольшую, но весьма интересную часть наследия Соловьева. Правда, сам Соловьев считал поэтическое творчество неизмеримо менее значимым, чем свою «серьезную» — философскую и публицистическую — деятельность. В предисловии к первому изданию стихотворений он писал, что публикует свои произведения лишь «по желанию некоторых друзей, которым

---

[1] Собр. соч. Владимира Сергеевича Соловьева, т. 6, с. 429. Процитированная мысль, как отмечает Соловьев, «первый шаг к истинной, положительной эстетике», и сделан он в русской литературе именно Чернышевским.

[2] См.: Андрей Белый, Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта» (Б. с.), М.—Л., 1966, с. 422.

они нравятся более, чем мне самому».[1] Видимо, поэтому же Соловьев, всегда глубоко убежденный в справедливости своих теоретических построений, никогда ни с кем не советовавшийся относительно существа своих философских концепций, постоянно спрашивал не только у близких друзей, но часто и у случайных знакомых, как лучше построить ту или иную строчку, стоит ли печатать только что написанное стихотворение и т. д.

Не будучи поэтом «первой величины», Соловьев сыграл определенную роль в развитии русской лирики конца XIX века.

Центральное место в художественном наследии Соловьева принадлежит философской лирике, продолжающей традиции В. Жуковского — с одной стороны, Ф. Тютчева и А. Фета — с другой, но вместе с тем и вполне самобытной. Она стремится ответить на те же вопросы, что и творчество Соловьева в целом, но делает это посвоему.

Основной антитезой, на которой строится система образов в этой группе стихотворений, является традиционное для романтизма противопоставление «неба» и «земли», высокого духовного и низменного материального начала. Антитеза эта выступает постоянно и в самых разнообразных формах. Соловьев противопоставляет явления и сущность:

И под личиной вещества бесстрастной
Везде огонь божественный горит.

(«Хоть мы навек незримыми цепями. . .»)

От окружающего, «здешнего» мысль движется к бесконечно далекому:

. . .Толпа немых видений
    Растет, растет и заграждает путь,
И еле слышится далекий голос тени:
    «Не верь мгновенному, люби и не забудь!»

(«Какой тяжелый сон! В толпе немых видений. . .»)

Противопоставленные образы четко оцениваются. Мир духовный одновременно и прекрасен и добр; мир «грубой», неодухотворенной материи — сфера безобразного, уродливого и вместе с тем злого:

Как ясно над тобой сверкает отблеск бога,
Как злой огонь в тебе томителен и жгуч.

(«О, как в тебе лазури чистой много. . .»)

---

[1] Стихотворения Владимира Соловьева, М., 1891, с. 3.

Характерен и другой поворот поэтической мысли: мир здешний — юдоль страдания; мир духовный несет полноту блаженства. Представления Соловьева о мире идеала имеют отчетливо утопический характер. Это не только осуществление грез лирического героя:

Ты будешь ждать с томительной тоской
Вновь отблеска нездешнего виденья,
Вновь отзвука гармонии святой, —

(«Бескрылый дух, землею полоненный. . .»)

но и реализация идей общечеловеческого счастья — «всемирный праздник возрожденья» («Что роком суждено, того не отражу я. . .»).

Соловьева и в поэзии не покидает постоянное, проходящее через всю жизнь ощущение, что современный ему мир зла обречен на гибель. «Эсхатология» Соловьева приобретает то апокалипсически-мистическое, то почти пророчески-революционное звучание. Но всегда поэт уверен, что конец «этой» жизни — не за горами, что близко начало иного, «золотого века», где добро и красота победят зло и безобразие:

Новых великих веков чреда зарождается ныне.
. . .Для мира всего взойдут времена золотые.

(«Поллион»)

Отнюдь не новые в русской и европейской поэзии антитезы «здешнего» и «идеального» могут, однако, истолковываться в лирике Соловьева в двух довольно далеких друг от друга планах.

С одной стороны, Соловьев, знаток, поклонник и популяризатор философии Платона, часто подчеркивает в материальных явлениях только их второстепенность, незначимость, призрачность:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что всё видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

*(«Милый друг,
иль ты не видишь. . .»)*

Мир материальной действительности, «житейский шум трескучий» — «только отзвук искаженный торжествующих созвучий» «подлинного» мира, мира идей. Как «искажение» истины, материя — это и зло. Признавая открытые естественными науками законы биологи-

ческого существования, Соловьев стремился оценивать их этически. В самих биологических основах жизни он усматривает трагедию. Естественные законы, по Соловьеву, злы, дисгармоничны. Эта точка зрения на природу и на природу человека находит отражение в лирике Соловьева. Так, в стихотворении «Лунная ночь в Шотландии» жизнь диких горцев рисуется только как примитивная, кровожадная. Соловьев радостно восклицает в конце стихотворения:

Песня былого навек отзвучала,
Дикая жизнь — не воскреснет она!

В этом стихотворении есть и характерное для Соловьева 1890-х годов неприятие средневековья, вера в поступательность исторического развития. Но есть здесь и иное. Демократическое искусство от Руссо до Л. Толстого рассматривало простые формы общественной организации и человеческого сознания как наиболее яркое проявление доброй природы человека. Для Соловьева же, чем ближе к природе — тем злее, «темнее» человек.

Однако подобный ход поэтической и философской мысли, выработавшийся в «Чтениях о Богочеловечестве» (1878), не был для Соловьева ни единственным, ни даже главным. Мы находим в его творчестве и совершенно иные представления о сущности земной жизни — уже не «платоновские», а скорее напоминающие Гегеля.[1] Материя понимается как неизбежное и закономерное развитие «божественной идеи». Отсюда и совсем иной взгляд на природу, противоречиво сосуществующий с первым. Природный мир «становится необходимым орудием или материей для полного осуществления, для окончательной реализации» и самовыражения «духовной основы» мира.[2] Земное, материальное начало поэтому рассматривается уже не как случайность, а как закономерность, не как зло, а как важный

[1] Отношение Соловьева к Гегелю и гегельянству очень сложно. С одной стороны, он часто критикует немецкого философа за «рационализм», подчеркивая его — действительно очень важную — связь с французской философией (т. е., в конечном итоге, — с Великой французской революцией). С другой стороны, Соловьев выше всего оценивает в Гегеле именно диалектический метод: «Осталось и навсегда останется то положительное, что внесено этою (гегелевской. — *З. М.*) философией в общее сознание: идея универсального процесса и развития как общей, всепроникающей связи частных явлений» (В. С. Соловьев, Философия Гегеля. — В кн.: Кэрд, Гегель, М., 1898, с. 306). В целом ряде работ Соловьева (например, в «Чтениях о Богочеловечестве») прямо отразились и метод Гегеля, и его общая концепция мирового исторического процесса.

[2] Собр. соч. Владимира Сергеевича Соловьева, т. 3, с. 43.

этап восхождения «мировой души» к идеалу «Истины, Добра и Красоты».

Под влиянием этих представлений Соловьев часто стремится «реабилитировать» землю, показать высокий смысл «земного начала»:

Свет из тьмы. Над черной глыбой
Вознестися не могли бы
Лики роз твоих,
Если б в сумрачное лоно
Не впивался погруженный
Темный корень их.

(«Мы сошлись с тобой недаром. . .»)

Мысль о «свете», возникающем «из тьмы» земного бытия, резко расходится с платоновским пониманием «земли». Здесь-то и возникает основа (в самом творчестве поэта не всегда реализуемая) для истолкования «сумрачного лона» как реальности земной жизни, а «света» — как возможности счастья здесь же, на земле, т. е. основа для превращения мистических построений в своеобразную социальную утопию.

Отсюда и совершенно новое звучание пейзажной лирики, у Соловьева всегда тесно связанной с философской. Появляется тема воспевания земли:

Золотые, изумрудные,
Черноземные поля. . .
Не скупа ты, многотрудная,
Молчаливая земля!

(«Нильская дельта»)

То же — в стихотворениях «Земля-владычица! К тебе чело склонил я. . .», «На том же месте» и многих других. А в стихотворении «Поллион» (перевод знаменитой четвертой эклоги Вергилия) Соловьев постоянно подчеркивает, что ожидаемый тоскующим человечеством «век золотой» — это земное счастье, имеющее вполне земные, материальные проявления:

Козы домой понесут сосцы, растяженные млеком. . .
. . .Сами собою цветы дадут тебе мягкое ложе.
. . .И понемногу поля зажелтеют колосом мягким,
И на диких лозах повиснут багряные грозды,
Твердый же дуб источать росу медвяную станет.

В целом полнокровное, «античное» и «ренессансное» переживание образов земли и земного счастья будет свойственно Соловьеву не меньше, чем «платоновское» отречение от бытия. С известными оговорками можно наметить и хронологию изменений этого важнейшего аспекта соловьевской лирики. В стихотворениях ранних и предсмертных (1895—1900) отчетливее звучат мотивы аскетического отречения от жизни, неприятия «земли»; в произведениях 1880-х — первой половины 1890-х годов заметнее вера в «земное». В частности, следует выделить большую группу пейзажных стихотворений 1893—1895 годов. Хотя полюбившаяся Соловьеву северная природа (он подолгу жил и работал в Финляндии, плавал по Балтийскому морю) никогда не осмысляется им только как природа, а всегда — как проявление некоей духовной сущности мира, но роль «земного», эмпирического плана пейзажных образов здесь весьма велика. Соловьев воспевает красоту знаменитого водопада Иматра и озера Сайма, прелесть северных зим и краткого лета, и в его лирике постоянно сквозит ощущение того, что именно посюсторонний мир природы дает герою яркость и полноту переживаний («Тебя полюбил я, красавица нежная...»). Отсюда совершенно иной подход и к природе человека, и к человеку природы, прославление его богатырской силы и гордости:

Здесь с природой в вечном споре
Человека дух растет
И с бушующего моря
Небесам свой вызов шлет.

(«По дороге в Упсалу»)

Для понимания философской лирики Соловьева важен еще один момент. Окончательный идеал человеческого счастья осмысляется поэтом в течение почти всей его жизни — а особенно во второй период творчества — не как преодоление «земного» начала искони враждебным ему небесным, а как некий «синтез», объединение всех лучших сторон материального бытия и высот духа. В итоге исторического процесса:

Гордого духа порывы и нежность любви беспредельной, —
Всё то в одну непреклонную силу сольется, волшебным
Мощным потоком все думы людские обнимет,
Цепь золотую сомкнет и небо с землей сочетает.

(«Vis ejus integra si versa fuerit in terram»)

Приведенные строки тесно связаны с уже рассматривавшимися идеями «синтеза», неоднократно привлекавшими внимание исследо-

вателей. Но и единомышленники и критики Соловьева, как правило, видят в мечтах о «синтезе» только стремление к примирению жизненных противоречий, противоположное толстовскому «срыванию масок» и, в существе своем, охранительное.[1]

Разумеется, в сложном творчестве Соловьева вообще и в теориях «синтеза» в частности есть и бесспорно «примирительные» тенденции.[2] Но ими не исчерпывается смысл рассматриваемых идей. Мечты о «синтезе» духа и материи, о «синтетическом» — гармоническом, разносторонне прекрасном — бытии и человеке были связаны с диалектическим представлением о том, что «все действительное разумно», что каждый этап человеческой истории и мысли имеет свои причины и «рациональное зерно», вносит вклад в поступательное развитие человечества. Вряд ли стоит видеть в таком понимании истории только «примирение» — напротив, в нем, как и во всяком диалектическом подходе, были зерна историзма. Идеи «синтеза» противостояли односторонности таких форм позднедемократической мысли, как народническая этика жертвы, толстовское нравственное учение и т. д., поскольку прославляли целостность личности, сформированной в итоге исторического развития человечества. Однако они отличались и от осуждавшегося Соловьевым декадентско-ницшеанского культа «сверхчеловека», — культа, который, несмотря на свои притязания, не был утверждением разносторонне прекрасной личности, «выкидывая» из идеала гуманность, «общественность».

Вообще столь важное и для Соловьева, и для символистской поэтики понятие «синтеза» обычно рассматривается, под влиянием гегелевской терминологии, как снятие противоположностей «тезы» и «антитезы». Но в рамках этих же традиций определилось и совсем иное осмысление «синтеза», «гармонии», «единства» — не как снятия противоречий, а как их обостренно антитетического, «диалогического» сосуществования в рамках нового сложного целого. Это осмысление мы находим прежде всего у зрелого Блока.[3] Определяя подобный идеал в современной терминологии как полифоническую, «многоголосую» структуру мира, не следует забывать о его связи с соловьевским «синтезом».

---

[1] См.: П. Громов, А. Блок, его предшественники и современники, М.—Л., 1966, с. 59—83.

[2] Так, в 1890-х годах идеи «синтеза» были проявлением характерной для статей Соловьева в «Вестнике Европы» попытки «примирить» мистицизм и «позитивизм», социальный утопизм демократической мысли и христианскую утопию в духе Ф. М. Достоевского.

[3] Ср.: Т. Родина, Антитезы блоковского сознания — исторически новый способ восприятия мира в его цельности. — В ее кн.: «А. Блок и русский театр начала XX века», М., 1972, с. 86.

Мысли о ценности земного бытия обусловили структуру философской и интимной лирики Соловьева, тот «символизм», который станет впоследствии столь важным для творчества молодого А. Блока, А. Белого и других поэтов-«соловьевцев» начала XX века. Подлинный смысл каждого явления (и означающего его слова) раскрывается у Соловьева-лирика в результате объединения по меньшей мере двух рядов значений: земного, эмпирически-реального, и «высокого», мистически-идеального. Так, Солнце — это и солнце, и «Солнце любви», «час разлуки» — это и время расставания с возлюбленной, и тот момент развития «Души мира», когда материя отторгается от духа, и т. д. Сам образ героини в лирике Соловьева допускает, как правило, эти же две интерпретации — реальную и мистическую.[1] Двуплановость образов выражена здесь менее последовательно, чем, например, в «Стихах о Прекрасной Даме» А. Блока (часто Соловьев прибегает поэтому к прямым философским декларациям о «двойственности» бытия), но все же она весьма характерна для поэтической манеры Соловьева.

Отсюда двоякое звучание его лирики. С одной стороны, «внешний мир в поэзии Соловьева как бы дематериализуется»,[2] реальные картины растворяются в мерцанье «неземного света», с другой — поэзия Соловьева никогда не порывает с такими образами, которые могут быть истолкованы и в эмпирическом плане. Более того: образы реальные, чувственно воспринимаемые Соловьев явно предпочитает отвлеченным рассуждениям, умозрительным символам или романтическому буйству фантазии. «Земной план» изображаемого очень существен: он раскрывается не только как *подобие* идеальной сущности явлений, но и как *единственный путь* к ее постижению. Отсюда поиски слов-образов, значение которых не ограничивалось бы их «первым» планом, но и не разрывало бы с ним, «синтезируя» в символе две стороны объективного мира: материальную и идеальную.

В стихотворениях Соловьева почти всегда реализуются одновременно две тенденции: стремление к максимальной поляризации слов-понятий и стремление подчеркнуть единство этих полярных начал, их неизбежный грядущий «синтез». Первое обусловливает насыщенность текста антонимами (небо — земля, свет — тьма, добро — зло, раб —

---

[1] В этом смысле очень характерно, что стихотворение об озере Сайма критика приняла за «клятвы в любви финской девушке»! Исключение составляют лишь, с одной стороны, произведения чисто мистические («Три свидания»), с другой — шуточные.

[2] Г. А. Бялый, Поэты 1880—1890-х годов. — В кн.: «Поэты 1880—1890-х годов», «Б-ка поэта» (Б. с.), М.—Л., 1972, с. 34.

господин, счастье — горе, божество — вещество и т. д.), а также словами, получившими в контексте стихотворения значение противопоставленности (лазурь — тучи, любовь — суета, тьма — день, власть — правда, Ксеркс — Христос и т. д.). В отношения антонимии вступают целые словосочетания («радость обновленья» — «безнадежное прости»), строфы и даже более крупные части текста. С другой стороны, стремление подчеркнуть единство образов порождает конструкции, в которых акцентируется общность противопоставленных понятий: частые оксюмороны, прямо предсказывающие поэтику символизма («в своем отечестве чужом», «говорит в немом привете», «звуки звучат тишиной», «темного хаоса светлая дочь»), и контрастность нерасчленимых ситуаций (в стихотворении «Иммину-эль» бог является «средь суеты», в стихотворении «Мы сошлись с тобой недаром. . .» — «свет» возникает «из тьмы» и т. д.). Отсюда же стремление объединить антонимы каким-то словом-понятием, подчеркивающим их общность («*сочетанье* Земной души со светом неземным», «С Востоком Запад *примирил*» и т. п.). В творчестве молодого Блока, А. Белого (отчасти — Вяч. Иванова) принцип одновременного подчеркивания различия и сходства сталкиваемых в тексте слов-образов станет господствующим.

Подобное построение характеризует и интимно-лирические стихотворения Соловьева, которые составляют весьма заметную часть его поэтического наследия, тесно связанную с философской лирикой. Соловьев почти никогда не был склонен рассматривать интимные чувства как только земные, «посюсторонние». Он неоднократно писал, что земная любовь имеет высокий смысл лишь как форма проявления «Души мира», «Вечной Женственности». Фанатично преданный своим абстракциям, он привносил «мистический» смысл и в свои отношения с женщинами, что окрашивало чувство его в тона религиозно-экстатические. Любовь — способ выхода за пределы индивидуального «я», та возможность человека жить не в себе, а в другом, которая создает условия для грядущего всечеловеческого единения.

Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете?

(«Милый друг,
иль ты не видишь. . .»)

Соловьев объяснял происхождение эгоизма общим свойством материи — ее непроницаемостью: разделенные пространством и временем, элементарные частицы материи принципиально неслиянны,

Поэтому эгоизму можно противопоставить лишь нечто, столь же неразрывно связанное со свойствами «духа», как сам эгоизм — со свойствами материи. Таким признаком явлений духовного ряда Соловьев считает их взаимосвязь и взаимопроникновение, разрушающее временные и пространственные барьеры, сливающее индивидуумов в единую «всечеловеческую» семью. Наивысшее выражение этого взаимопроникновения человеческих душ Соловьев (вслед за Платоном) видит в любви.

Так понимаемая любовь подразумевала аскетическое решение вопроса об отношении личности к миру. «Частность» сама по себе ничтожна и обречена на вечную тоску и стремление к единению с «целым»:

Волна в разлуке с морем
. . . .
Всё ропщет и вздыхает,
В цепях и на просторе,
Тоскуя по безбрежном,
Бездонном синем море.

(«L'onda dal mar'divisa. . .»)

Подлинная любовь — единение душ, противостоящее земному эгоизму и возможное лишь в мире духа:

И в этот миг незримого свиданья
Нездешний свет вновь озарит тебя,
И тяжкий сон житейского сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

*(«Зачем слова?
В безбрежности лазурной. . .»)*

Характерной особенностью такой любви объявляются благо и всепрощение («У царицы моей есть высокий дворец. . .»).

Мистико-аскетический поворот темы любви сам Соловьев считал для себя наиболее характерным, с наивной гордостью заявляя, что служит не «простонародной Афродите», а «Вечной Женственности».[1] Чувственная страсть рисуется им либо как антитеза «высокой» любви, либо как первый, еще неуверенный и ложный шаг к ней («Три подвига»).

Сказанное в значительной мере определяет структурные принципы интимной лирики Соловьева, которая строится на противопо-

---

[1] Вл. Соловьев, Предисловие к кн. «Стихотворения Вл. Соловьева», изд. 3, СПб., 1900, с. XIII—XIV.

ставлении (чаще всего — статическом, реже — сюжетном, динамическом) лирического «я» и героини. За этим противопоставлением с его многообразными вариациями нетрудно угадать центральную антитезу соловьевской поэзии — «земли» и «неба», «тела» и «духа». Конфликт «я» и «ты» связывается с тем, что один из героев «опутан земной паутиною», а второй полон решимости силой освободить предмет своей любви от «злого огня» земных страстей. Разрешение конфликта (воспринимаемого и как интимный, и как общечеловеческий, и как мистический) чаще всего оптимистично: «высокая» любовь торжествует над низменными страстями.

В ряде стихотворений (особенно из цикла, навеянного любовью к С. М. Мартыновой) в роли освободителя, носителя активного духовного начала выступает лирический герой, «я» («Три подвига», «Вижу очи твои изумрудные...» и др.). Однако чаще лирическое «я» — это земное, а потому «неверное» создание, изменяющее своей высокой любви и гибнущее в борьбе с «злою силою». В этом случае спасительницей оказывается «Она» — «Душа мира» («У царицы моей есть высокий дворец...»).

Такая расстановка лирических персонажей, важная и для понимания раннего творчества Ал. Блока, порождает особое отношение поэтического «я» к предмету любви. «Она» — объект мистически-возвышенного культа, не рассчитывающего на ответное чувство, удовлетворяющегося платонически-восторженным созерцанием. Единственное, о чем герой молит «Деву», — это помочь ему «цепь разорвать земного плена», и уже «там», в мире сверхчувственном и сверхматериальном, разделить его любовь (ср. перевод из Петрарки «Хвалы и моления Пресвятой Деве»). Такое же понимание истинной любви присуще и философским работам Соловьева, в частности одному из самых больших и «броских» его произведений — «Оправданию добра» (1897): одна из глав сочинения прямо называется «Аскетическое начало в нравственности».

«Аскетическое» решение интимной темы обусловливалось не только теоретическими воззрениями Соловьева, но и реальными фактами его исполненной трагизма биографии. В течение более десяти лет влюбленный в замужнюю племянницу А. К. Толстого, С. П. Хитрово, и сам отказавшийся от «безнравственного» бракоразводного процесса, переживший в 1892—1894 годах безответное чувство к С. М. Мартыновой и разочаровавшийся в этой «матроне», превратившейся в «Матрену», Соловьев, естественно, поэтизирует собственные эмоции, пишет о *своей* любви. Здесь, как и всюду у поэта, изображение принципиально двупланово: оно имеет и интимно-психологический и общефилософский аспекты.

И все же не правы исследователи, которые, подобно В. Саводнику, принимая на веру отдельные декларации Соловьева и не стремясь понять систему его творчества в целом, писали о «полном отсутствии в его поэзии чувственного элемента», о том, что «любовь Соловьева идеалистична, относясь всецело к тому «вечно-женственному», которое в живой действительности находит себе слабое и неполное воплощение». [1]

На самом деле все было противоречивее — жизненней, живее. В творчестве Соловьева существовало и иное решение темы любви. Если в земной «тьме» диалектический взор различает «свет», то и в земной любви может не быть ничего «низкого». Возникает то объединение тем «Вечной Женственности» и реальной, земной страсти, а подчас и растворение первого из этих мотивов во втором, которое не только шокировало религиозных интерпретаторов Соловьева, но, пожалуй, смущало и самого поэта, толкая его к объяснениям перед читателями, критикой и ... самим собой.

Несмотря на оговорки и поэтические декларации: «Любовью нездешней люблю я тебя», мистическая «Жена, облеченная в Солнце», оказывается наделенной земными чертами. Образ «женской красоты» окрашивается в тона столь сильной любви-страсти, что порой возникает даже антитеза, прямо противоречащая тому, о чем писалось раньше: небо, далекое и холодное, противопоставляется любви — земному чувству, с которым связано все лучшее, яркое и значительное:

Днем луна, словно облачко бледное,
Чуть мелькнет белизною своей,
А в ночи — перед ней, всепобедною,
Гаснут искры небесных огней.

(«День прошел с суетой беспощадною. . .»)

Особенно не вяжутся с мистическими и аскетическими декларациями замечательные переводы из Гафиза, исполненные ярко гедонистического мироощущения и переданные в традициях русской анакреонтической лирики. В переводах из Гафиза характерно противопоставление религиозного ханжества и любви («Не мани меня ты, шейх. . .»), несправедливостей жизни и радостей земного бытия («Воды, шумящие волны — потоп угрожает! . .»). На очевидное несоответствие тональности этих стихотворений мистическим декларациям Соловьева указал в свое время критик-народоволец Л. Мельшин (П. Ф. Якубович).

---

[1] В. Саводник, Поэзия Вл. Соловьева, М., 1901, с. 16 и 18.

Отмеченные противоречия весьма типичны: они отражают общие контрасты творчества поэта. Разумеется, и здесь надо говорить об эволюции. Хотя «чисто интимные» стихотворения можно найти у Соловьева даже в периоды наиболее сильных мистических увлечений, но в целом мистико-аскетическая струя преобладает в лирике 1870-х годов — начала 1880-х годов и в произведениях последних лет: в стихотворениях, посвященных свиданию с «царицей» в Египте, а также адресованных С. П. Хитрово. В конце же 1880-х — начале 1890-х годов заметнее иные настроения. Так, «мартыновский» цикл 1892—1894 годов включает наряду со стихотворениями отчетливо мистической тональности и такие, где совершенно не ощутимо веяние «неземного» духа («По случаю падения из саней вдвоем. . .», «Тесно сердце, я вижу, твое для меня. . .», «Три дня тебя не видел, ангел милый. . .» и др.). Следует иметь в виду и то, что противоположные тенденции в соловьевском творчестве часто сосуществуют.

Важное место в поэзии Соловьева занимает политическая лирика. В ней выделяются две группы произведений. К первой относятся стихотворения об исторических судьбах России («Ex oriente lux», «Панмонголизм», «Дракон»), теснейшим образом связанные с традициями славянофильства (особенно поэзии Хомякова), политической лирики Тютчева и с соловьевскими статьями на историко-религиозные темы. Политический смысл этих стихотворений неоднороден. Их проблематика не может быть охарактеризована односторонне.

«Ex oriente lux» (1890) — наиболее «славянофильское» произведение Соловьева. Поэт мечтает о грядущей вселенско-христианской освободительной миссии России. Но он неустанно повторяет, что только свободная страна может играть решающую роль в мировой истории:

«С Востока свет, с Востока силы!»
И, к вседержительству готов,
Ирана царь под Фермопилы
Нагнал *стада своих рабов.*

Но не напрасно Прометея
Небесный дар Элладе дан.
Толпы рабов бегут, бледнея,
Пред горстью доблестных граждáн.

(«*Ex oriente lux*»)

В «Панмонголизме» (1894) от славянофильских иллюзий не осталось и следа. Россия, считает поэт, не исполнила «завета любви».

Рисуя падение «растленной Византии», Соловьев проводит чёткую параллель между «вторым Римом» и Россией. В современной поэту России, как некогда в Византии, «остыл божественный алтарь» — воцарились ложь и несправедливость. Можно было научиться «судьбою падшей Византии», но этому препятствуют «льстецы России» (перефразировка пушкинского «клеветники России») — носители охранительной позднеславянофильской идеологии, наследники идеи «Москва — третий Рим». Напрасно сулят они России великое будущее: не может быть могущественным деспотическое государство победоносцевых, его ожидает неизбежная и страшная кара, историческое возмездие. «Народ безвестный и чужой» поверг во прах «второй Рим» — тиранической России принесут неизбежную гибель удары «пробудившихся племен». И как всегда, когда речь заходит о крахе «этого» мира, о приближении расплаты за зло и несправедливость, голос Соловьева обретает подлинную силу:

Смирится в трепете и страхе,
Кто мог завет любви забыть...
И третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть.

(«Панмонголизм»)

«Пророческие» интонации Соловьева отражают его трагическую, но мужественную уверенность в том, что государство «двуглавого орла» заслужило страшное возмездие и что оно неотвратимо приближается. Не случайно стихотворение так часто привлекало художников нового столетия в годы первой русской революции («Грядущие гунны» В. Брюсова) и в дни Октября («Скифы» А. Блока). Многое в произведении Вл. Соловьева отходит в сознании художников революционной эпохи на задний план или переосмысляется: эсхатологический пафос превращается в революционный, пессимизм позднего Соловьева («А уж четвертому не быть») сменяется историзмом, мысль о возмездии как о «божьей каре» — идеей возмездия социального, концепция «нашествия варваров» уступает место картинам классовой борьбы. Но тон высоких проклятий «растленной» «России Ксеркса», вера в неизбежность ее гибели, в историческую справедливость кары — эти настроения «Панмонголизма» долго еще будут восприниматься как вдохновенное пророчество о том, что «новый мир уже при дверях» (А. Блок).

Вторая группа политических стихотворений Соловьева прямо посвящается борьбе с деспотизмом. Он охотно обращается к библейским сюжетам, развивая имеющую глубокие корни в русской поэзии

традицию «высокой», политически-обличительной лирики. Правда, некоторые стихотворения на библейские темы не выходят за рамки историко-религиозной и этической проблематики (ср. «В землю обетованную», 1886, «Неопалимая купина», 1891). Однако мифология этого типа имеет и иной смысл.

Соловьевское неприятие действительности нашло широкое отражение в его поэзии. Оно звучит и в переводе «Ответа Микель-Анджело» на «Эпиграмму Дж. Б. Строцци...»

Мне сладок сон, и слаще камнем быть!
Во времена позора и паденья
Не слышать, не глядеть — одно спасенье...
Умолкни, чтоб меня не разбудить, —

и в значительном числе стихотворений 1880-х — начала 1890-х годов. Ярко выразилось оно и в стихотворении «Кумир Небукаднецара» (1891), сюжет которого навеян ветхозаветной легендой. Стихотворение это печаталось в сокращенном и искаженном цензурой виде, а потому рассматривалось как «чисто» историческое. Между тем в письме Соловьева к М. М. Стасюлевичу оно имело вполне современный подзаголовок — «Посвящается К. П. П⟨обедоносцеву⟩». Таким образом, стихотворение о Навуходоносоре следует рассматривать в одном ряду не с исторической поэзией, а с хомяковским стихотворением на ту же тему, исполненным политических аллюзий, с выступлениями Соловьева против Победоносцева и с соловьевской сатирой. В «Кумире Небукаднецара» обличение деспотизма достигает высокой силы. Небукаднецар (Навуходоносор) говорит покоренным им рабам:

...Мои народы!
Вы все рабы, я — господин.
. . . .
Я царь царей, я бог земной.
Везде топтал я стяг свободы, —
Земля умолкла предо мной.

Но и этого мало деспоту. Он считает, что имеет власть не только над телами, но и над душами «народов», что он волен диктовать им мысли, чувства и вкусы:

...Только царь вселенной
Мог дать богов своим рабам.

Теперь вам бог дается новый!
Его святил мой царский меч,

*

А для ослушников готовы
Кресты и пламенная печь.

Эта картина разнузданного деспотизма, поддерживаемого холопским «гласом трепетных жрецов», которые «послушно гимны пели», не могла не вызывать у читателя (даже после изъятия подзаголовка) ассоциаций с современностью, с победоносцевской «культурной политикой». И уже не отвлеченно-религиозными размышлениями о «божьей каре», а гражданским призывом к мщению звучала концовка стихотворения:

Твердь расступилась надо мной.
. . . .
Он пал в падении великом
И опрокинутый лежал,
А от него в смятенье диком
Народ испуганный бежал.

Любопытен здесь и образ поэта-борца, призывающего «небо» к мщению. Эта библейская тема поэта-пророка восходит в конечном счете к декабристской традиции. Интересно и противопоставление лирического «я» официозной поэзии «жрецов», трусливо и корыстно прославляющих зло и ложь.

* * *

Особое место в творчестве Соловьева занимают так называемые шуточные стихотворения. Значение этой части наследия Соловьева до сих пор в должной мере не оценено. Ни разу не были даже полностью собраны шуточные и сатирические произведения поэта. Критика либо игнорировала их, либо (С. Соловьев) настойчиво подчеркивала «безобидность» соловьевской иронии, сводя ее лишь к «насмешке незлой».

Между тем сам факт широкой известности этих произведений должен был бы привлечь к ним внимание исследователей. Хотя шуточные стихотворения при жизни поэта почти не печатались, однако они расходились в списках и в устном чтении и были весьма популярны в кругах интеллигенции Москвы и Петербурга. Высоко отзывался о них Лев Толстой.[1] А поэт, наиболее глубоко связанный с традицией Соловьева, чувствовавший тончайшие оттенки его ли-

---

[1] См.: Дневник В. Ф. Лазурского. — «Литературное наследство», т. 37-38, М., 1939, с. 498.

рики, — Александр Блок — специально подчеркивал особую роль «странного и страшного» соловьевского смеха.[1] Высказывалась даже точка зрения, согласно которой Соловьева-поэта следовало расценивать *преимущественно* как автора шуточных произведений в духе Козьмы Пруткова.

Шуточные стихотворения, по-видимому, могут рассматриваться в двух планах. С одной стороны, это (за незначительными исключениями) блестящие плоды соловьевского остроумия, произведения широкого тематического и эмоционального диапазона, содержащие разнообразные оттенки комического, от мягкого юмора, обращенного на безобидные мелочи «житейской суеты», до ядовитой сатиры, посягающей на весьма серьезные «авторитеты», или горькой, безнадежной иронии и автоиронии. Ни один исследователь русской сатиры XIX века, русской пародии, эпиграммы и т. д. не может пройти мимо этих произведений Соловьева.

Но шуточные стихотворения должны изучаться и с другой точки зрения. Они занимают чрезвычайно важное место в творчестве Соловьева, и без осознания их художественной функции нельзя понять ни философскую лирику Соловьева, ни его литературную позицию в целом. Шуточные стихотворения Соловьева всегда представляют собой вторую сторону его художественного миропонимания, выступая то как дополнение, то как антитеза «серьезных» произведений. Соловьев-мистик, певец «Девы Радужных Ворот», не существует без соловьевской иронии, равно как и Соловьев — враг «средневековья» — без политической сатиры.[2] При этом на разных этапах эволюции поэта соотношение «шуточных» и «серьезных» произведений оказывается совершенно различным.

Ранние шуточные стихотворения Соловьева восходят, в первую очередь, к традициям Козьмы Пруткова. «Прутковские» воздействия были поддержаны обстоятельствами биографии поэта: Соловьева связывали узы дружбы с вдовой А. К. Толстого и многолетняя трагическая любовь — с ее племянницей С. П. Хитрово. Он подолгу жил у Толстой и Хитрово в Пустыньке и Красном Роге — местах, связанных с создателем Козьмы Пруткова (высоко ценил Соловьев и братьев Жемчужниковых). Но, разумеется, дело не только в случайностях местопребывания поэта: Соловьеву оказалась очень близкой та романтическая ирония, которая характеризует значительную часть

---

[1] Александр Блок, Собр. соч. в 8-ми томах, т. 5, М.—Л., 1962, с. 450.

[2] Ср.: И. Г. Ямпольский, Алексей Толстой. — В кн.: Алексей Толстой, Стихотворения, «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1936, с. 69—71.

шуточной поэзии А. К. Толстого. При этом «романтическая ирония» могла истолковываться двояко.

Первое осмысление функции иронии находим в «Посвящении к неизданной комедии» (1880).[1] Окружающая поэта действительность представляется ему отклонением от высоких норм «истинной» (идеальной) жизни — отклонением либо трагическим, либо нелепым:

Таков закон: всё лучшее в тумане,
А близкое иль больно, иль смешно.

Но поскольку «этот» мир все равно неисправим, поэт предпочитает слезам смех — и не горькую сатиру (она бесполезна: «негодования не стоят наши дни»), а мягкую насмешку, цель которой — «злую жизнь» «хотя на миг один угомонить».

Здесь мы встречаемся с тем «платоновским» и романтическим поворотом миросозерцания Соловьева, который, как уже говорилось, характерен для его поэзии 1870-х годов и последних лет жизни. «Незлая насмешка» господствует в стихотворениях, опубликованных в суворинском «Новом времени». Это, как правило, безобидные, порой еще очень слабые художественно, пародии — чаще всего на Лермонтова («Пророк», «Видение» и др.) или на традиции романтической баллады («Таинственный пономарь», «Осенняя прогулка рыцаря Ральфа»). Встречаются и выдержанные в духе Козьмы Пруткова пародийные «басни» («Полигам и пчелы»). Эстетической основой юмора здесь является та убежденность в никчемной нелепости реального мира, которая была основой и «мистического радикализма» молодого Соловьева. Если стройность, гармония — удел идеального мира, то хаотичность — основа материальной действительности. Последняя комична и принципиально чужда логике. Любое в ней может быть соединено с любым — поэтому основным конструктивным признаком юмористических стихотворений становится комизм нелепости, поэзия нонсенса. Нелепость изображаемого подчеркивается комизмом положений — неожиданным столкновением ничем не мотивированных ситуаций:

Поздно ночью раненый
Он вернулся и
Семь кусков баранины
Скушал до зари —

(«Таинственный гость»)

---

[1] Речь идет о комедии «Белая лилия».

нарочито абсурдными поворотами сюжета, а также типичными для Соловьева каламбурами.

Эти шуточные стихотворения — любопытное «дополнение» к мистическим произведениям 1870-х — начала 1880-х годов. Утверждению духовного начала как высшего здесь соответствует снижение реального как бессмысленного, а убежденности в неисправимости жизни — та насмешка над всем, которая являлась оборотной стороной признания несерьезности любых жизненных зол и приводила к установке на развлекательность. В какой-то мере самые ранние из шуточных стихотворений Соловьева можно сопоставить даже с беззубой продукцией сатирических журналов 1870-х годов, где шутка была средством ухода от серьезных общественных проблем и потакания вкусам мещанского читателя. Бросается в глаза безвкусие стихотворений типа «По небу полуночи лодка плывет...» («Видение»), никак не вяжущаяся с общим поэтическим и человеческим обликом Соловьева.

Однако очень скоро положение меняется. Связи с дешевой «массовой» юмористикой реакционной эпохи обрываются. В «прутковской» традиции Соловьев обнаруживает новые возможности. Его ирония теперь отнюдь не сводится к иллюстрированию философских идей молодого мистика, презирающего «этот» мир. Поэзия нонсенса вводит читателя в принципиально «несерьезную» художественную действительность; она обесценивает все, что догматическое мышление стремится представить в виде бесспорных ценностей. Сомнению подвергаются не только какие-то определенные (государственные, общественные, этические и т. п.) установления или идеи, но и самый принцип серьезности.[1] Поэтому рождение поэзии Эд. Лира в пуританской Англии и Козьмы Пруткова в чиновном Петербурге представляется явлением закономерным и во многом родственным.

Сказанное справедливо и по отношению к тому направлению, в котором развивается жанр шуточных стихотворений Соловьева. Начав с романтической иронии, поэт очень быстро приходит к ощущению «несерьезности» и позитивных сторон собственных взглядов. Ирония его все чаще распространяется на святая святых своего мировоззрения. В стихотворениях второй половины 1880-х — начала 1890-х годов легко заметить все возрастающую роль автопародии и пародирования произведений, написанных в наиболее близкой самому Соловьеву манере (собственно, уже в «Новом времени» не случайно

---

[1] В этом смысле к поэзии нонсенса приложимы общие размышления о функции смеха, содержащиеся в книге М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (М., 1965).

пародируются Жуковский и Лермонтов!). Подобно «поэту из Пробирной палатки», Соловьев высмеивает, как пошлые штампы, образы той самой романтической лирики, в традициях которой развивается его «серьезное» творчество. Так, если одно из самых сильных чувств молодого Соловьева-лирика — боязнь победы «злой жизни» над духом, то именно она с иронией, доходящей до буффонады, высмеивается уже в ранней «полубалладе» «Осенняя прогулка рыцаря Ральфа», где:

Ревматические боли
Побеждают силу воли

«романтического» героя. Гимны «нездешней любви» оборачиваются буффонадой «Таинственного пономаря», а то и попросту непристойными стихотворениями, в изобилии сочинявшимися поэтом. Певец-пророк становится Отчаянным поэтом из «Белой лилии», сообщающим о себе, что он «поэт всемирной скорби-с», потому что

И пить, и есть,
И лечь, и сесть
Мне геморрой мешает,

и т. д.

Собственное творчество тоже постоянно вызывает иронический автокомментарий. Так, посылая М. М. Стасюлевичу одно из лучших своих лирических стихотворений — «Лучей блестящих полк за по́лком...», Соловьев прилагает к письму «автопародию» «Нескладных виршей полк за по́лком...», добавляя, что он — основатель нового в русской поэзии жанра. Соловьев смеется даже над тем, что составляло мучение его трагически складывавшейся жизни: над неудачной любовью («Вчера, идя ко сну, я вдруг взглянул в зерца́ло...»), болезнями («Вот бледный очерк пухлой рожи...») и т. д.

Постоянно звучащая ирония над собой и своим любимым делом, кощунственная издевка над собственными идеалами не могут быть истолкованы просто как «насмешка незлая». В кощунствах, в гиньоле, напоминающем иронию Гейне, находит отражение все возраставшее разочарование Соловьева в мистических и теократических идеалах. К началу 1890-х годов ироническое изображение романтического героя перерастает в прямую насмешку над ним. Так, слова «автоэпитафии» «Владимир Соловьев...» (1892):

Он душу потерял,
Не говоря о теле:
Ее диавол взял,
Его ж собаки съели.

Прохожий! Научись из этого примера,
Сколь пагубна любовь и сколь полезна вера —

трудно истолковать иначе, как осмеяние фарисейской церковной этики и даже основных положений христианского миропонимания (ср. ироническое снижение антитезы «дух — тело» и прямое кощунственное истолкование образов «пагубной любви» и «полезной веры» из «Вера, Надежда, Любовь»). [1]

Поэтому иронические стихотворения Соловьева конца 1880-х — начала 1890-х годов — это уже не «дополнение», а прямая антитеза его собственной философской и интимной лирики, отражение часто неосознанных, но всегда мучительных сомнений в верности избранного пути. Здесь-то и проявился тот «второй человек», который издевается над восторженным певцом «неземного света», постоянной иронией снимая мистический экстаз. Следует подчеркнуть, что «второй человек» выразился в творчестве Соловьева не менее ярко и представлен не меньшим числом произведений, чем «первый», так что, изучая поэзию Соловьева конца 1880-х — начала 1890-х годов в целом, мы порой совершенно не можем определить, в чем же подлинная сущность поэта: в мистическом pro или в ироническом contra. По-видимому, обе стороны творчества поэта в равной степени рисуют его единый, хотя и исполненный острейших противоречий, облик, и одна без другой не могут быть поняты.

Противопоставленность и соотнесенность мистических и шуточных произведений Соловьева проявляется не только в противоположности эмоционального тона при описании, по существу, одного и того же объекта (молитвенная восторженность — грубый балаган), но и в языке его поэзии. Среди важнейших линий противопоставления следует назвать однотонность, одностильность «высокой» лирики (два ее основных стилистических пласта — поэтизмы и библеизмы — как правило, сближены, почти отождествлены функционально, что соответствует сближению интимно-лирической и мистической темы) и разностильность, нарочитую мозаичность шуточных произведений. Соловьев и в этом плане не только усвоил, но и развил стиль «поэта из Пробирной палатки»: уже в самых ранних комических стихотворениях эффект смеха вызывается самым немотивированным и нелепым переплетением романтической и бытовой лексики (ср. «Осенняя прогулка рыцаря Ральфа» и др.). В стихотворении «Молодой турка»

---

[1] Характерно резко отрицательное (с позиций религиозной этики) отношение к этому стихотворению К. Мочульского, который находит в нем «юмор висельника», «самоглумление» и цинизм (К. Мочульский, ук. соч., с. 198).

мозаичность лексики еще более подчеркнута. Монолог героя строится на переплетении пышных поэтизмов «восточной» лирики («цветок гарема»), слов, играющих роль реалий («могарем», «евнух») и жаргона вполне «западного» юнца («папа́», «мамзель»), к тому же не чуждого политических штампов (отец — «весьма упорный старый ретроград»: ведь герой — «*молодой* турка») и т. д.

Не менее существенной особенностью шуточных стихотворений является звуковая организация. «Высокая» лирика Соловьева строится (что уже отмечалось) на постоянном сопоставлении *значений*. Звуковая огласовка сопоставляемых слов при этом, как правило, не играет решающей роли. Разумеется, в стихотворениях Соловьева можно встретить немало аллитераций, ассонансов и их разнообразных, подчас интересных комбинаций (ср.: «*То*лько *от*блеск, *то*лько *те*ни *От* незримого *оч*ами», «осилив*ших* на миг и пав*ших* иск*уше*ний», «зв*у*чит и *ве*ет Дыханьем *ве*чности незримая *ве*сна» и т. д.). Однако все же собственно звуковая организация текста здесь не более важна, чем в поэзии предшественников и современников Соловьева, и значительно менее важна, чем в лирике его последователей — «младших символистов». По-видимому, звук воспринимается как материальная и, следовательно, заведомо второстепенная по отношению к значению сторона слова (в отличие от символистской лирики, где, как известно, звуковой стороне стиха придавалось особое значение). Но именно поэтому в ряде шуточных стихотворений звучанию принадлежит решающая роль. Сходство звучания («материя» слова) становится основой для сопоставления несопоставимых значений: появляются многочисленные каламбуры, придающие изображению вид бессмыслицы, нонсенса (ср. в особенности роль каламбура в «Альсиме» и «Белой лилии»).

Каково же историческое место рассмотренной части соловьевского наследия? Весьма односторонним было бы считать ее только «мостиком» от иронии романтиков начала XIX века или Козьмы Пруткова — к иронии символистов (хотя, конечно, и такую роль шуточные стихотворения сыграли). Поэзия нонсенса, балаганность, гиньоль находят любопытные типологические параллели в самых разнообразных явлениях литературы второй половины XIX века: и в черепанинском гиньольном «кладбищенстве» Н. Г. Помяловского, и в граничащем с цинизмом скепсисе слепцовского Рязанова, и в шутовских образах комедий Сухово-Кобылина и стихотворений А. К. Толстого. Грубая балаганность или утонченная ирония всех этих писателей имели общий смысл: в них отражались настроения переходной эпохи, когда старые кумиры на глазах превращались в бездушных идолов, а новые подозрительно напоминали прежних.

Однако на этом превращении безобидной насмешки в разрушительную иронию эволюция жанра комических стихотворений у Соловьева не завершилась. Во втором периоде творчества, в годы наибольшей социальной активности, у Соловьева появляются стихотворения собственно-сатирические. Их основной отличительной особенностью становится направленность не против мира «материи» как такового, а против совершенно определенных явлений современного писателю общественного и политического строя. Не менее важно и то, что теперь объектом насмешки становится не авторское «я» в различных его ипостасях, а разнообразные внешние по отношению к этому «я» и враждебные ему стороны жизни, взгляды, учения, вкусы и т. д. Теперь снова, но уже по-иному, чем в 1870-х годах, шуточные стихотворения начинают звучать в унисон с «серьезным» творчеством Соловьева (ср. стихотворную полемику с нравственным учением Л. Н. Толстого, с реакционными славянофилами, со «старшими символистами» и т. д. и статьи на эти же темы).

Ряд сатирических стихотворений посвящен выявлению общих взглядов поэта на современность. Свое отношение к реакционной России Соловьев недвусмысленно выразил как в приведенной выше эпиграмме «Мне сладок сон...», так и в произведениях, прямо посвященных современным «хозяевам жизни»:

Благонамеренный
И грустный анекдот!
Какие мерины
Пасут теперь народ!

(«Эпиграммы», 1)

Горький сарказм звучит в стихотворении «Своевременное воспоминание», посвященном цензурной политике победоносцевской эпохи. Язвительному осмеянию подвергаются самые коренные основы существующего строя. Так, видевший в определенные периоды творчества именно в монархии идеал русской государственности, Соловьев 1890-х годов высмеивает его в басне «Эфиопы и бревно». Басня, традиционно истолковывавшаяся как очередная дань поэзии нонсенса, в 1936 году была перепечатана Н. Лернером, который сообщил, что, по ходившим в Петербурге конца XIX века слухам, в ней высмеивался Александр III.[1] Впрочем, и сам текст басни намекает на возможность такого истолкования. Строфа, поясняющая, что за бревно

---

[1] См.: Н. Лернер, Стихи об Александре III Вл. Соловьева. — Сб. «Звенья», т. 6, М.—Л., 1936, с. 804—806.

упало в страну «эфиопов», переводит действие из мира неопределенно-условного,

...Где близ ворот потерянного рая
Лес девственный растет, —

в область современного быта и нравов:

Бревно то самое, что возле Мамадыша
Крестьянин Вахромей
В пути от кабака, не видя и не слыша,
С телеги стряс своей.

Теперь сюжет уже легко воспринимается как имеющий современный подтекст, что подкрепляется связью с басней Эзопа «Лягушки, просящие себе царя» и ее крыловской версией. Но чтобы история бревна, превращенного в «кроткого бога» только за то, что оно никому не делало зла, и вездесущих жрецов, слагающих этому бревну восторженные гимны, была прояснена до конца, Соловьев добавляет:

Урок из басни сей для всех народов ровный —
Глуп не один дикарь:
В чести большой у нас у всех бывают бревна
Сегодня, как и встарь.

И если утверждение Н. Лернера о том, что в басне изображен именно Александр III, еще требует привлечения дополнительных аргументов, то направленность стихотворения против основ русской жизни XIX века не вызывает сомнений.

Столь же недвусмысленно и отношение Соловьева этих лет к церкви. В стихотворении «Ах, далеко за снежным Гималаем...» поэт пишет о «монахах исступленных» и «мошенниках священных» и мечтает сказать «прости» «всем попам, Кириллам и Нестóрьям». Общее же его отношение к властям — светским и духовным — пожалуй, наиболее точно определено в стихотворении «Иммануэль»:

И многое уж невозможно ныне:
Цари на небо больше не глядят,
И пастыри не слушают в пустыне,
Как ангелы про бога говорят.

И если современность противопоставляется идеальным временам библейского «золотого века», то она же рисуется как параллель не·

давнего — средневекового — прошлого. Изменились формы насилия, на смену тюрьмам и кровавым казням пришли казенная мораль и увещевания инакомыслящих. Но сущность государства осталась прежней:

Протяженно-сложенное слово
И гнусливо-казенный укор
Заменили тюрьму и оковы,
Дыбу, сруб и кровавый топор.

Но с приятным различьем в манере,
Сила та же и тот же успех.

(«Эпиграммы», 2)

Однако, при всей значимости критики основ современной жизни, она не была и не могла быть центральной в соловьевской сатире 1890-х годов. Гораздо более характерна для Соловьева периода «Вестника Европы» сатира «на лица», пользовавшаяся у современников наибольшей популярностью. Это — эпиграммы на всесильного К. П. Победоносцева, ироническое «прославление» издателя ультрареакционной газеты «Гражданин» кн. Мещерского, осмеяние публициста В. В. Розанова, названного Соловьевым в одной из статей «Вестника Европы» Порфирием Головлевым, реакционных эпигонов славянофильства и т. д.

Соловьева всегда (и в 1890-х годах — тоже) больше всего интересовало не устройство общества само по себе, а духовный тип человеческих отношений, связанных с этим обществом. Осознав себя врагом реакции, он в первую очередь показывает отталкивающий облик ее адептов. В сатире Соловьева подчеркивается одновременно и реакционность, и безнравственность, бесчеловечность персонажей: холодная злость Победоносцева, «прославленная» развращенность Мещерского. Не случайно самое острое из стихотворений 1890-х годов — «Привет министрам» — возникло именно из сатиры «на лица». «Привет министрам» написан по поводу очередной засухи, в которой Соловьев, как и все прогрессивные публицисты конца века, увидел не случайность, а проявление коренных недугов социального строя России.[1] Соловьев грозит незадачливым министрам местью народа:

Тут-то вам и мат.
С голодухи люди кроткие

---

[1] См. статью «Народная беда и общественная помощь». — Собр. соч., т. 5, СПб., 1903, с. 388—401.

Разевают свои глотки и
Черт им сам не брат.
. . . .
Но дела все ваши взвешены,
Да и сами вы повешены, —
Вот конец и прост.

Правда, необходимо оговориться: столь радикально в творчестве Соловьева звучит лишь одно-единственное стихотворение, связанное с настроениями осени 1892 года.[1] Тем не менее коренное отличие соловьевской сатиры 1890-х годов от иронии предшествующих периодов не подлежит сомнению.

Любопытно изменяется при этом в шуточных стихах облик автора. С одной стороны, все громче звучат в них ноты «богохульства». Себя Соловьев теперь постоянно причисляет к грешникам, причем таким, которые и не стремятся к святости («В деле святости я — пасс»). Эта же мысль господствует и в уже упоминавшейся «Эпитафии самому себе», и в ряде других стихотворений. С другой стороны, именно в сатире 1890-х годов голос автора начинает звучать как голос истины. Это он, лирический герой, поэт, смело говорит правду в глаза Победоносцеву или предсказывает гибель «министрам». Сближение сатиры указанного периода с лирикой как раз в том и заключается, что в произведениях обоих типов появляется общий герой («я»), напоминающий пророка и в своих гимнах, и в своих инвективах-обличениях. Но новый «пророк» не похож на мистика предыдущего десятилетия. В одном из лучших стихотворений 1890-х годов «Скоро, скоро, друг мой милый...» мы находим чрезвычайно интересную автохарактеристику, объединяющую «грешника» и «пророка». Обрисовка героя дается двумя способами: в виде прямой исповеди:

Много дряни за душою
Я имел на сей земле
И с беспечностью большою
Был нетверд в добре и зле.
Я в себе подобье божье
Непрерывно оскорблял, —
Лишь с общественною ложью
В блуд корыстный не впадал —

и в ритмико-интонационном строе стихотворения. Постоянно звучащие переклички с пушкинским «Жил на свете рыцарь бедный...»

[1] См. выше, с. 17.

ставят лирического героя стихотворения в один ряд с самим «рыцарем бедным». В другом программном сатирическом стихотворении «Признание» Соловьев еще более откровенно сближает свой «греховный» отход от «правоверия» со стремлением к подлинной гуманности. «Правоверию» противопоставлена здесь мысль о том, что высшая ценность истории — человек.

Указанные изменения отражаются и на стиле. В сатиру врывается инвективная струя «высокой» — библейской и гражданской лексики, звучащей уже не иронически, а обличительно. С другой стороны, стремление усилить комический эффект приводит к появлению гротеска, гиперболы («Миша-потрошитель»). На этом фоне и прежние приемы (пародия, каламбуры, сталкивание разностильных слов в одном тексте) начинают выполнять новые функции.

В последние годы жизни Соловьева сатирические образы почти исчезают со страниц его произведений. В «Посланиях» к друзьям на первое место выступает описание эпизодов частной жизни поэта. Вновь появляется автоирония и «романтическая ирония» — оборотная сторона мистики «Трех свиданий».

* * *

Общая оценка Соловьева-поэта невозможна без упоминания о его переводческой деятельности. Переводы Соловьева никогда, несмотря на постоянную нужду и нищенский быт поэта, не были для него средством заработка. Он переводил только то, что давало ему возможность выразить какие-то стороны собственного миросозерцания. Отсюда прямая связь переводимых произведений с кругом основных западноевропейских поэтических воздействий на творчество Соловьева. Отсюда же постоянные изменения в отборе переводимых авторов, отражающие эволюцию художника. Следует иметь в виду, что привлекавшие Соловьева поэты в значительной мере совпадут с литературными симпатиями русских «младших символистов».

Первые дошедшие до нас переводы Соловьева относятся к 1870-м годам и отражают мистические увлечения этого периода. Переведенное в 1874 году приписываемое Платону стихотворение «На звезды глядишь ты...» становится одним из самых ярких выражений миросозерцания молодого Соловьева — устремленности к небу, к высокой, неземной любви. Столь же характерен и перевод из Шиллера («Колеблется воля людей, что волна...»), противопоставляющий суетный, временной и пространственный мир «воли людей» — и «недвижный», «превыше времен и пространства», мир «живой идеи», «мощного духа». Даже Гейне первоначально привлекает Соловьева лишь

как автор романтического «Ночного плавания». Впрочем, в поэзии Гейне Соловьев-переводчик вскоре замечает и другую сторону — иронию («Коль обманулся ты в любви...», «Умные звезды»).

Восьмидесятые годы создают впечатление кажущейся пестроты и ненаправленности переводческих интересов Соловьева, однако здесь можно выделить несколько основных линий.

Это, в первую очередь, обращение к поэзии итальянского Ренессанса — переводы из Петрарки, Данте и Микеланджело. Интерес к Возрождению — любопытнейшее явление в творчестве Соловьева. Традиции Ренессанса давали поэту возможность отгородиться одновременно от двух чуждых ему типов мироощущения: от средневекового аскетизма и от утилитаризма. С одной стороны, в переводах из Петрарки и Данте ощущается типично ренессансное представление о том, что все «небесное» есть вместе с тем и человеческое, «Всенепорочная, Дева пречистая» — «Слава *земной и небесной* природы», она — «дева единая меж *земнородными*». Героиня наделена прежде всего человечностью:

...милосердная к тайным скорбям,
С помощью тайной всегда нисходила.

Она — «всем гонимым покров неизменный». С другой стороны, носительница этого духа человечности не только предельно удалена от земной «эмпирии», но и отчетливо противопоставлена «праху земному».

Совершенно иначе звучат сделанные в середине 1880-х годов и рассмотренные выше переводы из Гафиза. Гафиз — певец радостей земной жизни. Переводы эти намечают и предсказывают существенный поворот в творчестве самого Соловьева.

В конце 1880-х годов поэт обращается к переводам из Вергилия, составившим важнейшую страницу его творчества. Отправляясь от эсхатологических пророчеств четвертой эклоги, он превращает ее, как было показано выше, в своеобразную утопию. Еще более значимой оказалась работа над «Энеидой». Первоначальный замысел перевода принадлежал А. А. Фету, но после привлечения к работе Соловьева инициатива перешла к нему. Соловьев придавал переводам из Вергилия большое значение, считая, что его гекзаметры «благозвучнее и яснее Фетовых»,[1] и неоднократно подчеркивал, что до него полного русского перевода «Энеиды» не было. Тема «Соловьев — переводчик Вергилия» ждет еще своего исследователя.

---

[1] Письма, т. 2, с. 254.

Заметим лишь, что обращение к античному эпосу сыграло важную роль в появлении у поэта интереса к совершенно «посюсторонней», земной жизни, к неповторимо-единичному в вещах, явлениях, в людях. Вместе с тем примитивная жизнь, часто воспринимавшаяся им как царство дикости и злобы, в процессе перевода, по-видимому, начинает осмысляться в духе, более родственном европейской и русской демократической литературной традиции. Не случайно обращение к традициям Гнедича как переводчика «Илиады».

* * *

Эволюция Соловьева ярко отразилась и в его шуточных пьесах, представляющих большой интерес и с точки зрения предыстории символистского театра, и как своеобразное явление творчества самого поэта. Ранняя из пьес «Альсим» — весьма типична для его позиции 1870-х — начала 1880-х годов. Ей присущи характерные черты искусства нонсенса.

В обычной для «шуточных пьес» Соловьева пародийной манере здесь описывается незадачливый петербургский «Фауст» — Альсим, продавший душу Сатане, чтобы овладеть «инфернальной» возлюбленной — «трапезундской дамой» Элеонорой, а впоследствии страдающий от ее нрава и измен. Комический эффект сцен, связанных с самим Альсимом, создается, как правило, нарочито примитивными каламбурами и сценами, а также обильным пародированием различных романтических произведений (например, монолога из «Орлеанской девы» в переводе В. Жуковского) и автопародиями (ср. монолог Альсима «Сбылося всё, чего душа искала. . .», полностью выдержанный в интонациях интимной лирики Соловьева). Сам Альсим — это романтический герой, попавший в сниженную ситуацию, наподобие рыцаря Ральфа. Однако пародийная и автопародийная линия пьесы все же довольно сильно смягчена. И если есть в «Альсиме» места более резкого звучания, то это — изображение Сатаны и особенно его «двойника» Профессора.

В образе Профессора любопытно объединилась критика идей, казалось бы, весьма различных. Профессор — типичный кантианец, поклонник «категорического императива», благословляющий Сатану словами: «Да вознаградит вас нравственный закон», и в то же время — приверженец буржуазных политико-экономических доктрин. При этом «экономический принцип» Профессор выводит из «нравственного закона»: «Я, — говорит он, — из нравственного принципа не беру с своих должников более сорока процентов в месяц»; ср. его же «экономический способ» убить жену «через сокращение питания»,

«ибо экономия законом (т. е. «нравственным законом» Канта.— *З. М.*) не воспрещается».

Это язвительное высмеивание кантианства, с одной стороны, и буржуазной «экономии» — с другой, совпадает с многочисленными высказываниями молодого Соловьева. Еще интереснее, что Сатана, который заметно отстает от Профессора по части практического применения «нравственного закона», но тоже стремится к идеям «просвещенного века»: борется с «суевериями» и преклоняется перед Кантом, — весьма напоминает Черта, посещавшего Ивана Карамазова. Сходство образов может, вероятно, рассматриваться и в плане генетическом. Но любопытна и типологическая сторона этого сходства: и Достоевский, и Соловьев считают кантовский агностицизм началом, противопоставленным «абсолютным истинам» религиозного миросозерцания, началом скептическим, приводящим к прагматизму школ буржуазной философии.

Симпатиями и Сатаны, и Профессора пользуются, однако, идеи еще одного типа. «Сторонник я взаимных одолжений», — говорит Сатана. И в другом месте:

Охотно вам я помощь окажу,
Тем более, что, другу помогая,
Я и себе тем самым услужу...

В этих и подобных репликах нельзя не увидеть иронического намека на этическое учение Н. Г. Чернышевского и — шире — на демократическую этику XVIII—XIX веков. «Разумный эгоизм» отождествляется здесь с эгоизмом буржуазным.

Иначе расставлены акценты в самой известной из пьес Соловьева — «Белой лилии». «Белая лилия» чаще всего рассматривается как произведение, лирическая ирония которого снижает мистический пафос легко и изнутри, без какого бы то ни было оттенка серьезных сомнений в идеалах «Вечной Женственности». Более того, концовка «Белой лилии» скорее мистична, чем иронична: комическим персонажам, нашедшим вместо «Души мира» своих прежних и вполне земных возлюбленных, противопоставлен граф де Мортемир, отыскавший подлинную Белую лилию.[1] Тем не менее следует обратить внимание на два обстоятельства.

---

[1] Правда, попытка истолковать «Белую лилию» как произведение с «подлинно мистической» идеей привела к результатам почти анекдотическим (см.: И. А. Аполлонская [Стравинская], Христианский театр, СПб., 1914, с. 64—81). Может быть, дело не только в явной непрофессиональности автора, но и в том, что текст пьесы не поддается подобной интерпретации?

Ранний вариант «Белой лилии», не предназначенный для печати и значительно более свободный в смысле манеры выражения, начисто лишен оттенка мистики и представляет собой типичную для Соловьева 1880-х годов ироническую и гиньольную автопародию. Кавалер де Мортемир изображен здесь в столь же буффонных тонах, как и остальные персонажи. Он, по словам покровителя земли Геодемона, — «сентиментальная девка», «кошка блудливая», причем герой вполне оправдывает эту энергичную характеристику. Концовка пьесы также целиком выдержана в балаганном стиле. Переход де Мортемира и Белой лилии в мир неземного блаженства комментируется следующей ремаркой: герои «соединяются узами любви, но при этом от излишнего блаженства оба умирают в одно мгновение. Окрестные поселяне находят их тела и предают их земле с пением соответствующих обстановке песней». А исполнение заключительного мистического «Rondo» («Белую лилию с розой...») вкладывается в уста тем персонажам пьесы, которые только что осознали, что «через любовь» «они должны получить то полное блаженство, которого не могло им дать изучение абиссинского языка», и «соединились друг с другом самым благородным манером». Очевидно, что никакого смысла, кроме иронического и кощунственного, исполнение «гностического» гимна в этой сцене иметь не могло.

Но дело не только в наличии такого любопытного корректива к каноническому тексту «Белой лилии», как ее ранняя (в целом — более слабая) редакция. В каноническом тексте пьесы также можно увидеть и нечто помимо той иронии самозащиты, которая часто возникает из желания скрыть святая святых своей веры от чужих насмешек, предупредив их собственной. И если в финальных сценах, действительно, господствует лирическая ирония, то в целом в «Белой лилии» явно преобладают тона иронические. Не случайно эта пьеса становится столь важной для А. Блока в период написания «Балаганчика». Сниженные, почти сатирические образы мистиков во многом восходят к кавалеру де Мортемиру из «Белой лилии».

Характерно и то, что в «Белой лилии» нет продолжения начатой в «Альсиме» критики демократических идей. Правда, в «Хоре кротов» осмеивается эстетический утилитаризм, отрицающий красу Царь-девицы, которая не приносит «пользы». Однако высмеивание утилитаризма нигде не расшифровано как полемика именно с демократической эстетикой. А после «Хора кротов» раздается «Хор сов», создающий яркий образ другого, более страшного врага «Души мира». В этом хоре звучит та же тема, что и в реферате «Об упадке средневекового миросозерцания», — отрицание уходящего мира замков и старинных церквей, которые «одни остаются все те же», «когда все

кругом изменилось». И хотя социальная тема, вообще, не связана с центральной линией «Белой лилии», но в «Хоре сов» заметен уже тот переход иронии в сатиру, который, как было показано выше, характерен для произведений Соловьева конца 1880-х — начала 1890-х годов.

Доминирующими такого рода ноты становятся в последней пьесе Соловьева «Дворянский бунт» (1891). Эта «современная гражданская пьеса с учеными примечаниями и спиритическими явлениями» резко отличается от предыдущих, и эпитет «шуточная» к ней уже почти не применим. Линия социальной сатиры стала единственной, подчинив и включив в себя все, что было свойственно прежней иронической манере выражения. Вместо иронии над всем — злые, уничтожающие портреты столпов русской реакции: Победоносцева, Мещерского. Вместо мягкой насмешки — гротескная заостренность в обрисовке социальных идеалов дворянина 1890-х годов.

Уж мальчики, резвясь, бросают к черту книжки,
Пример с городовых берут профессора.
Под розгою в руках у земского ярыжки,
Довольный участью, холоп кричит: ура!

Вместо каламбура-нонсенса, подчеркивающего ложь, бессмысленность и алогичность реального мира, — каламбур-намек, создающий особенно острый подтекст и раскрывающий социальную сущность героев (ср. описания Мещерского — «чистого дворянина», который «не чист кой от каких пороков», «носителя побед» — Победоносцева и т. д.). По-новому используя прежние приемы создания комического эффекта, Соловьев рисует щедрински острые образы «турецкого дивана» (символа «азиатской» реакции и одновременно «восточной» развращенности Мещерского), процветающего «сановного кастрата», дворян, которые, совершенно в духе осмеянных Щедриным «хлевных идеалов», вмещают свое credo в двустишие:

Мы все хотим обедать,
Мы все хотим к Кюба́! —

«былых либералов», пресмыкающихся перед князем, и т. д.

В «Дворянском бунте» по-новому использованы и приемы балаганного изображения мира. Теперь балаган — это дворянская жизнь (ср. ремарку: «Дворяне восторженно благодарят Мещерского и, кланяясь, ударяют своими столбами[1] по его голове, откуда исходит

[1] Речь идет о «столбовых дворянах», пришедших в банк «заложить свои столбы».

звук как бы из медного сосуда, наполненного торичеллиевою пустотою»). В этой же буффонной функции используется и церковная лексика («стихотворец Пушкин, особливо твердый в истинном догмате»).

Как и в лирике, переход от иронии к сатире связан с появлением «антисатирических» — высоких — образов. Миру Мещерского противопоставлен старый сторож, представитель народной Руси. От его имени даны решающие реплики в конце первой сцены (определение «духа старины», пропагандируемого Мещерским):

Такого духу не пущал
И сам Фаддей Булгарин.

И в конце пьесы:

Я богу благодарен
За то, что я не барин.

Так единый в своем «обмане» материальный мир превращается у Соловьева 1890-х годов в арену действия противоположных и четко оцениваемых писателем сил.

* * *

Каково же место Соловьева в развитии русской поэзии?

Тесно связанный с наследием Жуковского, с творчеством Тютчева, ученик Фета, продолжатель традиций А. К. Толстого, Соловьев пронес через всю жизнь ощущение живой близости к названной поэтической линии.

Если бунтарский романтизм Лермонтова вызывал у Соловьева то сложное сочетание чувств внутреннего родства и острейшей неприязни, которое Блок впоследствии назовет «ненавидящей любовью», то романтический пантеизм и пантеизм русских лириков середины XIX века Соловьев ощущал как свою поэтическую родину. Он не соглашался считать эту поэзию «чистой лирикой», видя в ней «объективный» (внесубъектный) поэтический идеал, стремление к познанию наиболее общих законов бытия. В стихотворениях последних лет жизни, как бы подводящих итог его творчеству, он открыто декларирует свою причастность именно к этой линии русской лирики («А. А. Фету», «Памяти А. А. Фета», «На смерть А. Н. Майкова», «Родина русской поэзии», «На смерть Я. П. Полонского» и др.). В стихотворении «Восторг души расчетливым обманом. . .» (1885), тесно связанном с более ранним творчеством поэта, лирика Некрасова резко критиковалась с позиций «чистого искусства» и отрицания

демократической гражданской поэзии (в духе стихотворения А. А. Фета «Псевдопоэту», 1866). Хотя впоследствии Соловьев попытался смягчить антидемократический пафос своего стихотворения (см. примеч. 29, с. 297), смысл поэтической полемики был им в основном сохранен. В самой структуре философской, интимной и пейзажной лирики Соловьева легко увидеть черты сходства с поэзией Жуковского, Фета, Тютчева, А. К. Толстого. Не удивительно, что современниками, по справедливому замечанию Г. А. Бялого, «Соловьев воспринимался прежде всего как автор лирико-философских этюдов, далеких от злобы дня». [1]

Однако целостное рассмотрение наследия поэта приводит к выводу, что его творчество не умещается в рамках названных традиций, внутренне не однородных (например, Тютчев для Соловьева — не только поэт-философ, но и, в первую очередь, автор политических стихотворений «на злобу дня»). Через политическую лирику Тютчева и Хомякова протягиваются нити к пушкинской поэтической публицистике 1830-х годов, а через нее — к раннему Пушкину и к высокой инвективе и библеизмам декабристской поэзии. Шуточные стихи в духе А. К. Толстого превращаются в сатиру конца 1880-х — начала 1890-х годов, делающую вполне понятной неизменно восторженную оценку Соловьевым творчества Салтыкова-Щедрина. Наконец, романы Достоевского, столь близкие Соловьеву кругом основных проблем, оказывают значительное влияние не только на тематический репертуар, но и на структуру его лирики, тем самым сближая ее с русской прозой второй половины века.

Сложности генезиса соловьевской поэзии соответствует глубокая противоречивость ее проблематики. Противоречивость, однако, свойственна *всему* наследию Вл. Соловьева, присуща ему как «культурной личности» и «культурному типу». Наиболее точное объяснение она получает, по-видимому, в концепциях «полифонического» (М. Бахтин) искусства. Ту функцию, которая в романах Достоевского отведена «голосам» противоборствующих персонажей, в лирике Соловьева несет основной «диалог» лирики и иронии, равно как и постоянно вспыхивающие «споры» между разным решением одних и тех же проблем внутри лирических и шуточных произведений (противоречивая оценка образов земли, любви, природы и т. д.). Следует подчеркнуть, что перед нами именно «диалогическое» соотношение частей внутри целого, а не «синтез», о котором мечтал сам поэт. Противоречия не сняты в высшем единстве. Враждующие «голоса» не вытес-

---

[1] Г. А. Бялый, Поэты 1880—1890-х годов. — В кн. «Поэты 1880—1890-х годов», «Б-ка поэта» (Б. с.), М.—Л., 1972, с. 36.

няют друг друга: высокий идеал не отменяет доходящей до гиньоля иронии в его адрес, но и сам не отменяется этой иронией. А за всем этим сложным собранием антиномий ощущается пламенное желание «синтеза», гармонии — и трагическое ощущение нерешаемости поставленных проблем, горечь несвершения своей пророческой миссии. Объективные противоречия соловьевского творчества впоследствии сыграют решающую роль в формировании поэтического мировоззрения зрелого Блока. Антиномии собственного мышления воспринимались Соловьевым как выражение нереализованности его основной жизненной и творческой задачи. Блок осмысляет их совершенно по-новому. Он поэтически осознанно стремится к изображению «противоречий непримиримых и жаждущих примирения», считая, что подобная антиномичность и есть высшая гармония, что это — черты революционной эпохи, революционного видения мира и «человека — артиста» будущего... То, что у Соловьева было порой неосознанной чертой личности, у Блока становится свойством мироотношения и темой творчества.

Объективно, однако, оказывается, что именно эта трагическая «полифоничность» определила исторически наиболее ценные и перспективные стороны наследия Вл. Соловьева. Напряженные поиски идеала, бескомпромиссное несогласие на подмену «золотого века» «золотой серединой» и предпочтение гибели, а наряду с этим всё новые неустанные поиски путей к возрождению человечества, вера в неизбежность краха старого мира — эти черты соловьевского творчества оказались наиболее существенными для развития русской поэзии 1900-х годов.

Сложности генезиса и структуры соловьевской лирики соответствует и сложность, неоднородность тех литературных явлений, которые возникали как субъективное продолжение традиций Соловьева-поэта. Как известно, Соловьев не признал «своими» выступивших при его жизни поэтов-декадентов, «старших символистов». В своих знаменитых пародиях он высмеял алогизм и претенциозность их творчества, а в статьях («Особое чествование Пушкина», рецензии на сборники «Русские символисты» и др.) резко критиковал эстетические позиции и индивидуалистическую этику «русского нитчеанства». Столь же широко известен и тот факт, что мистически настроенные «младшие символисты», не без известных оснований именовавшие себя — уже после смерти поэта — «соловьевцами», стремились стать исполнителями заветов и продолжателями традиций Соловьева. Однако развитие этих традиций в действительности пошло разными, по существу враждебными друг другу эстетическими и историческими путями.

Казалось бы, влияния Соловьева наиболее отчетливо проявились в культе Прекрасной Дамы (Блок), в мистицизме «Золота в лазури» (А. Белый), в эсхатологии и мистико-схоластических «выкладках» Д. С. Мережковского, в символистской поэзии Вяч. Иванова, в запоздалом воспевании «небесной возлюбленной» у В. Пяста. Но с именем Соловьева связано не только это. «Кощунственная ирония» прощавшегося с «высокой» мистикой А. Блока («Балаганчик»), обращение Блока и А. Белого во второй половине 1900-х годов к критике индивидуализма и попыткам его преодоления, а главное, антиномическое видение мира, ставшее поэтической программой Блока 1910-х годов и сопровождавшееся все возрастающим ощущением надвигающейся катастрофы», — все это тоже в значительной мере восходило к творчеству Соловьева. Для Блока 1910-х годов («Рыцарь-монах») Соловьев — антипод «среднего петербургского общества» и пророк, утверждающий, что «новый мир уже стоит при дверях».[1] А в 1920 году Блок, с высоты опыта пережитой революции, прямо называет Соловьева «носителем и провозвестником будущего».[2] Разумеется, вопрос о точности блоковской оценки — особый вопрос. Но то, что она принадлежит автору «Двенадцати» и «Скифов», принявшему революцию, — факт глубоко знаменательный. Он еще раз подтверждает предположение о том, что главным содержанием творчества Соловьева были не какие-то определенные поэтические решения, а то чувство непрестанной тревоги, то ощущение неизбежного краха старого мира и та постоянная жажда «несбывшееся воплотить», которые потом обретут новую жизнь в зрелом творчестве Ал. Блока.

З. Минц

---

[1] Александр Блок, Собр. соч. в 8-ми томах, т. 5, М.—Л., 1962, с. 447, 454.

[2] Там же, т. 6, с. 155.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Природа с красоты своей
Покрова снять не позволяет,
И ты машинами не вынудишь у ней,
Чего твой дух не угадает.

(1872)

2. ПРОМЕТЕЮ

Когда душа твоя в одном увидит свете
Ложь с правдой, с благом зло,
И обоймет весь мир в одном любви привете,
Что есть и что прошло;

Когда узнаешь ты блаженство примиренья;
Когда твой ум поймет,
Что только в призраке ребяческого мненья
И ложь, и зло живет, —

Тогда наступит час — последний час творенья...
Твой свет одним лучом
Рассеет целый мир туманного виденья
В тяжелом сне земном:

Преграды рушатся, расплавлены оковы
Божественным огнем,
И утро вечное восходит к жизни новой
Во всех, и все в Одном.

Август 1874

3

Лишь год назад — с мучительной тоскою,
С тоской безумною тебя я покидал,
И мнилось мне — навеки я с тобою
И жизнь, и свет, и счастье потерял.

Лишь год прошел — в ничтожестве забвенья
Исчезла ты, как давний, давний сон,
И лишь порой я вспомню на мгновенье
Былые дни, когда мне снился он.

23 декабря 1874

4

Как в чистой лазури затихшего моря
    Вся слава небес отражается,
Так в свете от страсти свободного духа
    Нам вечное благо является.

Но глубь недвижимая в мощном просторе
    Всё та же, что в бурном волнении, —
Могучий и ясный в свободном покое,
    Дух тот же и в страстном хотении.

Свобода, неволя, покой и волненье
    Проходят и снова являются,
А он всё один, и в стихийном стремленье
    Лишь сила его открывается.

Март 1875

5

В сне земном мы тени, тени...
    Жизнь — игра теней,
Ряд далеких отражений
    Вечно светлых дней.

Но сливаются уж тени,
    Прежние черты
Прежних ярких сновидений
    Не узнаешь ты.

Серый сумрак предрассветный
    Землю всю одел;
Сердцем вещим уж приветный
    Трепет овладел.

Голос вещий не обманет.
    Верь, проходит тень, —
Не скорби же: скоро встанет
    Новый вечный день.

9 июня 1875

6

Хоть мы навек незримыми цепями
Прикованы к нездешним берегам,
Но и в цепях должны свершить мы сами
Тот круг, что боги очертили нам.

Всё, что на волю высшую согласно,
Своею волей чуждую творит,
И под личиной вещества бесстрастной
Везде огонь божественный горит.

Между 29 июня и 28 октября 1875

7

Вся в лазури сегодня явилась
Предо мною царица моя, —
Сердце сладким восторгом забилось,
И в лучах восходящего дня
Тихим светом душа засветилась,
А вдали, догорая, дымилось
Злое пламя земного огня.

Конец ноября 1875
Каир

8

У царицы моей есть высокий дворец,
О семи он столбах золотых,
У царицы моей семигранный венец,
В нем без счету камней дорогих.

И в зеленом саду у царицы моей
Роз и лилий краса расцвела,
И в прозрачной волне серебристый ручей
Ловит отблеск кудрей и чела.

Но не слышит царица, что шепчет ручей,
На цветы и не взглянет она:
Ей туманит печаль свет лазурных очей,
И мечта ее скорби полна.

Она видит: далёко, в полночном краю,
Средь морозных туманов и вьюг,
С злою силою тьмы в одиночном бою
Гибнет ею покинутый друг.

И бросает она свой алмазный венец,
Оставляет чертог золотой
И к неверному другу, — нежданный пришлец, —
Благодатной стучится рукой.

И над мрачной зимой молодая весна —
Вся сияя, склонилась над ним
И покрыла его, тихой ласки полна,
Лучезарным покровом своим.

И низринуты темные силы во прах,
Чистым пламенем весь он горит,
И с любовию вечной в лазурных очах
Тихо другу она говорит:

«Знаю, воля твоя волн морских не верней:
Ты мне верность клялся сохранить,
Клятве ты изменил, — но изменой своей
Мог ли сердце мое изменить?»

Между концом ноября 1875 и 6 марта 1876
Каир

9

Близко, далёко, не здесь и не там,
В царстве мистических грез,
В мире, невидимом смертным очам,
В мире без смеха и слез,

Там я, богиня, впервые тебя
Ночью туманной узнал.
Странным ребенком был я тогда,
Странные сны я видал.

В образе чуждом являлася ты,
Смутно твой голос звучал,
Смутным созданием детской мечты
Долго тебя я считал.

Ныне опять ты являешься мне
С лаской нежданной любви,
Вижу тебя я уже не во сне,
Ясны мне речи твои.

Мне, оглушенному в мире чужом
Гулом невнятных речей,
Вдруг прозвучало в привете твоем
Слово отчизны моей.

Голос отчизны в волшебных речах,
В свете лазурных очей,
Отблеск отчизны в эфирных лучах,
В золоте чудных кудрей.

Всё, чем живет мое сердце и ум,
Всё, что трепещет в груди,
Все силы чувства, желаний и дум
Отдал я в руки твои.

Деспот угрюмый, холодное «я»,
Гибель почуя, дрожит,
Издалека лишь завидел тебя,
Стихнул, бледнеет, бежит.

Пусть он погибнет, надменный беглец;
В вольной неволе и в смерти живой,
Я и алтарь, я и жертва, и жрец,
С мукой блаженства стою пред тобой.

Между концом ноября 1875 и 6 марта 1876
Каир

10. ПЕСНЯ ОФИТОВ

Белую лилию с розой,
С алою розою мы сочетаем.
Тайной пророческой грезой
Вечную истину мы обретаем.

Вещее слово скажите!
Жемчуг свой в чашу бросайте скорее!
Нашу голубку свяжите
Новыми кольцами древнего змея.

Вольному сердцу не больно...
Ей ли бояться огня Прометея?
Чистой голубке привольно
В пламенных кольцах могучего змея.

Пойте про ярые грозы,
В ярой грозе мы покой обретаем...
Белую лилию с розой,
С алою розою мы сочетаем.

Начало мая 1876

11. VIS EJUS INTEGRA SI VERSA FUERIT IN TERRAM [1]

Истинно тот есть любимец богов, кто жизни весною
Миртом главы не венчал, кого только в грезах манила
Нежной рукой золотая царица Китеры. Дарами
Муз и харит небогатый, пусть древнего Кроноса семя
В сердце глубоко та́ит он и думой угрюмой питает.

---

[1] Сила пребудет нераздельной, если обратится в землю (лат.). — *Ред.*

Рано иль поздно пробьется наружу сокрытое пламя,
Молнией вспыхнет и землю широким охватит пожаром.
Всё, что в груди хоронилось, что образа тщетно искало:
Гордого духа порывы и нежность любви беспредельной,—
Всё то в одну непреклонную силу сольется, волшебным
Мощным потоком все думы людские обнимет,
Цепь золотую сомкнет и небо с землей сочетает.

16 мая 1876

12

Что роком суждено, того не отражу я
Бессильной, детской волею своей.
Покинут и один, в чужой земле брожу я,
С тоской по небу родины моей.

Звезда моя вдали сияет одиноко.
В волшебный край лучи ее манят...
Но неприступен этот край далекий,
Пути к нему не радость мне сулят.

Прости ж — и лишь одно последнее желанье,
Последний вздох души моей больной:
О, если б я за горькое страданье,
Что суждено мне волей роковой,

Тебе мог дать златые дни и годы,
Тебе мог дать все лучшие цветы,
Чтоб в новом мире света и свободы
От злобной жизни отдохнула ты!

Чтоб смутных снов тяжелые виденья
Бежали все от солнечных лучей,
Чтоб на всемирный праздник возрожденья
Явилась ты всех чище и светлей.

Июнь 1875—1877

13

Взгляни, как ширь небес прозрачна и бледна,
Как тянутся лучи в саду полураздетом...
О, что за чудный час меж сумраком и светом,[1]
Что за святая тишина!

Прислушайся, вглядись... безмолвие и лень!..
Не кажется ль тебе, что мир уж не проснется,
Что солнце из-за туч вовек не вознесется
И что настал последний день?

18 августа 1878

14

Газели пустынь ты стройнее и краше,
И речи твои бесконечно-бездонны —
Туранская Эва, степная Мадонна,
Ты будь у Аллаха заступницей нашей.

И всяк, у кого нечто бьется налево,
Лежит пред тобой, не вставая из праха.
Заступницей нашей ты будь у Аллаха,
Степная Мадонна, Туранская Эва!

Август 1878

15. ОТРЫВОК

Зачем тебе любовь и ласки,
Коль свой огонь в груди горит
И целый мир волшебной сказки
С душой так внятно говорит;
Когда в синеющем тумане
Житейский путь перед тобой,
А цель достигнута заране,
Победа предваряет бой;

---

[1] Стих Толстого.

Когда серебряные нити
Идут из сердца в область грез...
О, боги вечные! возьмите
Мой горький опыт и верните
Мне силу первых вешних гроз!..

1878

16

В былые годы любви невзгоды
  Соединяли нас,
Но пламень страсти не в нашей власти,
  И мой огонь угас.

Пускай мы ныне в мирской пустыне
  Сошлись опять вдвоем, —
Уж друг для друга любви недуга
  Мы вновь не принесем.

Весна умчалась, и нам осталась
  Лишь память о весне
Средь жизни смутной, как сон минутной,
  Как счастие во сне.

1878

17

Уходишь ты, и сердце в час разлуки
Уж не звучит желаньем и мольбой;
Утомлено годами долгой муки,
Ненужной лжи, отчаянья и скуки,
Оно сдалось и смолкло пред судьбой.

И как среди песков степи безводной
Белеет ряд покинутых гробов,
Так в памяти моей найдут покой холодный
Гробницы светлых грез моей любви бесплодной,
Невыраженных чувств, невысказанных слов.

И если некогда над этими гробами
Нежданно прозвучит призывный голос твой,
Лишь отзвук каменный застывшими волнами
О той пустыне, что лежит меж нами,
Тебе пошлет ответ холодный и немой.

1880

18. ПОСВЯЩЕНИЕ К НЕИЗДАННОЙ КОМЕДИИ

Не жди ты песен стройных и прекрасных,
У темной осени цветов ты не проси!
Не знал я дней сияющих и ясных,
А сколько призраков недвижных и безгласных
Покинуто на сумрачном пути.

Таков закон: всё лучшее в тумане,
А близкое иль больно, иль смешно.
Не миновать нам двойственной сей грани:
Из смеха звонкого и из глухих рыданий
Созвучие вселенной создано.

Звучи же смех свободною волною,
Негодования не сто́ят наши дни.
Ты, муза бедная, над смутною стезею
Явись хоть раз с улыбкой молодою
И злую жизнь насмешкою незлою
Хотя на миг один угомони.

1880

19

О, как в тебе лазури чистой много
И черных, черных туч!
Как ясно над тобой сияет отблеск бога,
Как злой огонь в тебе томителен и жгуч.

И как в твоей душе с невидимой враждою
Две силы вечные таинственно сошлись,

И тени двух миров, нестройною толпою
Теснясь к тебе, причудливо сплелись.

Но верится: пройдет сверкающий громами
Средь этой мглы божественный глагол,
И туча черная могучими струями
Прорвется вся в опустошенный дол.

И светлою росой она его омоет,
Огонь стихий враждебных утолит,
И весь свой блеск небесный свод откроет
И всю красу земли недвнжно озарит.

1881

20

В стране морозных вьюг, среди седых туманов
Явилась ты на свет,
И, бедное дитя, меж двух враждебных станов
Тебе приюта нет.

Но не смутят тебя воинственные клики,
Звон лат и стук мечей,
В раздумье ты стоишь и слушаешь великий
Завет минувших дней:

Как древле вышний бог избраннику еврею
Открыться обещал,
И бога своего, молитвой пламенея,
Пророк в пустыне ждал.

Вот грохот под землей н гул прошел далёко,
И меркнет солнца свет,
И дрогнула земля, и страх объял пророка,
Но в страхе бога нет.

И следом шумный вихрь и бурное дыханье,
И рокот в вышине,
И с ним великий огнь, как молнии сверканье, —
Но бога нет в огне.

И смолкло всё, укрощено смятенье,
Пророк недаром ждал:
Вот веет тонкий хлад, [1] и в тайном дуновенье
Он бога угадал.

1882

21. ТРИ ПОДВИГА

Когда резцу послушный камень
Предстанет в ясной красоте
И вдохновенья мощный пламень
Даст жизнь и плоть твоей мечте,
У заповедного предела
Не мни, что подвиг совершен,
И от божественного тела
Не жди любви, Пигмалион!
Нужна ей новая победа:
Скала над бездною висит,
Зовет в смятенье Андромеда
Тебя, Персей, тебя, Алкид!
Крылатый конь к пучине прянул,
И щит зеркальный вознесен,
И опрокинут — в бездну канул
Себя увидевший дракон.

Но незримый враг восстанет,
В рог победный не зови —
Скоро, скоро тризной станет
Праздник счастья и любви.
Гаснут радостные клики,
Скорбь и мрак и слезы вновь...
Эвридики, Эвридики
Не спасла твоя любовь.
Но воспрянь! Душой недужной
Не склоняйся пред судьбой,
Беззащитный, безоружный,
Смерть зови на смертный бой!
И на сумрачном пороге,
В сонме плачущих теней

---

[1] «Глас хлада тонка» — выражение славянской Библии.

Очарованные боги
Узнают тебя, Орфей!
Волны песни всепобедной
Потрясли Аида свод,
И владыка смерти бледной
Эвридику отдает.

1882

22

Под чуждой властью знойной вьюги,
Виденья прежние забыв,
Я вновь таинственной подруги
Услышал гаснущий призыв.

И с криком ужаса и боли,
Железом схваченный орел —
Затрепетал мой дух в неволе
И сеть порвал, и ввысь ушел.

И на заоблачной вершине
Пред морем пламенных чудес
Во всесияющей святыне
Он загорелся и исчез.

1882

23

Бескрылый дух, землею полоненный,
Себя забывший и забытый бог...
Один лишь сон — и снова, окрыленный,
Ты мчишься ввысь от суетных тревог.

Неясный луч знакомого блистанья,
Чуть слышный отзвук песни неземной, —
И прежний мир в немеркнущем сиянье
Встает опять пред чуткою душой.

Один лишь сон — и в тяжком пробужденье
Ты будешь ждать с томительной тоской
Вновь отблеска нездешнего виденья,
Вновь отзвука гармонии святой.

Июнь 1883

24

В тумане утреннем неверными шагами
Я шел к таинственным и чудным берегам.
Боролася заря с последними звезда́ми,
Еще летали сны — и, схваченная снами,
Душа молилася неведомым богам.

В холодный белый день дорогой одинокой,
Как прежде, я иду в неведомой стране.
Рассеялся туман, и ясно видит око,
Как труден горный путь и как еще далёко,
Далёко всё, что грезилося мне.

И до полуночи неробкими шагами
Всё буду я идти к желанным берегам,
Туда, где на горе, под новыми звезда́ми,
Весь пламенеющий победными огнями,
Меня дождется мой заветный храм.

⟨*1884*⟩

25. А. А. ФЕТУ, 19 ОКТЯБРЯ 1884 г.

Перелетев на крыльях лебединых
Двойную грань пространства и веков,
Подслушал ты на царственных вершинах
Живую песнь умолкнувших певцов.
И приманил твой сладкозвучный гений
Чужих богов на наши берега,
И под лучом воскресших песнопений
Растаяли сарматские снега.

И пышный лавр средь сте́пи нелюдимой
На песнь твою расцвел и зашумел,
И сам орел поэзии родимой
К тебе с высот невидимых слетел. [1]

Октябрь 1884

26

От пламени страстей, нечистых и жестоких,
От злобных помыслов и лживой суеты
Не исцелит нас жар порывов одиноких,
Не унесет побег тоскующей мечты.

Не средь житейской мертвенной пустыни,
Не на распутье праздных дум и слов
Найти нам путь к утраченной святыне,
Напасть на след потерянных богов.

Не нужно их! В безмерной благосты́не
Наш бог земли своей не покидал
И всем единый путь от низменной гордыни
К смиренной высоте открыл и указал.

И не колеблются Сионские твердыни,
Саронских пышных роз не меркнет красота,
И над живой водой, в таинственной долине,
Святая лилия нетленна и чиста.

23 декабря 1884

---

[1] А. А. Фет, которого исключительное дарование как лирика было по справедливости оценено в начале его литературного поприща, подвергся затем продолжительному гонению и глумлению по причинам, не имеющим никакого отношения к поэзии. Лишь в последнее десятилетие своей жизни этот несравненный поэт, которым должна гордиться наша литература, снова приобрел благосклонность читателей и критиков. Первым публичным выражением этой перемены в отношении к нему было суждение Академии наук, удостоившей полной Пушкинской премии его переводы из Горация и Гете. Это признание его заслуг имело для Фета особенное значение потому, что было связано с именем боготворимого им Пушкина (сюда относятся слова «сам орел поэзии родимой»).

27. L'ONDA DAL MAR' DIVISA [1]

Волна в разлуке с морем
Не ведает покою,
Ключом ли бьет кипучим,
Иль катится рекою, —
Всё ропщет и вздыхает,
В цепях и на просторе,
Тоскуя по безбрежном,
Бездонном синем море.

1884

28

Посв⟨ящается⟩ В. Л. Величко

Пора весенних гроз еще не миновала,
А уж зима пришла,
И старость ранняя нежданно рассказала,
Что жизнь свое взяла.
И над обрывами бесцельного блужданья
Повис седой туман.
Душа не чувствует бывалого страданья,
Не помнит старых ран.
И, воздух горный радостно вдыхая,
Я в новый путь готов,
Далёко от цветов увянувшего мая,
От жарких летних снов.

Начало января 1885

29

Восторг души расчетливым обманом
И речью рабскою — живой язык богов,
Святыню муз — шумящим балаганом
Он заменил и обманул глупцов.

Когда же сам, разбит, разочарован,
Тоскуя, вспомнил он святую красоту,

[1] Волна, разлученная с морем (итал.). — *Ред.*

Бессильный ум, к земной пыли прикован,
Напрасно призывал нетленную мечту.

Былой любви пленительные звуки
Вложить в скорбящий стих напрасно он хотел.
Не поднялись коснеющие руки,
И бледный призрак тихо отлетел.

Январь 1885

30

Там, под липой, у решетки,
Мне назначено свиданье.
Я иду, как агнец кроткий,
Обреченный на закланье.

Всё как прежде: по высотам
Звезды старые моргают,
И в кустах по старым нотам
Соловьи концерт играют.

Я порядка не нарушу...
Но имей же сострананье!
Не томи мою ты душу,
Отпусти на покаянье!

1886

31. В ЗЕМЛЮ ОБЕТОВАННУЮ

Посв⟨ящается⟩ А. П. Саломону

«Покинь скорей родимые пределы,
И весь твой род, и дом отцов твоих,
И как стрелку его покорны стрелы —
Покорен будь глаголам уст моих.
Иди вперед, о прежнем не тоскуя,
Иди вперед, всё прошлое забыв,
И всё иди, — доколь не укажу я,
Куда ведет любви моей призыв».

Он с ложа встал и в трепетном смущенье
Не мог решить, то истина иль сон...

Вдруг над главой промчалось дуновенье
Нездешнее — и снова слышит он:

«От родных многоводных Халдейских равнин,
От нагорных лугов Арамейской земли,
От Харрана, где дожил до поздних седин,
И от Ура, где юные годы текли, —

Не на год лишь один,
Не на много годин,
А на вечные веки уйди».

И он собрал дружину кочевую,
И по пути воскреснувших лучей
Пустился в даль туманно-голубую
На мощный зов таинственных речей:

«Веет прямо в лицо теплый ветер морской,
Против ветра иди ты вперед,
А когда небосклон далеко пред тобой
Вод великих всю ширь развернет, —
Ты налево тогда свороти
И вперед поспешай,
По прямому пути,
На пути отдыхай,
И к полудню на солнце гляди, —
В стороне ж будет град или весь,
Мимо ты проходи,
И иди, всё иди,
Пока сам не скажу тебе: здесь!
Я навеки с тобой;
Мой завет сохрани:
Чистым сердцем и крепкой душой
Будь мне верен в ненастье и в ясные дни;
Ты ходи предо мной
И назад не гляди,
А что ждет впереди —
То откроется верой одной.
Се, я клялся собой,
Обещал я, любя,

Что воздвигну всемирный мой дом из тебя,
Что прославят тебя все земные края,
Что из рода потомков твоих
Выйдет мир и спасенье народов земных».

Январь 1886

32

Земля-владычица! К тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутил я,
Услышал трепет жизни мировой.
В полуденных лучах такою негой жгучей
Сходила благодать сияющих небес,
И блеску тихому несли привет певучий
И вольная река, и многошумный лес.
И в явном таинстве вновь вижу сочетанье
Земной души со светом неземным,
И от огня любви житейское страданье
Уносится, как мимолетный дым.

Май 1886

33

Какой тяжелый сон! В толпе немых видений,
Теснящихся и реющих кругом,
Напрасно я ищу той благодатной тени,
Что тронула меня своим крылом.

Но только уступлю напору злых сомнений,
Глухой тоской и ужасом объят, —
Вновь чую над собой крыло незримой тени,
Ее слова по-прежнему звучат.

Какой тяжелый сон! Толпа немых видений
Растет, растет и заграждает путь,
И еле слышится далекий голос тени:
«Не верь мгновенному, люби и не забудь!»

1885, июнь 1886

34. В АЛЬПАХ

Мыслей без речи и чувств без названия
　　Радостно-мощный прибой.
Зыбкую насыпь надежд и желания
　　Смыло волной голубой.

Синие горы кругом надвигаются,
　　Синее море вдали.
Крылья души над землей поднимаются,
　　Но не покинут земли.

В берег надежды и в берег желания
　　Плещет жемчужной волной
Мыслей без речи и чувств без названия
　　Радостно-мощный прибой.

Август 1886

35. ОСЕННЕЮ ДОРОГОЙ

Меркнет день. Над усталой, поблекшей землей
　　Неподвижные тучи висят.
Под прощальным убором листвы золотой
　　И березы, и липы сквозят.
Душу обняли нежно-тоскливые сны,
　　Замерла бесконечная даль,
И роскошно-блестящей и шумной весны
　　Примиренному сердцу не жаль.
И как будто земля, отходя на покой,
　　Погрузилась в молитву без слов,
И спускается с неба невидимый рой
　　Бледнокрылых, безмолвных духо́в.

Осень 1886

36

Безрадостной любви развязка роковая!
Не тихая печаль, а смертной муки час...
Пусть жизнь — лишь злой обман, но сердце, умирая,
Томится и болит, и на пороге рая
Еще горит огнем, что в вечности погас.

1 январь 1887

37

Друг мой! прежде, как и ныне,
Адони́са отпевали.
Стон и вопль стоял в пустыне,
Жены скорбные рыдали.

Друг мой! прежде, как и ныне,
Адонис вставал из гроба,
Не страшна его святыне
Вражьих сил слепая злоба.

Друг мой! ныне, как бывало,
Мы любовь свою отпели,
А вдали зарею алой
Вновь лучи ее зардели.

3 апреля 1887

38

Бедный друг, истомил тебя путь,
Темен взор, и венок твой измят.
Ты войди же ко мне отдохнуть.
Потускнел, догорая, закат.

Где была и откуда идешь,
Бедный друг, не спрошу я, любя;
Только имя мое назовешь —
Молча к сердцу прижму я тебя.

Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

18 сентября 1887

Не по воле судьбы, не по мысли людей,
Не по мысли твоей я тебя полюбил,
    И любовию вещей моей
От невидимой злобы, от тайных сетей
Я тебя ограждал, я тебя оградил.

    Пусть сбираются тучи кругом,
Веет бурей зловещей и слышится гром,
    Не страшися! Любви моей щит
    Не падет перед темной судьбой.
    Меж небесной грозой и тобой
    Он, как встарь, неподвижно стоит.

    А когда пред тобою и мной
Смерть погасит все светочи жизни земной,
Пламень вечной души, как с Востока звезда,
Поведет нас туда, где немеркнущий свет,
    И пред богом ты будешь тогда,
    Перед богом любви — мой ответ.

1890

40. EX ORIENTE LUX [1]

«С Востока свет, с Востока силы!»
И, к вседержительству готов,
Ирана царь под Фермопилы
Нагнал стада своих рабов.

Но не напрасно Прометея
Небесный дар Элладе дан.
Толпы́ рабов бегут, бледнея,
Пред горстью доблестных гражда́н.

И кто ж до Инда и до Ганга
Стезею славною прошел?
То македонская фаланга,
То Рима царственный орел.

---

[1] Свет с Востока (лат.). — *Ред.*

И силой разума и права —
Всечеловеческих начал —
Воздвиглась Запада держава,
И миру Рим единство дал.

Чего ж еще недоставало?
Зачем весь мир опять в крови?
Душа вселенной тосковала
О духе веры и любви!

И слово вещее — не ложно,
И свет с Востока засиял,
И то, что было невозможно,
Он возвестил и обещал.

И, разливаяся широко,
Исполнен зна́мений и сил,
Тот свет, исшедший от Востока,
С Востоком Запад примирил.

О Русь! в предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?

1890

41

Зной без сияния, тучи безводные,
    Шум городской суеты...
В сердце тоскующем думы бесплодные,
    Трепет бескрылой мечты.

Жду, когда новая туча надвинется,
    Думы прольются в слезах
И над разбитою скорбью поднимется
    Лик твой, как солнце в лучах.

1890 (?)

Пусть тучи темные грозящею толпою
Лазурь заволокли, —
Я вижу лунный блеск: он их тяжелой мглою
Не отнят у земли.

Пусть тьма житейских зол опять нас разлучила,
И снова счастья нет, —
Сквозь тьму издалека таинственная сила
Мне шлет твой тихий свет.

Края разбитых туч сокрытыми лучами
Уж месяц серебрит.
Еще один лишь миг, и лик его над нами
В лазури заблестит.

7 августа 1891

43. КУМИР НЕБУКАДНЕЦАРА

(Посвящается К. П. П⟨обедоносцеву⟩)

Он кликнул клич: «Мои народы!
Вы все рабы, я — господин,
И пусть отсель из рода в роды
Над вами будет бог один.

В равнину Дуры [1] вас зову я.
Бросайте всяк богов своих
И поклоняйтесь, торжествуя,
Сему созданью рук моих».

Толпы несметные кишели;
Был слышен мусикийский гром;
Жрецы послушно гимны пели,
Склонясь пред новым алтарем.

И от Египта до Памира
На зов сошлись князья земли,

---

[1] Или Деир, по неправильной греческой транскрипции, — равнина в Халдее близ Вавилона.

И рукотворного Кумира
Владыкой Жизни нарекли.

Он был велик, тяжел и страшен,
С лица как бык, спиной — дракон,
Над грудой жертвенною брашен
Кадильным дымом окружен.

И перед идолом на троне,
Держа в руке священный шар
И в семиярусной короне,
Явился Небукаднецар.

Он говорил: «Мои народы!
Я царь царей, я бог земной.
Везде топтал я стяг свободы, —
Земля умолкла предо мной.

Но видел я, что дерзновенно
Другим молились вы богам,
Забыв, что только царь вселенной
Мог дать богов своим рабам.

Теперь вам бог дается новый!
Его святил мой царский меч,
А для ослушников готовы
Кресты и пламенная печь».

И по равнине диким стоном
Пронесся клич: «Ты бог богов!»,
Сливаясь с мусикийским звоном
И с гласом трепетных жрецов.

В сей день безумья и позора
Я крепко к господу воззвал,
И громче мерзостного хора
Мой голос в небе прозвучал.

И от высот Нахараима
Дохнуло бурною зимой,
Как пламя жертвенника, зрима,
Твердь расступилась надо мной.

И белоснежные метели,
Мешаясь с градом и дождем,
Корою льдистою одели
Равнину Дурскую кругом.

Он пал в падении великом
И опрокинутый лежал,
А от него в смятенье диком
Народ испуганный бежал.

Где жил вчера владыка мира,
Я ныне видел пастухов:
Они творца того кумира
Пасли среди его скотов.

Начало ноября 1891

44

В час безмолвного заката
Об ушедших вспомяни ты, —
Не погибло без возврата,
Что с любовью пережито.

Пусть синеющим туманом
Ночь на землю наступает —
Не страшна ночная тьма нам:
Сердце день грядущий знает.

Новой славою господней
Озарится свод небесный,
И дойдет до преисподней
Светлый бла́говест воскресный.

⟨1892⟩

45

. . . .

Пусть осень ранняя смеется надо мною,
Пусть серебрит мороз мне темя и виски, —
С весенним трепетом стою перед тобою,
Исполнен радости и молодой тоски.

И с милым образом не хочется расстаться,
Довольно мне борьбы, стремлений и потерь.
Всю жизнь, с которою так тягостно считаться,
Какой-то сказкою считаю я теперь.

Январь 1892

46

. . . .
Был труден долгий путь. Хоть восхищала взоры
Порой природы дивной благодать,
Но неприступные кругом сдвигались горы,
И грудь усталая едва могла дышать.

И вдруг посыпались зарей вечерней розы,
Душа почуяла два легкие крылá,
И в новую страну неистощимой грезы
Любовь-волшебница меня перенесла.

Поляна чистая луною серебрится,
Деревья стройные недвижимо стоят,
И нежных эльфов рой мелькает и кружится,
И феи бледные задумчиво скользят.

Январь 1892

47

Сказочным чем-то повеяло снова...
Ангел иль демон мне в сердце стучится?
Форму принять мое чувство боится...
О, как бессильно холодное слово!

3 января 1892

48

Слов нездешних шепот странный,
Аромат японских роз...
Фантастичный и туманный
Отголосок вешних грез.

Между 3 и 15 января 1892

49. ПО СЛУЧАЮ ПАДЕНИЯ ИЗ САНЕЙ ВДВОЕМ

Смеялося солнце над нами,
И ты, мое солнце, смеялась.
Теперь, разделивши паденье,
Любовь разделить нам осталось.

От грязи тебя уберег я,
Простершись меж ней и тобою:
Так, верь мне, от всяческой злобы
Тебя я, мой ангел, покрою.

У двери меня прогнала ты,
Но в сердце моем ты осталась,
И так же всё было легко мне,
И солнце всё так же смеялось!

26 января 1892

50. ЧЕМ ЛЮДИ ЖИВЫ?

Люди живы божьей лаской,
Что на всех незримо льется,
Божьим словом, что безмолвно
Во вселенной раздается.

Люди живы той любовью,
Что одно к другому тянет,
Что над смертью торжествует
И в аду не перестанет.

А когда не слишком смело
И себя причислить к людям, —
Жив я мыслию, что с милой
Мы навеки вместе будем.

30 января 1892

51

Три дня тебя не видел, ангел милый, —
Три вечности томленья впереди!
Вселенная мне кажется могилой,
И гаснет жизнь в измученной груди,

А я, безумец, пел, что горе пережито,
Что поздняя любовь несет одни цветы. . .
Поникло разом всё в душе моей убитой,
И крылья вырваны у радужной мечты.

О милая! Всё гордое сознанье,
Все гордые слова твой друг отдать готов
За мимолетный миг хоть одного свиданья,
За звук один возлюбленных шагов.

31 января 1892

52

Я был велик. Толпа земная
Кишела где-то там в пыли,
Один я наверху стоял,
Был с богом неба и земли.

И где же горные вершины?
Где лучезарный свет и гром?
Лежу я здесь, на дне долины,
В томленье скорбном и немом.

О, как любовь всё изменила.
Я жду, во прахе недвижим,
Чтоб чья-то ножка раздавила
Меня с величием моим.

Между 31 января и 3 февраля 1892

53

Я смерти не боюсь. Теперь мне жить не надо,
Не нужен я теперь царице дум моих.
Ей смертная любовь не принесет отрады,
И слов ей не дает мой неуклюжий стих.

Зато мой вечный дух, свободный и могучий,
К ее груди невидимо прильнет,
Навеет в сердце ей рой сладостных созвучий
И светлой грезою всю душу обовьет.

И ни на миг ее он не оставит,
Любовью вечною ее он озарит,
Стихию темную святым огнем расплавит
И от земных оков без боли разрешит.

3 февраля 1892

54. ПАМЯТЬ

Мчи меня, память, крылом нестареющим
В милую сердцу страну.
Вижу ее на пожарище тлеющем
В сумраке зимнем одну.

Горькой тоскою душа разрывается,
Жизни там две сожжены,
Новое что-то вдали начинается
Вместо погибшей весны.

Далее, память! Крылом тиховеющим
Образ навей мне иной...
Вижу ее на лугу зеленеющем
Светлою летней порой.

Солнце играет над дикою Тосною,
Берег отвесный высок...
Вижу знакомые старые сосны я,
Белый сыпучий песок...

Память, довольно! Вся скорбь пережитая
Вновь овладела душой,
Словно те прежние слезы пролитые
Льются воскресшей волной.

29 февраля 1892

55. ИММАНУ-ЭЛЬ

Во тьму веков та ночь уж отступила,
Когда, устав от злобы и тревог,
Земля в объятьях неба опочила
И в тишине родился с-нами-бог.

И многое уж невозможно ныне:
Цари на небо больше не глядят,
И пастыри не слушают в пустыне,
Как ангелы про бога говорят.

Но вечное, что в эту ночь открылось,
Несокрушимо временем оно,
И Слово вновь в душе твоей родилось,
Рожденное под яслями давно.

Да! С нами бог, — не там, в шатре лазурном,
Не за пределами бесчисленных миров,
Не в злом огне и не в дыханье бурном,
И не в уснувшей памяти веков.

Он *здесь, теперь*, — средь суеты случайной,
В потоке мутном жизненных тревог
Владеешь ты всерадостною тайной:
Бессильно зло; мы вечны; с нами бог!

11 марта 1892

56

Ветер с западной страны
Слезы навевает;
Плачет небо, стонет лес,
Соснами качает.

То из края мертвецов
      Вопли к нам несутся.
Сердце слышит и дрожит,
      Слезы льются, льются.

Ветер с запада утих,
      Небо улыбнулось,
Но из края мертвецов
      Сердце не вернулось.

2 июня 1892

57

Потому ль, что сердцу надо
Жить одним, одно любя,
Потому ль, что нет отрады
Не отдавшему себя;

Оттого ли, что судьбою
Наши сблизились пути,
И с тобой, с тобой одною
Мог я счастие найти, —

Оттого ли, потому ли, —
Но в тебе, в тебе одной
Безвозвратно потонули
Сердце, жизнь и разум мой.

Между 9 и 15 июня 1892

58

Там, где семьей столпились ивы
И пробивается ручей,
По дну оврага торопливо,
Запел последний соловей.

Что это? Радость обновленья,
Иль безнадежное прости? . .
А вдалеке неслось движенье
И гул железного пути.

И небо высилось ночное
С невозмутимостью святой
И над любовию земною,
И над земною суетой. . .

16 июня 1892

59

Нет вопросов давно, и не нужно речей,
Я стремлюся к тебе, словно к морю ручей,
Без сомнений и дум милый образ ловлю,
Знаю только одно — что безумно люблю.

В алом блеске зари я тебя узнаю,
Вижу в свете небес я улыбку твою,
А когда без тебя суждено умереть,
Буду яркой звездой над тобою гореть.

17 июня 1892

60

Тесно сердце — я вижу — твое для меня,
А разбить его было б мне жалко.
Хоть бы искру, хоть искру живого огня,
Ты холодная, злая русалка!

А покинуть тебя и забыть мне невмочь:
Мир тогда потеряет все краски
И замолкнут навек в эту черную ночь
Все безумные песни и сказки.

17 июня 1892

61

Зачем слова? В безбрежности лазурной
Эфирных волн созвучные струи
Несут к тебе желаний пламень бурный
И тайный вздох немеющей любви.

И, трепеща у милого порога,
Забытых грез к тебе стремится рой.
Недалека воздушная дорога,
Один лишь миг — и я перед тобой.

И в этот миг незримого свиданья
Нездешний свет вновь озарит тебя,
И тяжкий сон житейского сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

Начало сентября 1892

62

Мы сошлись с тобой недаром,
И недаром, как пожаром,
    Дышит страсть моя:
Эти пламенные муки —
Только верные поруки
    Силы бытия.

В бездну мрака огневую
Льет струю свою живую
    Вечная любовь.
Из пылающей темницы
Для тебя перо Жар-птицы
    Я добуду вновь.

Свет из тьмы. Над черной глыбой
Вознестися не могли бы
    Лики роз твоих,
Если б в сумрачное лоно
Не впивался погруженный
    Темный корень их.

15 сентября 1892

63

Я добился свободы желанной,
Что манила вдали, словно клад, —
Отчего же с тоскою нежданной,
Отчего я свободе не рад?

Ноет сердце, и падают руки,
Всё так тускло и глухо вокруг
С рокового мгновенья разлуки,
Мой жестокий, мой сладостный друг.

3 декабря 1892

64. СКРОМНОЕ ПРОРОЧЕСТВО

Повернуло к лету божье око,
На земле ж всё злей и злей морозы...
Вы со мною холодны жестоко,
Но я чую, чую запах розы.

Я в пророки возведен врагами,
На́ смех это дали мне прозванье,
Но пророк правдивый я пред вами,
И свершится скоро предсказанье.

Я пророчу, — слушайте, дриада!
Снег растает, и минует холод,
И земля воскреснет, солнцу рада,
И проснется лес, как прежде молод.

Я пророчу, — это между нами, —
Что гулять вы будете по саду
И впивать и носом, и глазами
Майской ночи светлую отраду.

10 декабря 1892

65

Милый друг, иль ты не видишь,
Что всё видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?

Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете?

1892

66

Вижу очи твои изумрудные,
Светлый облик встает предо мной.
В эти сны наяву, непробудные,
Унесло меня новой волной.

Ты поникла, земной паутиною
Вся опутана, бедный мой друг,
Но не бойся: тебя не покину я, —
Он сомкнулся, магический круг.

В эти сны наяву, непробудные,
Унесет нас волною одной.
Вижу очи твои изумрудные,
Светлый облик стоит предо мной.

1892

67

День прошел с суетой беспощадною.
Вкруг меня благодатная тишь,
А в душе ты одна, ненаглядная,
Ты одна нераздельно царишь.

Все порывы и чувства мятежные,
Злую жизнь, что кипела в крови,
Поглотило стремленье безбрежное
Роковой беззаветной любви.

Днем луна, словно облачко бледное,
Чуть мелькнет белизною своей,
А в ночи — перед ней, всепобедною,
Гаснут искры небесных огней.

1892

68

О, что значат все слова и речи,
Этих чувств отлив или прибой
Перед тайною нездешней нашей встречи,
Перед вечною, недвижною судьбой?

В этом мире лжи — о, как ты лжива!
Средь обманов ты живой обман.
Но ведь он со мной, он мой, тот миг
счастливый,
Что рассеет весь земной туман.

Пусть и ты не веришь этой встрече,
Всё равно, — не спорю я с тобой.
О, что значат все слова и речи
Перед вечною, недвижною судьбой?

1892

69

Милый друг, не верю я нисколько
Ни словам твоим, ни чувствам, ни глазам,
И себе не верю, верю только
В высоте сияющим звезда́м.

Эти звезды мне стезею млечной
Насылают верные мечты
И растят в пустыне бесконечной
Для меня нездешние цветы.

И меж тех цветов, в том вечном лете,
Серебром лазурным облита,
Как прекрасна ты, и в звездном свете
Как любовь свободна и чиста!

1892

70. НА ПАЛУБЕ «ТОРНЕО»

Посмотри: побледнел серп луны,
Побледнела звезда Афродиты,
Новый отблеск на гребне волны. . .
Солнца вместе со мной подожди ты!

Посмотри, как потоками кровь
Заливает всю темную силу.
Старый бой разгорается вновь. . .
Солнце, солнце опять победило!

28 июля 1893

71. ПО ДОРОГЕ В УПСАЛУ

Где ни взглянешь, — всюду камни,
Только камни да сосна. . .
Отчего же так близка мне
Эта бедная страна?

Здесь с природой в вечном споре
Человека дух растет
И с бушующего моря
Небесам свой вызов шлет.

И средь смутных очертаний
Этих каменных высот
В блеске северных сияний
К царству духов виден вход.

Знать, недаром из Кашмира
И с полуденных морей
В этот край с начала мира
Шли толпы́ богатырей.

2 августа 1893

72. НА ПАЛУБЕ «ФРИТЬОФА»

Только имя одно я успел прошептать
За звездой, что скатилася в море,
Пожелать не успел, да и поздно желать:
Всё минýло — и счастье и горе.

Берег скрылся давно, занят весь кругозор
Одинокой пучиной морскою.
В одинокой душе тот же вольный простор,
Что вокруг предо мной и за мною.

6 августа 1893

73. ЛУННАЯ НОЧЬ В ШОТЛАНДИИ

Памяти гр⟨афа⟩ Ф. Л. Соллогуба

По долине меж гор
Лунный луч пробрался́ мне в окно.
Выходи, выходи на простор!
Что за сон, не заснуть всё равно.

Ярче светлого сна, наяву
Вся долина в сиянье лежит.
Никого, никого я с собой не зову,
Пусть один водопад говорит.

Выше, выше, туда, где стоит
Одинокая ель над скалой,
Где ручей меж камней невидимкой бежит,
Там, где гномы живут под землей.

Шире, шире растет кругозор,
Всё ясней и ясней при луне
Очертания серые гор,
Отраженных в Ломондской волне.

Отчего ж этой ночи краса,
Словно призрак безмолвный, грустна?
Свет холодный струят небеса,
И земля, как луна, холодна.

Точно светлый простерт балдахин
Над гробами минувших веков,
Точно в лунную ночь на земле я один
Средь незримой толпы мертвецов.

Проникает до самой души
Лунный холод, что льется вокруг. . .
Что же это в недвижной тиши
Всколыхнулось и грянуло вдруг?

Голоса из невидимых стран,
Диких звуков неслыханный ряд,
Воет рог, и гремит барабан,
И неистово флейты визжат.

Одинокая ель ожила
И навстречу ветвями шумит,
Ожила и немая скала,
В тайном трепете мшистый гранит.

. . . .

ПЕСНЬ ГОРЦЕВ

Слава вождю, что́ ведет нас к победам!
Он носит на знамени вечнозеленую ель.
Всюду за ней мы, и страх нам неведом,
Клан Альпин — гроза для окрестных земель.
. . . .
Что нам цветы в их изменчивой славе?
Чем ярче весна, тем их гибель грустней.
Зимней порой ни листочка в Троссахской дубраве:
Тут-то гордимся мы елью зеленой своей.

Корни глубоко в расселины скал запустила,
Зимние бури над ней истощат свои силы,
Чем они крепче, тем крепче срастется с родною горой.
Пусть же Монтэйт с Брэдалбанской землею
Снова и снова гремят ей хвалою:
Родериг Вих-Альпин-дху, го! иэрой! [1]

---

[1] Приветственный клич вождю на гаэльском языке. Эта песня есть почти буквальный перевод из Вальтера Скотта (Lady of the Lake).

Гордо наш пиброх звучал в Глэн-Фруине,
И Баннохар стоном ему отвечал;
Глэн-Люсс и Росс-дху дымятся в долине,
Пустыней весь берег Лох-Ломонда стал.
Вдовам и девам саксонским вовек
Памятен будет наш ярый набег,
Страхом и горем они поминать тебя будут, альпинский герой!
В трепете Леннокс и Левенглэн,
Только заслышат вблизи своих стен:
Родериг Вих-Альпин-дху, го! иэрой!

Дикие клики звучали победно. . .
Миг лишь — и снова безмолвье царит.
Призраки звуков замолкли бесследно,
Только ручей под камнями шумит.
Старая ель и холодные скалы,
В мертвом просторе сияет луна.
Песня былого навек отзвучала,
Дикая жизнь — не воскреснет она!

Август 1893

74. ПРОЩАНЬЕ С МОРЕМ

Снова и снова иду я с тоскою влюбленной
Жадно впиваться в твою бесконечность очами,
Нужно расстаться и с этой подругою светло-зеленой.
Вместе, о море, мы ропщем, но влаги соленой
Я не умножу слезами.

В путь одинокий и зимний с собой заберу я
Это движенье живое, и голос, и краски;
В ночи бессонные, дальней красою чаруя,
Ты мне напомнишь свои незабвенные ласки.

1 ноября 1893

75. С НОВЫМ ГОДОМ

(1 января 1894)

Новый год встречают новые могилы,
Тесен для былого новой жизни круг,
Радостное слово прозвучит уныло, —
Всё же: с новым годом, старый, бедный друг!

Власть ли роковая, или немощь наша
В злую страсть одела светлую любовь, —
Будем благодарны, миновала чаша,
Страсть перегорела, мы свободны вновь.

Лишь бы только время, сокрушив неволю,
Не́ взяло и силы любящих сердец,
Лишь бы только призрак несвершенной доли
Не гляделся в душу, как живой мертвец.

Конец ноября 1893

76

Если желанья бегут, словно тени,
Если обеты — пустые слова, —
Стоит ли жить в этой тьме заблуждений,
Стоит ли жить, если правда мертва?

Вечность нужна ли для праздных стремлений,
Вечность нужна ль для обманчивых слов?
Что жить достойно, живет без сомнений,
Высшая сила не знает оков.

Высшую силу в себе сознавая,
Что ж тосковать о ребяческих снах?
Жизнь только подвиг, — и правда живая
Светит бессмертьем в истлевших гробах.

1893 (?)

* * *

Если желанья бѣгутъ словно тѣни,
Если обѣты — пустыя слова,
Стоитъ ли жить въ этой тьмѣ заблужденій,
Стоитъ ли жить, если правда мертва?

—

Вѣчность нужна ли для праздныхъ стремленій,
Вѣчность нужна-ль для обманчивыхъ словъ?
Что жить достойно, живетъ безъ сомнѣній;
Высшая сила не знаетъ оковъ.

—

Высшую силу въ себѣ сознавая,
Что же ты ищешь въ ребяческихъ снахъ?
Жизнь только подвигъ, и правда живая
Вѣчностью свѣтитъ въ истлѣвшихъ гробахъ.

Влад. Соловьевъ

77. В ОКРЕСТНОСТЯХ АБО

Не позабуду я тебя,
Краса полу́ночного края,
Где, небо бледное любя,
Волна бледнеет голубая;
Где ночь безмерная зимы
Таит магические чары,
Чтоб вдруг поднять средь белой тьмы
Сияний вещих пламень ярый.
Там я скитался, молчалив,
Там богу правды я молился,
Чтобы насилия прилив
О камни финские разбился.

Начало января 1894

78

Сходня... Старая дорога...
А в душе как будто ново.
Фон осенний. Как немного
Остается от былого!

21 августа 1894

79. МОНРЕНО

Серое небо и серое море
Сквозь золотых и пурпурных листов,
Словно тяжелое старое горе
Смолкло в последнем прощальном уборе
Светлых, прозрачных и радужных снов.

26 сентября 1894

80. КОЛДУН-КАМЕНЬ

Посвящается Л. М. Лопатину

Эти мшистые громады
Сердце тянут как магнит.
Что от смертного вам надо,
Что за тайна здесь лежит?

Молвит древнее сказанье,
Что седые колдуны
Правым роком в наказанье
За ужасные деянья
В камни те превращены.

Спят в немом оцепененье,
Лишь один, однажды в век,
В свой черед из усыпленья
Встанет камень-человек.

Борода торчит седая,
Как у волка, взор горит,
И, дыханье забирая,
Грудь могучая дрожит.

Заклинанье раздается,
Мгла кругом потрясена,
И со стоном в берег бьется
Моря финского волна.

Воет буря, гул и грохот,
Море встало, как стена,
И далече слышен хохот
И проклятья колдуна.

Сила адского дыханья
Всю пучину подняла,
Гибнут грешные созданья,
Гибнут грешные дела.

И, свершив предназначенье,
Вещий камень снова спит,
Но над ним — залог прощенья
Тихо звездочка горит.

Эти мшистые громады
Сердце тянут как магнит.
Что от смертного вам надо,
Что за тайна здесь лежит?

27 сентября 1894

81. ПАНМОНГОЛИЗМ

Панмонголизм! Хоть слово дико,
Но мне ласкает слух оно,
Как бы предвестием великой
Судьбины божией полно.

Когда в растленной Византии
Остыл божественный алтарь
И отреклися от Мессии
Иерей и князь, народ и царь, —

Тогда он поднял от Востока
Народ безвестный и чужой,
И под орудьем тяжким рока
Во прах склонился Рим второй.

Судьбою павшей Византии
Мы научиться не хотим,
И всё твердят льстецы России:
Ты — третий Рим, ты — третий Рим.

Пусть так! Орудий божьей кары
Запас еще не истощен.
Готовит новые удары
Рой пробудившихся племен.

От вод малайских до Алтая
Вожди с восточных островов
У стен поникшего Китая
Собрали тьмы своих полков.

Как саранча, неисчислимы
И ненасытны, как она,
Нездешней силою хранимы,
Идут на север племена.

О Русь! забудь былую славу:
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.

Смирится в трепете и страхе,
Кто мог завет любви забыть...
И третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть.

1 октября 1894

82. САЙМА

Озеро плещет волной беспокойною,
Словно как в море растущий прибой,
Рвется к чему-то стихия нестройная,
Спорит о чем-то с враждебной судьбой.

Знать, не по сердцу оковы гранитные!
Только в безмерном отраден покой.
Снятся былые века первобытные,
Хочется снова царить над землей.

Бейся, волнуйся, невольница дикая!
Вечный позор добровольным рабам.
Сбудется сон твой, стихия великая,
Будет простор всем свободным волнам.

3 октября 1894

83

Что этой ночью с тобой совершилося?
Ангел надежд говорил ли с тобой?
Или вчерашней грозой истомилося
И отдыхаешь пред новой борьбой?

Тихо лепечут струи озаренные,
Тихо сияет небес благодать,
Только вдали дерева обнаженные
Вдруг прошумят и замолкнут опять.

4 октября 1894

84

Посв⟨ящается⟩ Н. Е. Ауэр

Этот матово-светлый жемчужный простор
    В небесах и в зеркальной равнине,
А вдали этот черный застывший узор, —
    Там, где лес отразился в пучине.

Если воздух прозрачный доносит порой
    Детский крик иль бубенчики стада —
Здесь и самые звуки звучат тишиной,
    Не смущая безмолвной отрады.

Так остаться бы век — и светло, и тепло
    Здесь на чистом нетающем снеге.
Злая память и скорбь — всё куда-то ушло,
    Всё расплылось в чарующей неге.

11 октября 1894

85

Тебя полюбил я, красавица нежная,
И в светло-прозрачный, и в сумрачный день.
Мне любы и ясные взоры безбрежные,
И думы печальной суровая тень.

Ужели обман — эта ласка нежданная!
Ужели скитальцу изменишь и ты?
Но сердце твердит: это пристань желанная
У ног безмятежной святой красоты.

Люби же меня ты, красавица нежная,
И в светло-прозрачный, и в сумрачный день.
И пусть эти ясные взоры безбрежные
Всё горе былое развеют как тень.

11 октября 1894

86. НОЧЬ НА РОЖДЕСТВО

Посвящается В. Л. Величко

Пусть всё поругано веками преступлений,
Пусть незапятнанным ничто не сбереглось,
Но совести укор сильнее всех сомнений,
И не погаснет то, что́ раз в душе зажглось.

Великое не тщетно совершилось;
Недаром средь людей явился бог;
К земле недаром небо приклонилось,
И распахнулся вечности чертог.

В незримой глубине сознанья мирового
Источник истины живет не заглушен,
И над руинами позора векового
Глагол ее звучит, как похоронный звон.

Родился в мире свет, и свет отвергнут тьмою,
Но светит он во тьме, где грань добра и зла.
Не властью внешнею, а правдою самою
Князь века осужден и все его дела.

24 декабря 1894

87. НА САЙМЕ ЗИМОЙ

Вся ты закуталась шубой пушистой,
В сне безмятежном, затихнув, лежишь.
Веет не смертью здесь воздух лучистый,
Эта прозрачная, белая тишь.

В невозмутимом покое глубоком,
Нет, не напрасно тебя я искал.
Образ твой тот же пред внутренним оком,
Фея — владычица сосен и скал!

Ты непорочна, как снег за горами,
Ты многодумна, как зимняя ночь,
Вся ты в лучах, как полярное пламя,
Темного ха́оса светлая дочь!

Декабрь 1894

Шум далекий водопада
Раздается через лес,
Веет тихая отрада
Из-за сумрачных небес.

Только белый свод воздушный,
Только белый сон земли...
Сердце смолкнуло послушно,
Все тревоги отошли.

Неподвижная отрада,
Всё слилось как бы во сне...
Шум далекий водопада
Раздается в тишине.

Конец декабря 1894

89. ОТШЕДШИМ

Едва покинул я житейское волненье,
Отшедшие друзья уж собрались толпой,
И прошлых смутных лет далекие виденья
Яснее и ясней выходят предо мной.

Весь свет земного дня вдруг гаснет и бледнеет,
Печалью сладкою душа упоена,
Еще незримая — уже звучит и веет
Дыханьем вечности грядущая весна.

Я знаю: это вы к земле свой взор склонили,
Вы подняли меня над тяжкой суетой
И память вечного свиданья оживили,
Едва не смытую житейскою волной.

Еще не вижу вас, но в час предназначенья,
Когда злой жизни дань всю до конца отдам,
Вы въявь откроете обитель примиренья
И путь укажете к немеркнущим звездам.

Середина января 1895

90. ИМАТРА

Шум и тревога в глубоком покое,
Мутные волны средь белых снегов,
Льдины прибрежной пятно голубое,
Неба жемчужного тихий покров.

Жизнь мировая в стремлении смутном
Так же несется бурливой струей,
В шуме немолчном, хотя лишь минутном,
Тот же царит неизменный покой.

Страсти волну с ее пеной кипучей
Тщетным желаньем, дитя, не лови:
Вверх погляди на недвижно-могучий,
С небом сходящийся берег любви.

Январь 1895

91

Памяти А. Ф. Аксаковой

Опять надвинулись томительные тени
Забытых сердцем лиц и пережитых грез,
Перед неведомым склоняются колени,
И к невозвратному бегут потоки слез.

Не об утраченных, о нет: они вернутся, —
Того мгновенья жаль, что сгибло навсегда,
Его не воскресить, и медленно плетутся
За мигом вечности тяжелые года.

Иль эта мысль обман, и в прошлом только тени
Забытых сердцем лиц и пережитых грез?
Перед неведомым склоняются колени,
И к невозвратному бегут потоки слез.

Январь 1895

92. СОН НАЯВУ

Лазурное око
Сквозь мрачно-нависшие тучи...
Ступая глубоко
По снежной пустыне сыпучей,
К загадочной цели
Иду одиноко.
За мной только ели,
Кругом лишь далёко
Раскинулась озера ширь в своем белом уборе,
И вслух тишина говорит мне: нежданное сбудется вскоре.
Лазурное око
Опять потонуло в тумане,
В тоске одинокой
Бледнеет надежда свиданий.
Печальные ели
Темнеют вдали без движенья,
Пустыня без цели,
И путь без стремленья,
И голос всё тот же звучит в тишине без укора:
Конец уже близок, нежданное сбудется скоро.

Январь 1895

93. ВОСКРЕСШЕМУ

Лучей блестящих полк за по́лком [1]
Нам шлет весенний юный день,
Но укрепляет тихомолком
Твердыню льда ночная тень.

Земля чернеет меж снегами,
Но этот траур веселит,
Когда победными лучами
Весны грядущей он залит.

---

[1] Я позволил себе изменить принятое ударение. Ошибки против духа языка тут нет, так как вполне аналогичное слово *волк* сохраняет ударение на первом слоге и в косвенных падежах. Основание для произношения *во́лком* и *полко́м* есть единственно только usus — tyrannus (обычай — тиран (лат.). — *Ред.*), и в этом случае (иначе в каком же?) вступает в свои права licentia poetica (поэтическая вольность (лат.). — *Ред.*).

Души созревшего расцвета
Не сдержит снег седых кудрей,
Лишь эту смесь зимы и лета
Осветит взор твоих очей.

16 апреля 1895

94

Посв⟨ящается⟩ Н. Е. Ауэр

Лишь только тень живых, мелькнувши, исчезает,
Тень мертвых уж близка,
И радость горькая им снова отвечает
И сладкая тоска.

Что ж он пророчит мне, настойчивый и властный
Призыв родных теней?
Расцвет ли новых сил, торжественный и ясный,
Конец ли смертных дней?

Но что б ни значил он, привет ваш замогильный,
С ним сердце бьется в лад,
Оно за вами, к вам, и по дороге пыльной
Мне не идти назад.

23 апреля 1895

95

Посв⟨ящается⟩ кн⟨язю⟩
А. Д. Оболенскому

Наконец она стряхнула
Обветшалый свой убор,
Улыбнулась и вздохнула
И открыла ясный взор.

Неба пламенные розы
Отражаются в волне,
И разносит дух березы
Лес в прозрачном полусне.

Отчего же день расцвета
Для меня печали день?
Отчего на праздник света
Я несу ночную тень?

С пробудившейся землею
Разлучен, в немой стране
Кто-то с тяжкою тоскою
Шепчет: «Вспомни обо мне!»

28 апреля 1895

96

Эти грозные силы, что в полдень гремели,
Разошлись, истощились давно...
Вот и робкие звезды вверху заблестели
И глядятся тихонько в окно.

Но немые зарницы земле утомленной
Всё твердят о грозе прожитой,
И не верит она этой ночью бессонной,
Что настанет желанный покой.

1895

97. ИЮНЬСКАЯ НОЧЬ НА САЙМЕ

В эту ночь золотисто-пурпурную,
Видно, нам не остаться вдвоем,
И сквозь розы небес что-то сдержанно-бурное
Уловил я во взоре твоем.

Вот и полночь прошла незаметная...
Всё светлей и светлей над тобой,
Но померкла святыня заветная,
Что царит над моею судьбой.

Не пленяюсь я солнечной силою,
А вглядеться в тебя — холоднó!
Но с душою моею унылою
Тайно шепчется слово одно.

Знаю, в утро осеннее, бледное,
Знаю, в зимний закат ледяной
Прозвучит это слово победное,
И его повторишь ты за мной!

17 июня 1896

98. ГРОЗА УТРОМ

Разогнали раскаты громóвые
Смутных снов налетевшую стаю.
Перед бездной огнисто-лиловою
Разорвалась завеса до краю.

Шумно льются потоки назревшие,
Гром гремит, словно чем-то утешен...
Вижу очи твои потемневшие,
Хоть дождем от тебя занавешен.

Вдруг затихло... Там кто-то прощается,
И просветы лазури открыты...
Но двоится твой взор: улыбается
И темнеет грозой незабытой.

18 июня 1896

99. НА ПОЕЗДЕ УТРОМ

Посв⟨ящается⟩ В. П. Гайдебурову

Воздух и окошко, дóбытые с боя...
Желтая береза между темной ели,
А за ними небо светло-голубое
И хлебов грядущих мягкие постели.

С призраком дыханья паровоз докучный
Мчится и грохочет мертвыми громами,
А душа природы с ласкою беззвучной
В неподвижном блеске замерла над нами.

Тяжкому разрыву нет конца ужели?
Или есть победа над враждою мнимой,
И сойдутся явно в благодатной цели
Двигатель бездушный с жизнью недвижимой?

Сентябрь 1896

100. ДРУГУ МОЛОДОСТИ

Кн⟨язю⟩ Д. Н. Цертелеву

Враг я этих умных,
Громких разговоров
И бесплодно-шумных
Бесконечных споров...

. . . .

Помнишь ли, бывало, —
Ночи те далёко, —
Тишиной встречала
Нас заря с востока.

Из намеков кратких,
Жизни глубь вскрывая,
Поднималась молча
Тайна роковая.

То, чего в то время
Мы не досказали,
Записала вечность
В темные скрижали.

Конец декабря 1896

101

Нет, силой не поднять тяжелого покрова
Седых небес...
Всё та же вдаль тропинка вьется снова,
Всё тот же лес.

И в глубине вопрос — вопрос единый
Поставил бог.
О, если б ты хоть песней лебединой
Ответить мог!

Весь мир стоит застывшею мечтою,
Как в первый день.
Душа одна, и видит пред собою
Свою же тень.

⟨1897⟩

102. ПАМЯТИ А. А. ФЕТА

Он был старик давно больной и хилый;
Дивились все — как долго мог он жить...
Но почему же с этою могилой
Меня не может время помирить?

Не скрыл он в землю дар безумных песен;
Он всё сказал, что дух ему велел, —
Что ж для меня не стал он бестелесен
И взор его в душе не побледнел?..

Здесь тайна есть... Мне слышатся призывы
И скорбный стон с дрожащею мольбой...
Непримиренное вздыхает сиротливо,
И одинокое горюет над собой.

16 января 1897

103. ОКО ВЕЧНОСТИ

«Да не будут тебе бози инии, разве Мене».

Одна, одна над белою землею
Горит звезда
И тянет вдаль эфирною стезею
К себе — туда.

О нет, зачем? В одном недвижном взоре
Все чудеса,
И жизни всей таинственное море,
И небеса.

И этот взор так близок и так ясен, —
Глядись в него,
Ты станешь сам — безбрежен и прекрасен —
Царем всего.

Январь 1897

104. НА СМЕРТЬ А. Н. МАЙКОВА

Тихо удаляются старческие тени,
Душу заключавшие в звонкие кристаллы,
Званы еще многие в царство песнопений, —
Избранных, как прежние, — уж почти не стало.

Вещие свидетели жизни пережитой,
Вы увековечили всё, что в ней сияло,
Под цветами вашими плод земли сокрытый
Рос, и семя новое тайно созревало.

Мир же вам с любовию, старческие тени!
Пусть блестят по-прежнему чистые кристаллы,
Чтобы звоном сладостным в царстве песнопений
Вызывать к грядущему то, что миновало.

9 марта 1897

105. А. А. ФЕТУ

(Посвящение книги о русских поэтах) [1]

Все нити порваны, все отклики — молчанье.
Но скрытой радости в душе остался ключ,
И не погаснет в ней до вечного свиданья
Один таинственный и неизменный луч.

И я хочу, средь царства заблуждений,
Войти с лучом в горнило вещих снов,
Чтоб отблеском бессмертных озарений
Вновь увенчать умолкнувших певцов.

[1] Книга эта еще готовится к печати.

Отшедший друг! Твое благословенье
На этот путь заранее со мной.
Неуловимого я слышу приближенье,
И в сердце бьет невидимый прибой.

Июль 1897

106. СТАРОМУ ДРУГУ

А. П. Саломону

Двадцатый год — веселье и тревоги
Делить вдвоем велел нам вышний рок.
Ужель теперь для остальной дороги
Житейский нас разъединит поток?

Заключены в темнице мира тленной
И дань платя царящей суете,
Свободны мы в божнице сокровенной
Не изменять возвышенной мечте.

Пусть гибнет всё, что правды не выносит,
Но сохраним же вечности залог, —
Того, что дух бессмертный тайно просит,
Что явно обещал бессмертный бог.

Июль 1897

107

Я озарен осеннею улыбкой —
Она милей, чем яркий смех небес.
Из-за толпы бесформенной и зыбкой
Мелькает луч, — и вдруг опять исчез.

Плачь, осень, плачь, — твои отрадны слезы!
Дрожащий лес, рыданья к небу шли!
Реви, о буря, все свои угрозы,
Чтоб истощить их на груди земли!

Владычица земли, небес и моря!
Ты мне слышна сквозь этот мрачный стон,
И вот твой взор, с враждебной мглою споря,
Вдруг озарил прозревший небосклон.

26 августа 1897

108. РОДИНА РУССКОЙ ПОЭЗИИ

ПО ПОВОДУ ЭЛЕГИИ «СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ»[1]

Посвящается П. В. Жуковскому

Не там, где заковал недвижною бронею
Широкую Неву береговой гранит,
Иль где высокий Кремль над пестрою Москвою,
Свидетель старых бурь, умолкнувший, стоит,

А там, среди берез и сосен неизменных,
Что в сумраке земном на небеса глядят,
Где праотцы села в гробах уединенных,[2]
Крестами венчаны, сном утомленных спят, —

Там на закате дня, осеннею порою,
Она, волшебница, явилася на свет,
И принял лес ее опавшею листвою,
И тихо шелестил печальный свой привет.

И песни строгие к укромной колыбели
Неслись из-зá моря, с туманных островов,
Но, прилетевши к ней, они так нежно пели
Над вещей тишиной родительских гробов.

На сельском кладбище явилась ты недаром,
О гений сладостный земли моей родной!
Хоть радугой мечты, хоть юной страсти жаром
Пленяла после ты, — но первым лучшим даром
Останется та грусть, что на кладби́ще старом
Тебе навеял бог осеннею порой.

12 октября 1897

---

[1] Эта известная элегия (вольный перевод с английского) была написана В. А. Жуковским осенью 1802 г., в селе Мишенском, близ Белева, и напечатана в «Вестнике Европы» Карамзина (ч. 6, № 24, стр. 319). Несмотря на иностранное происхождение и на излишество сентиментальности в некоторых местах, «Сельское кладбище» может считаться началом истинно-человеческой поэзии в России после условного риторического творчества Державинской эпохи.

[2] Стих Жуковского.

109. ОТЗЫВ НА «ПЕСНИ ИЗ „УГОЛКА"»

К. К. Случевскому

Дарит меня двойной отрадой
Твоих стихов вечерний свет:
И мысли ясною прохладой,
И тем, чему названья нет.

Какая осень! Странно что-то:
Хоть без жары и бурных гроз,
Твой день от солнцеповорота
Не убывал, а только рос.

Так пусть он блещет и зимою,
Когда ж блистать не станет вмочь,
Засветит вещею зарею, —
Зарей во всю немую ночь.

Январь 1898

110. ЗНАМЕНИЕ

«Семя жены сотрет главу змия»

(Бытия, III)

«Сотворил Мне величие Сильный, и свято имя Его»

(Еван. Луки, I)

«И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, на главе ее венец из двенадцати звезд»

(Апокал., XII)

Одно, навек одно! Пускай в уснувшем храме
Во мраке адский блеск и гром средь тишины, —
Пусть пало всё кругом, — одно не дрогнет знамя,
И щит не двинется с разрушенной стены.

Мы в сонном ужасе к святыне прибежали,
И гарью душною был полон весь наш храм,
Обломки серебра разбросаны лежали,
И черный дым прильнул к разодранным коврам.

И только знак один нетленного завета
Меж небом и землей по-прежнему стоял.
А с неба тот же свет и Деву Назарета,
И змия тщетный яд пред нею озарял.

8 марта 1898

111. В АРХИПЕЛАГЕ НОЧЬЮ

Нет, не верьте обольщенью, —
Чтоб сцепленьем мертвых сил
Гибло божие творенье,
Чтоб слепой нам рок грозил.

Видел я в морском тумане
Всю игру враждебных чар;
Мне на деле, не в обмане
Гибель нес зловещий пар.

Въявь слагались и вставали
Сонмы адские духо́в,
И пронзительно звучали
Сочетанья злобных слов.

Мир веществен лишь в обмане,
Гневом дышит темный пар...
Видел я в морском тумане
Злую силу вражьих чар.

8—11 апреля 1898

112. DAS EWIG-WEIBLICHE[1]

Слово увещательное к морским чертям

Черти морские меня полюбили,
Рыщут за мною они по следам:
В Финском поморье недавно ловили,
В Архипелаг я — они уже там!

---

[1] Вечная Женственность (нем.). — *Ред.*

Ясно, что черти хотят моей смерти,
Как и по чину прилично чертям.
Бог с вами, черти! Однако, поверьте,
Вам я себя на съеденье не дам.

Лучше вы сами послушайтесь слова, —
Доброе слово для вас я припас:
Божьей скотинкою сделаться снова,
Милые черти, зависит от вас.

Помните ль вы, как у этого моря,
Там, где стоял Амафунт и Пафóс,
Первое в жизни нежданное горе
Некогда вам испытать довелось?

Помните ль розы над пеною белой,
Пурпурный отблеск в лазурных волнах?
Помните ль образ прекрасного тела,
Ваше смятенье, и трепет, и страх?

Та красота своей первою силой,
Черти, не долго была вам страшна;
Дикую злобу на миг укротила,
Но покорить не умела она.

В ту красоту, о коварные черти,
Путь себе тайный вы скоро нашли,
Адское семя растленья и смерти
В образ прекрасный вы сеять могли.

Знайте же: вечная женственность ныне
В теле нетленном на землю идет.
В свете немеркнущем новой богини
Небо слилося с пучиною вод.

Всё, чем красна Афродита мирская,
Радость домов, и лесов, и морей, —
Всё совместит красота неземная
Чище, сильней, и живей, и полней.

К ней не ищите напрасно подхода!
Умные черти, зачем же шуметь?

То, чего ждет и томится природа,
Вам не замедлить и не одолеть.

Гордые черти, вы всё же мужчины, —
С женщиной спорить не честь для мужей.
Ну, хоть бы только для этой причины,
Милые черти, сдавайтесь скорей!

8—11 апреля 1898

113. МИМО ТРОАДЫ

Что-то здесь осиротело,
Чей-то светоч отсиял,
Чья-то радость отлетела,
Кто-то пел — и замолчал.

Между 11 и 14 апреля 1898

114. НИЛЬСКАЯ ДЕЛЬТА

Золотые, изумрудные,
Черноземные поля...
Не скупа ты, многотрудная,
Молчаливая земля!

Это лоно плодотворное, —
Сколько дремлющих веков, —
Принимало, всепокорное,
Семена и мертвецов.

Но не всё тобою взятое
Вверх несла ты каждый год:
Смертью древнею заклятое
Для себя весны всё ждет.

Не Изида трехвенечная
Ту весну им приведет,
А нетронутая, вечная
«Дева Радужных Ворот». [1]

14 апреля 1898

[1] Гностический термин.

115. ПЕСНЯ МОРЯ

А. А. Фету

От кого это теплое южное море
Знает горькие песни холодных морей?..
И под небом другим, с неизбежностью споря,
Та же тень всё стоит над мечтою моей.

Иль ей мало созвучных рыданий пучины,
Что из тесного сердца ей хочется слез,
Слез чужих, чьей-нибудь бескорыстной кручины
Над могилой безумно отвергнутых грез...

Чем помочь обманувшей, обманутой доле?
Как задачу судьбы за другого решить?
Кто мне скажет? Но сердце томится от боли
И чужого крушенья не может забыть.

Брызги жизни сливались в алмазные грезы,
А теперь лишь блеснет лучезарная сеть, —
Жемчуг песен твоих расплывается в слезы,
Чтобы вместе с пучиной роптать и скорбеть.

Эту песню одну знает южное море,
Как и бурные волны холодных морей —
Про чужое, далекое, мертвое горе,
Что, как тень, неразлучно с душою моей.

Апрель 1898

116. ОТВЕТ НА «ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ»

К. К. Случевскому

Всё, изменяясь, изменило,
Везде могильные кресты,
Но будят душу с прежней силой
Заветы творческой мечты.

Безумье вечное поэта —
Как свежий ключ среди руин...
Времен не слушаясь запрета,
Он в смерти жизнь хранит один.

Пускай Пергам давно во прахе,
Пусть мирно дремлет тихий Дон:
Всё тот же ропот Андромахи,
И над Путивлем тот же стон.

Свое уж не вернется снова,
Немеют близкие слова, —
Но память дальнего былого
Слезой прозрачною жива.

19 июня 1898

117. НА ТОМ ЖЕ МЕСТЕ[1]

И помни весь путь, которым вел тебя
Превечный, бог твой, по пустыне,
вот уже сорок лет...
Он смирял тебя, томил тебя голодом
и питал тебя манною...
Одежда твоя не ветшала на тебе, и нога
не пухла, вот уже сорок лет...

(Второз., VIII, 2—4)

Ушли двенадцать лет отважных увлечений
И снов мучительных, и тягостных забот,
Осиливших на миг и павших искушений,
Похмелья горького и трезвенных работ.

Хвала превечному! Израиля одежды
В пустыне сорок лет он целыми хранил...
Не тронуты в душе все лучшие надежды,
И не иссякло в ней русло́ творящих сил!

Владычица-земля! С бывалым умиленьем
И с нежностью любви склоняюсь над тобой.
Лес древний и река звучат мне юным пеньем...
Всё вечное и в них осталося со мной.

Другой был, правда, день, безоблачный и яркий,
С небес лился поток ликующих лучей,
И всюду меж дерев запущенного парка
Мелькали призраки загадочных очей.

---

[1] См. стихотворение XXXIII «Земля-владычица! к тебе чело склонил я. . .».

И призраки ушли, но вера неизменна...
А вот и солнце вдруг взглянуло из-за туч.
Владычица-земля! Твоя краса нетленна,
И светлый богатырь бессмертен и могуч.

29 июня 1898

118. 11 ИЮНЯ 1898 г.

Стая туч на небосклоне
Собралася и растет...
На земном иссохшем лоне
Всё живое влаги ждет.

Но упорный и докучный
Ветер гонит облака.
Зной всё тот же неотлучный,
Влага жизни далека.

Так душевные надежды
Гонит прочь житейский шум,
Голос злобы, крик невежды,
Вечный ветер праздных дум.

Май или июнь 1898

119. ТРИ СВИДАНИЯ
(МОСКВА — ЛОНДОН — ЕГИПЕТ. 1862—75—76)

Поэма

Заранее над смертью торжествуя
И цепь времен любовью одолев,
Подруга вечная, тебя не назову я,
Но ты почуешь трепетный напев...

Не веруя обманчивому миру,
Под грубою корою вещества
Я осязал нетленную порфиру
И узнавал сиянье божества...

Не трижды ль ты далась живому взгляду —
Не мысленным движением, о нет! —
В предвестие, иль в помощь, иль в награду
На зов души твой образ был ответ.

1

И в первый раз, — о, как давно то было! —
Тому минуло тридцать шесть годов,
Как детская душа нежданно ощутила
Тоску любви с тревогой смутных снов.

Мне девять лет, *она*. . .[1] ей — девять тоже.
«Был майский день в Москве», как молвил Фет.
Признался я. Молчание. О, боже!
Соперник есть. А! он мне даст ответ.

Дуэль, дуэль! Обедня в Вознесенье.
Душа кипит в потоке страстных мук.
Житейское. . . отложим. . . попеченье —
Тянулся, замирал и замер звук.

Алтарь открыт. . . Но где ж священник, дьякон?
И где толпа молящихся людей?
Страстей поток, — бесследно вдруг иссяк он.
Лазурь кругом, лазурь в душе моей.

Пронизана лазурью золотистой,
В руке держа цветок нездешних стран,
Стояла ты с улыбкою лучистой,
Кивнула мне и скрылася в туман.

И детская любовь чужой мне стала,
Душа моя — к житейскому слепа. . .
А немка-бонна грустно повторяла:
«Володинька — ах! слишком он глупа́!»

---

[1] *Она* этой строфы была простою маленькой барышней и не имеет ничего общего с тою *ты*, к которой обращено вступление.

2

Прошли года. Доцентом и магистром
Я мчуся за границу в первый раз.
Берлин, Ганновер, Кельн — в движенье быстром
Мелькнули вдруг и скрылися из глаз.

Не света центр, Париж, не край испанский,
Не яркий блеск восточной пестроты, —
Моей мечтою был Музей Британский,
И он не обманул моей мечты.

Забуду ль вас, блаженные полгода?
Не призраки минутной красоты,
Не быт людей, не страсти, не природа —
Всей, всей душой одна владела ты.

Пусть там снуют людские мириады
Под грохот огнедышащих машин,
Пусть зиждутся бездушные громады, —
Святая тишина, я здесь один.

Ну, разумеется, cum grano salis: [1]
Я одинок был, но не мизантроп;
В уединении и люди попадались,
Из коих мне теперь назвать кого б?

Жаль, в свой размер вложить я не сумею
Их имена, не чуждые молвы...
Скажу: два-три британских чудодея
Да два иль три доцента из Москвы.

Всё ж больше я один в читальном зале;
И верьте иль не верьте, — видит бог,
Что тайные мне силы выбирали
Всё, что о ней читать я только мог.

Когда же прихоти греховные внушали
Мне книгу взять «из оперы другой» —

---

[1] Здесь: с иронией (лат.). — *Ред.*

Такие тут истории бывали,
Что я в смущенье уходил домой.

И вот однажды — к осени то было —
Я ей сказал: «О божества расцвет!
Ты здесь, я чую, — что же не явила
Себя глазам моим ты с детских лет?»

И только я помыслил это слово, —
Вдруг золотой лазурью всё полно́,
И предо мной она сияет снова —
Одно ее лицо — оно одно.

И то мгновенье долгим счастьем стало,
К земным делам опять душа слепа,
И если речь «серьезный» слух встречала,
Она была невнятна и *глупа*.

3

Я ей сказал: «Твое лицо явилось,
Но всю тебя хочу я увидать.
Чем для ребенка ты не поскупилась,
В том — юноше нельзя же отказать!»

«В Египте будь!» — внутри раздался голос.
В Париж! — и к югу пар меня несет.
С рассудком чувство даже не боролось:
Рассудок промолчал, как идиот.

На Льон, Турин, Пьяченцу и Анкону,
На Фермо, Бари, Бри́ндизи — и вот
По синему трепещущему лону
Уж мчит меня британский пароход.

Кредит и кров мне предложил в Каире
Отель «Аббат», — его уж нет, увы!
Уютный, скромный, лучший в целом мире..
Там были русские, и даже из Москвы.

Всех тешил генерал — десятый номер —
Кавказскую он помнил старину...

Его назвать не грех — давно он помер,
И лихом я его не помяну.

То Ростислав Фаддеев был известный,
В отставке воин и владел пером.
Назвать кокотку иль собор поместный —
Ресурсов тьма была сокрыта в нем.

Мы дважды в день сходились за табльдотом;
Он весело и много говорил,
Не лез в карман за скользким анекдотом
И философствовал по мере сил.

Я ждал меж тем заветного свиданья,
И вот однажды, в тихий час ночной,
Как ветерка прохладное дыханье:
«В пустыне я — иди туда за мной».

Идти пешком (из Лондона в Сахару
Не возят даром молодых людей, —
В моем кармане — хоть кататься шару,
И я живу в кредит уж много дней).

Бог весть куда, без денег, без припасов,
И я в один прекрасный день пошел, —
Как дядя Влас, что написал Некрасов.
(Ну, как-никак, а рифму я нашел).

Смеялась, верно, ты, как средь пустыни
В цилиндре высочайшем и в пальто,
За черта принятый, в здоровом бедуине
Я дрожь испуга вызвал и за то

Чуть не убит, — как шумно, по-арабски
Совет держали шейхи двух родов,
Что делать им со мной, как после рабски
Скрутили руки и без лишних слов

[1] Прием нахождения рифмы, освященный примером Пушкина и тем более простительный в настоящем случае, что автор, будучи более неопытен, чем молод, первый раз пишет стихи в повествовательном роде.

Подальше отвели, преблагородно
Мне руки развязали — и ушли.
Смеюсь с тобой: богам и людям сродно
Смеяться бедам, раз они прошли.

Тем временем немая ночь на землю
Спустилась прямо, без обиняков.
Кругом лишь тишину одну я внемлю
Да вижу мрак средь звездных огоньков.

Прилегши наземь, я глядел и слушал...
Довольно гнусно вдруг завыл шакал;
В своих мечтах меня он, верно, кушал,
А на него и палки я не взял.

Шакал-то что́! Вот холодно ужасно...
Должно быть, нуль, — а жарко было днем...
Сверкают звезды беспощадно ясно;
И блеск, и холод — во вражде со сном.

И долго я лежал в дремоте жуткой,
И вот повеяло: «Усни, мой бедный друг!»
И я уснул; когда ж проснулся чутко, —
Дышали розами земля и неба круг.

И в пурпуре небесного блистанья
Очами, полными лазурного огня, [1]
Глядела ты, как первое сиянье
Всемирного и творческого дня.

Что есть, что было, что грядет вовеки —
Всё обнял тут один недвижный взор...
Синеют подо мной моря и реки,
И дальний лес, и выси снежных гор.

Всё видел я, и всё одно лишь было —
Один лишь образ женской красоты...
Безмерное в его размер входило, —
Передо мной, во мне — одна лишь ты.

О лучезарная! тобой я не обманут:
Я всю тебя в пустыне увидал...

[1] Стих Лермонтова.

В моей душе те розы не завянут,
Куда бы ни умчал житейский вал.

Один лишь миг! Видение сокрылось —
И солнца шар всходил на небосклон.
В пустыне тишина. Душа молилась,
И не смолкал в ней благовестный звон.

Дух бодр! Но всё ж не ел я двое суток,
И начинал тускнеть мой высший взгляд.
Увы! как ты ни будь душою чуток,
А голод ведь не тетка, говорят.

На запад солнца путь держал я к Нилу
И вечером пришел домой в Каир.
Улыбки розовой душа следы хранила,
На сапогах — виднелось много дыр.

Со стороны всё было очень глупо
(Я факты рассказал, виденье скрыв).
В молчанье генерал, поевши супа,
Так начал важно, взор в меня вперив:

«Конечно, ум дает права на *глупость*,
Но лучше сим не злоупотреблять:
Не мастерица ведь людская тупость
Виды́ безумья точно различать.

А потому, коль вам прослыть обидно
Помешанным иль просто дураком, —
Об этом происшествии постыдном
Не говорите больше ни при ком».

И много он острил, а предо мною
Уже лучился голубой туман
И, побежден таинственной красою,
Вдаль уходил житейский океан.

Еще невольник суетному миру,
Под грубою корою вещества
Так я прозрел нетленную порфиру
И ощутил сиянье божества.

Предчувствием над смертью торжествуя
И цепь времен мечтою одолев,
Подруга вечная, тебя не назову я,
А ты прости нетвердый мой напев!

26—29 сентября 1898

Примечание. Осенний вечер и глухой лес внушили мне воспроизвести в шутливых стихах самое значительное из того, что до сих пор случилось со мною в жизни. Два дня воспоминания и созвучия неудержимо поднимались в моем сознании, и на третий день была готова эта маленькая автобиография, которая понравилась некоторым поэтам и некоторым дамам.

120. НА СМЕРТЬ Я. П. ПОЛОНСКОГО

Света бледно-нежного
Догоревший луч,
Ветра вздох прибрежного,
Край далеких туч...

Подвиг сердца женского,
Тень мужского зла,
Солнца блеск вселенского
И земная мгла...

Что разрывом тягостным
Мучит каждый миг —
Всё ты чувством благостным
В красоте постиг.

Новый путь протянется
Ныне пред тобой,
Сердце всё ж оглянется —
С тихою тоской. [1]

19 октября 1898

---

[1] Стихи Полонского:
Но боюсь, если путь мой протянется
Из родимых полей в край чужой,
Одинокое сердце оглянется
И забьется знакомой тоской.

121

Лишь забудешься днем иль проснешься в полночи —
Кто-то здесь... Мы вдвоем, —
Прямо в душу глядят лучезарные очи
Темной ночью и днем.

Тает лед, расплываются хмурые тучи,
Расцветают цветы...
И в прозрачной тиши неподвижных созвучий
Отражаешься ты.

Исчезает в душе старый грех первородный:
Сквозь зеркальную гладь
Видишь, нет и травы, змей не виден подводный,
Да и скал не видать.

Только свет да вода. И в прозрачном тумане
Блещут очи одни,
И слилися давно, как роса в океане,
Все житейские дни.

21 ноября 1898

122. ДВЕ СЕСТРЫ

Из исландской саги

Посвящается А. А. Луговому

Плещет Обида крылами
Там, на пустынных скалах...
Черная туча над нами,
В сердце — тревога и страх.

Стонет скорбящая дева,
Тих ее стон на земле, —
Голос грозящего гнева
Вторит ей сверху во мгле.

Стон, повторенный громами,
К звездам далеким идет,
Где меж землей и богами
Вечная Кара живет.

Там, где полночных сияний
Яркие блещут столбы, —
Там она, дева желаний,
Дева последней судьбы.

Чаша пред ней золотая;
В чашу, как пар от земли,
Крупной росой упадая,
Слезы Обиды легли.

Тихо могучая дева —
Тихо, безмолвно сидит,
В чашу грозящего гнева
Взор неподвижный глядит.

Черная туча над нами,
В сердце — тревога и страх...
Плещет Обида крылами
Там, на пустынных скалах.

3 апреля 1899

123. У СЕБЯ

Дождались меня белые ночи
Над простором густых островов...
Снова смотрят знакомые очи,
И мелькает былое без слов.

В царство времени всё я не верю,
Силу сердца еще берегу,
Роковую не скрою потерю,
Но сказать «навсегда» — не могу.

При мерцании долгом заката,
Пред минутной дремотою дня,
Что погиб его свет без возврата,
В эту ночь не уверишь меня.

Июнь 1899

124. БЕЛЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

...И я слышу, как сердце цветет.

Фет

Сколько их расцветало недавно,
Словно белое море в лесу!
Теплый ветер качал их так плавно
И берег молодую красу.

Отцветает она, отцветает,
Потемнел белоснежный венок,
И как будто весь мир увядает...
Средь гробов я стою одинок.

«Мы живем, твои белые думы,
У заветных тропинок души.
Бродишь ты по дороге угрюмой,
Мы недвижно сияем в тиши.

Нас не ветер берег прихотливый,
Мы тебя сберегли бы от вьюг.
К нам скорей, через запад дождливый,
Для тебя мы — безоблачный юг.

Если ж взоры туман закрывает
Иль зловещий послышался гром, —
Наше сердце цветет и вздыхает...
Приходи — и узнаешь, о чем».

15 августа 1899

125

Мирный сон снится вам,
Мы уж не верим снам:
Всюду лишь бранный клик,
Смерть иль победы миг.

1890-е годы (?)

126

Непроглядная темень кругом,
Слышны дальнего грома раскаты,
Нет и про́света в небе ночном,
Звезды скрылись — не жди их возврата.

1890-е годы (?)

127. LES REVENANTS[1]

Тайною тропинкою, скорбною и милою,
Вы к душе пробралися, и — спасибо вам!
Сладко мне приблизиться памятью унылою
К смертью занавешенным, тихим берегам.

Нитью непонятною сердце всё привязано
К образам незначащим, к плачущим теням.
Что-то в слово просится, что-то недосказано,
Что-то совершается, но — ни здесь, ни там.

Бывшие мгновения поступью беззвучною
Подошли и сняли вдруг покрывала с глаз.
Видят что-то вечное, что-то неразлучное
И года минувшие — как единый час.

16 января 1900

128. ДРАКОН

Зигфриду

Из-за кругов небес незримых
Дракон явил свое чело, —
И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.

Ужель не смолкнут ликованья
И миру вечному хвала,
Беспечный смех и восклицанья:
«Жизнь хороша, и нет в ней зла!»

---

[1] Призраки (франц.). — *Ред.*

Наследник меченосной рати!
Ты верен знамени креста,
Христов огонь в твоем булате,
И речь грозящая свята.

Полно любовью божье лоно,
Оно зовет нас всех равно...
Но перед пастию дракона
Ты понял: крест и меч — одно.

24 июня 1900

129. ВНОВЬ БЕЛЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

В грозные, знойные
Летние дни —
Белые, стройные
Те же они.

Призраки вешние
Пусть сожжены, —
Здесь вы нездешние,
Верные сны.

Зло пережи́тое
Тонет в крови, —
Всходит омытое
Солнце любви.

Замыслы смелые
В сердце больном, —
Ангелы белые
Встали кругом.

Стройно-воздушные
Те же они —
В тяжкие, душные,
Грозные дни.

8 июля 1900

САТИРИЧЕСКИЕ И ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

130. МУДРЫЙ ОСЕНЬЮ

Элегия, с персидского

Не говори: зачем цветы увяли?
Зачем так в небе серо и темно?
Зачем глядит, исполненный печали,
Поблекший сад к нам в тусклое окно?

Не говори: зачем в долине грязно?
Зачем так скользко под крутой горой?
Зачем гудит и воет неотвязно
Холодный ветер позднею порой?

Не говори: зачем под лад природы
Твоя подруга злится и ворчит?
Слова бесплодны: мудрый в час невзгоды
Пьет с ромом чай и с важностью молчит.

Июнь 1879

131. ТАИНСТВЕННЫЙ ГОСТЬ

Поздно ночью раненый
Он вернулся и
Семь кусков баранины
Скушал до зари.

На рассвете тяжкую
Рану он обмыл,
Медленно фуражкою
Голову покрыл,

Выйдя осмотрительно,
Он в кибитку влез
И затем стремительно
Вместе с ней исчез.

Конец 1870-х —
начало 1880-х годов (?)

132. ЧИТАТЕЛЬНИЦА И АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ

Она ходила вдоль по саду
Среди пионов и лилей
Уму и сердцу на усладу
Иль напоказ всего скорей.
Она в руках держала книжку
И перевертывала лист,
На шее ж грязную манишку
Имела. Мрачный нигилист,
Сидевший тут же на скамейке
И возмущенный всем, что зрел,
Сказал садовнику: «Полей-ка
Анютин глаз, чтоб он созрел».

Конец 1870-х —
начало 1880-х годов (?)

133—134. *ЭПИГРАММЫ*

1

Благонамеренный
И грустный анекдот!
Какие мерины
Пасут теперь народ!

2

Протяженно-сложенное слово
И гнусливо-казенный укор
Заменили тюрьму и оковы,
Дыбу, сруб и кровавый топор.

Но с приятным различьем в манере
Сила та же и тот же успех,
И в сугубой свершается мере
Наказанье за двойственный грех.

Январь 1885

135. ПРОРОК БУДУЩЕГО

Угнетаемый насилием
Черни дикой и тупой,
Он питался сухожилием
И яичной скорлупой.

Из кулей рогожных мантию
Он себе соорудил
И всецело в некромантию
Ум и сердце погрузил.

Со стихиями надзвездными
Он в сношение вступал,
Проводил он дни над безднами
И в болотах ночевал.

А когда порой в селение
Он задумчиво входил,
Всех собак в недоумение
Образ дивный приводил.

Но, орга́нами правительства
Быв без вида обретен,
Тотчас он на место жительства
По этапу водворен. [1]

⟨1886⟩

---

[1] Не скрою от читателя, что цель моего «Пророка» — восполнить или, так сказать, завершить соответствующие стихотворения Пушкина и Лермонтова. Пушкин представляет нам пророка чисто библейского, пророка времен давно минувших, когда, с одной стороны, прилетали серафимы, а, с другой стороны, анатомия, находясь в младенчестве, не препятствовала вырывать у человека язык и сердце и

136. ВИДЕНИЕ

Сочинено в состоянии натурального гипноза

По небу полуночи лодка плывет,
А в лодке младенец кричит и зовет.
Младенец, младенец, куда ты плывешь?
О чем ты тоскуешь? Кого ты зовешь?
Напрасно, напрасно! Никто не придет...
А лодка, качаясь, всё дальше плывет,
И звезды мигают, и месяц большой
С улыбкою странной бежит за ладьей...
А тучи в лохмотьях томятся кругом...
Боюсь я, не кончится это добром!

⟨1886⟩

137. ТАИНСТВЕННЫЙ ПОНОМАРЬ

Баллада

Двенадцать лет граф Адальберт фон Крани
Вестей не шлет;
Быть может, труп его на поле брани
Уже гниет?..
Графиня Юлия тоскует в божьем храме,
Как тень бледна;

заменять их змеиным жалом и горячим углем, причиняя этим пациенту лишь краткий обморок. Пророк Лермонтова, напротив, есть пророк настоящего, носитель гражданской скорби, протестующий против нравственного упадка общественной среды и ею натурально изгоняемый. Согласно духу современности, в стихотворении Лермонтова нет почти ничего сверхъестественного, ибо хотя и упомянуто, что в пустыне пророка слушали звезды, но отнюдь не говорится, чтобы они отвечали ему членораздельными звуками. Мой пророк, наконец, есть пророк будущего (которое, может быть, уже становится настоящим); в нем противоречие с окружающею общественной средой доходит до полной несоизмеримости. Впрочем, я прямо продолжаю Лермонтова, как и он продолжал Пушкина. Но так как в правильном развитии всякого сюжета третий момент всегда заключает в себе некоторое соединение или синтез двух предшествовавших, то читатель не удивится, найдя в моем, третьем пророке, мистический характер, импонирующий нам в пророке Пушкина, в сочетании с живыми чертами современности, привлекающими нас в пророке Лермонтова. Но пусть дело говорит за себя.

Но вдруг взглянула грустными очами —
И смущена.
Кругом весь храм в лучах зари пылает,
Блестит алтарь;
Священник тихо мессу совершает,
С ним пономарь.
Графини взгляд весьма обеспокоен
Пономарем:
Он так хорош, и стан его так строен
Под стихарем...
Обедня кончена, и панихида спета;
Они — вдвоем,
И их уносит графская карета
К графине в дом.
Вошли. Он мрачен, не промолвит слова.
К нему она:
«Скажи, зачем ты так глядишь сурово?
Я смущена...
Я женщина без разума и воли,
А враг силен...
Граф Адальберт уж не вернется боле...»
— «Верррнулся он!
Он беззаконной отомстит супруге!»
Долой стихарь!
Пред нею рыцарь в шлеме и кольчуге, —
Не пономарь.
«Узнай, я граф, — граф Адальберт фон Крани;
Чтоб испытать,
Верна ль ты мне, бежал я с поля брани —
Верст тысяч пять...»
Она: «Ах, милый, как ты изменился
В двенадцать лет!
Зачем, зачем ты раньше не открылся?»
Он ей в ответ:
«Молчи! Служить я обречен без срока
В пономарях...»
Сказал. Исчез. Потрясена глубоко,
Она в слезах...
Прошли года. Граф в храме честно служит
Два раза в день;
Графиня Юлия всё по супруге тужит,
Бледна как тень, —

Но не о том, что сгиб он в поле брани,
А лишь о том,
Что сделался граф Адальберт фон Крани
Пономарем.

⟨1886⟩

138. ОСЕННЯЯ ПРОГУЛКА РЫЦАРЯ РАЛЬФА

Полубаллада

Рыцарь Ральф, женой своею
Опозоренный, на шею
Навязал себе, бледнея,
Шарф большой,
И из жениной уборной,
Взяв под мышку зонтик черный,
Устремился он проворно
В лес глухой.
Ветер дул, уныло воя;
Зонт раскрыв над головою,
Неизвестною тропою
Рыцарь шел.
Сучья голые чернели,
Листья желтые летели,
Рыцарь Ральф шел еле-еле,
Рыцарь Ральф в душе и теле
Ощущал озноб.
Ревматические боли
Побеждают силу воли,
И, пройдя версту иль боле,
Рыцарь молвил: «Стоп».
Повернул назад и скоро,
Выйдя из глухого бора,
Очутился у забора
Замка своего.
Обессилен, безоружен,
Весь промочен и простужен,
Рыцарь молча сел за ужин,
С ним жена его.
«Рыцарь Ральф! — она сказала. —
Я Вас нонче не узнала,

Я такого не видала
Шарфа никогда».
— «Этот шарф был очень нужен, —
Молвил рыцарь Ральф, сконфужен, —
Без него б я был простужен
Раз и навсегда».

(1886)

139. ПОЛИГАМ И ПЧЕЛЫ

Басня

В одной стране помещик-полигам
Имел пятнадцать жен, которые ужасно
Друг с другом ссорились и поднимали гам.
Все средства он употреблял напрасно,
Чтоб в разум их привесть, но наконец
прекрасный
Вдруг способ изобрел:
Взяв пчельника Антипа,
Он в сад его привел
И говорит: «Вот липа!
И не одна, — здесь много лип;
Вон розан там — а тут, гляди, Антип! —
Сколь много сладостных жасминов и сиреней,
Сбирать свой мед без всяких затруднений
Здесь пчелы, думаю, могли б...
Итак, Антип, скажу я толком:
Я буду чрезвычайно рад,
Когда внушишь своим ты пчелкам,
Чтобы они в прекрасный этот сад
За взятками с цветов летели».
Антип от старости ходил уж еле-еле,
Но все-таки на пчельник поспешил
(Хоть пчельник сам, на пчельнике он жил).
И пчелам там не без труда внушил
Помещика прекрасную идею;
А тот немедленно лакею
Велел весь мед собрать

И, разложив в пятнадцать чаш, подать
Пятнадцати супругам,
Которые в тот день чуть не дрались друг с другом.
Наш Полигам мечтал, что мед,
Быть может, ссоры их уймет;
Но жены хоть не бросили ругаться,
Однако же от меду отказаться
Из них не захотела ни одна.

Мораль сей басни не совсем ясна,
Но, может быть, читатель, в час досуга
Прочтя ее, постигнет вдруг,
Что для него одна супруга
Приятней множества супруг.

(1886)

140. <НА Т. И. ФИЛИППОВА>

Ведь был же ты, о Тертий, в Палестине,
И море Мертвое ты зрел, о епитроп,
Но над судьбами древней мерзосты́ни [1]
Не размышлял твой многохитрый лоб.
И поддержать содомскую идею
Стремишься ты на берегах Невы...
Беги, безумец, прочь! Беги, беги скорее,
Не обращай преступной головы.
Огнем и жупелом внезапно опаленный,
Уже к теня́м в шео́л содомский князь летит,
Тебя ж, о епитроп, боюсь, что не в соленый,
А в пресный столб суд божий превратит.

Октябрь 1886

---

[1] Рифма, простительная только в импровизации, но слово недурное.

141. СВОЕВРЕМЕННОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Израиля ведя стезей чудесной,
Господь зараз два дива сотворил:
Отверз уста ослице бессловесной
И говорить пророку запретил.
Далекое грядущее таилось
В сих чудесах первоначальных дней,
И ныне казнь Моаба совершилась,
Увы! над бедной родиной моей.
Гонима, Русь, ты беспощадным роком,
Хотя за грех иной, чем Билеам,
Заграждены уста твоим пророкам
И слово вольное дано твоим ослам.

(1887)

142

Каюсь, древняя ослица,
Я тебя обидел дерзко,
Ведь меж нашими ослами
Говорит и князь Мещерский.

Говорит такие речи,
Что, услышав их, от срама
Покраснела бы в Шеóле
Тень ослицы Билеама.

(1887)

143

Ах, далеко за снежным Гималаем [1]
Живет мой друг,
А я один, и лишь собачьим лаем [2]
(Вариант: горячим чаем, холодным)
Свой тешу слух
(Вариант: нежу дух),

---

[1] Не следует разуметь буквально.

[2] Следует разуметь более чем буквально, кроме собак дворовых имея в виду и собак духовно-литературных.

Да сквозь века монахов исступленных
Жестокий спор
И житие мошенников священных
Следит мой взор.
Но лишь засну — к Тибетским плоскогорьям,
Душа, лети!
И всем попам, Кириллам и Несто́рьям,
Скажи: прости!
Увы! Блаженство кратко в сновиденье!
Исчезло вдруг,
И лишь вопрос о предопределенье
Томит мой дух.

Начало января 1887

144

Люблю я дам сорокалетних,
Люблю я старое вино,
Мне зимний сад дороже летних,
И разноцветное окно
Полуразрушенной светлицы
Мне так же много говорит,
Как сердцу трепетной девицы
Большого бала первый вид.

Март 1887

145

Город глупый, город грязный!
Смесь Каткова и кутьи,
Царство сплетни неотвязной,
Скуки, сна, галиматьи.

Нет причин мне и немножко
Полюбить тебя, когда
Даже милая мне ножка
Здесь мелькнула без следа.

4 апреля 1887

146—147. *ЗНАМЕНИТОМУ ГРАЖДАНИНУ*

1

ОДА

О ты, средь невского содома
Хранящий сердце в чистоте!
Твоею мудростью блюдома,
Русь шествует к своей мете́.

И скоро, скоро заблужденья
Она отраву изблюет
И на руинах просвещенья
Благонамеренно заснет.

И если сон сей величавый
И посетят еще мечты, —
О, не страшись: в сиянье славы
Ей будешь сниться только ты.

19 апреля 1887

2

ГИМН

Содома князь и гражданин Гоморры
Идет на Русь с «газетою большой».
О боже! суд свой праведный и скорый
Яви, как встарь, над гнусностью такой.

Август 1887

148—149. *<НА А. А. ФЕТА>*

1

Поговорим о том, чем наша жизнь согрета:
О дружбе Страхова, о камергерстве Фета.

2

Жил-был поэт,
Нам всем знаком,
Под старость лет
Стал дураком.

Конец февраля 1889

150. РАЗМЫШЛЕНИЕ О НЕИЗМЕННОСТИ ЗАКОНОВ ПРИРОДЫ

Депá пожарного служитель
Горé над прахом вознесен
И, как орел — эфира житель,
Всезрящим оком наделен.
Он одинок на сей вершине,
Он выше всех, он бог, он царь...
А там внизу, в зловонной тине,
Как червь, влачится золотарь, —
Для сердца нежного ужасен
Контраст клоаки и депá...
Смирись! Закон природы ясен,
Хоть наша мудрость и слепа.
Заходит солнце, солнце всходит,
Века бегут, а всё, как встарь,
На вышке гордый витязь ходит
И яму чистит золотарь.

Середина апреля 1889

151. МОЛОДОЙ ТУРКА

В день десятый могаремма
    У папá в саду
Встретил я цветок гарема
    И с тех пор всё жду,
Жду в саду нетерпеливо
    Я мою газель...
Но папá блюдет ревниво
    Всех своих мамзель.

Знать, недаром е́внух старый
Шилом ковырял
И к мешку тяжелых пару
Ка́мней привязал.
Надо мне остерегаться...
Лучше я уйду.
Этак можно и остаться
В папином пруду!
Да! папа́ — весьма упорный
Старый ретроград,
И блюдет евну́х проворный
Папин вертоград.

Середина апреля 1889

152. ИЗ ПИСЬМА

Во-первых, объявлю вам, друг прелестный,
Что вот теперь уж более ста лет,
Как людям образованным известно,
Что времени с пространством вовсе нет;
Что это только призрак субъективный,
Иль, попросту сказать, один обман.
Сего не знать есть реализм наивный,
Приличный ныне лишь для обезьян.
А если так, то, значит, и разлука,
Как временно-пространственный мираж,
Равна нулю, а с ней тоска и скука,
И прочему всему оценка та ж...
Сказать по правде: от начала века
Среди толпы бессмысленной земной
Нашлось всего два умных человека —
Философ Кант да пра́дедушка Ной.
Тот доказал методой априорной,
Что, собственно, на всё нам наплевать,
А этот — эмпирически бесспорно:
Напился пьян и завалился спать.

1890

153. ПРИВЕТ МИНИСТРАМ

Горемыкин веселеющий
И Делянов молодеющий,
Бедоносцев хорошеющий,
Муравьев-жених
Собралися снова вместе, и
Порешили эти бестии,
Что вся сила — в них.
Врете, курицыны дети!
Вот ужо за речи эти
Быть, мерзавцы, вам в ответе,
Будет вам допрос!
И синклиту безволосому,
Да и Ю⟨льи⟩чу безносому
Уж натянут нос!
Ждет засу́ха семилетняя...
Что и зимняя, и летняя...
Хоть солому жрать, да нет ее!
Тут-то вам и мат.
С голодухи люди кроткие
Разевают свои глотки и
Черт им сам не брат.
Тут сюда-туда вы кинетесь,
Либералами прикинетесь,
Вверх ногами опрокинетесь,
Подожмете хвост.
Но дела все ваши взвешены,
Да и сами вы повешены, —
Вот конец и прост!

Начало сентября 1891

154. <НА К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА>

На разных поприщах прославился ты много:
Как евнух ты невинностью сиял,
Как пиетист позорил имя бога
И как юрист старушку обобрал.

⟨1892⟩

Душный город стал несносен.
Взявши саквояж,
Скрылся я под сенью сосен
В сельский пейзаж.

У крестьянина Сысоя
Нанял я избу.
Здесь мечтал, вкусив покоя,
Позабыть борьбу.

Ах, потерянного рая
Не вернет судьба.
Ждет меня беда другая,
Новая борьба.

Поднялись на бой открытый
Целые толпы́ —
Льва Толстого фавориты, [1]
Красные клопы.

Но со мною не напрасно
Неба лучший дар —
Ты, очищенный прекрасно,
Галльский скипидар.

Ты римля́нкам для иного
Дела мог служить, [2]
Мне ж союзников Толстого
Помоги сразить.

Я надеялся недаром:
В миг решился бой,
Спасовал пред скипидаром
Весь толстовский строй.

---

[1] Смотри статью «Первая ступень в пользу домашних насекомых».
[2] По свидетельству древних писателей, римские щеголихи весьма любили терпентинное масло, придающее запах фиалки таким выделениям организма, которые натурально этого запаха не имеют.

О любимец всемогущий
Знатных римских дам,
Я роман Толстого лучший
За тебя отдам.

От романов сны плохие,
Аромат же твой
Прогоняет силы злые
И дарит покой.

Но покой, увы, не долог.
Вижу, новый враг.
Изо всех щелей и щелок
Повалил прусак.

Ах, и мне воинским жаром
Довелось гореть
И французским скипидаром
Прусаков огреть.

Все погибли смертью жалкой —
Кончилась борьба.
Терпентином и фиалкой
Пахнет вся изба.

3 июня 1892

156. ЭПИТАФИЯ

Владимир Соловьев
Лежит на месте этом.
Сперва был филосо́ф,
А ныне стал шкелетом.
Иным любезен быв,
Он многим был и враг;
Но, без ума любив,
Сам ввергнулся в овраг.
Он душу потерял,
Не говоря о теле:

Ее диавол взял,
Его ж собаки съели.
Прохожий! Научись из этого примера,
Сколь пагубна любовь и сколь полезна вера.

15 июня 1892

157

Не боюся я холеры,
Ибо приняты все меры,
Чтоб от этого недуга
Сбереглась сия округа.
Но болезнию любовной [1]
Я страдаю безусловно,
И не вижу «сильной власти»
Против сей зловредной страсти.
Мой микроб — большого роста,
И хоть я не слишком прост, а
Перед ним умом слабею
И лишь млею, млею, млею.
В диагно́зе нет сомненья,
Нет в прогнозе утешенья:
Неизбежный и печальный,
Ждет меня исход летальный. [2]

Начало сентября 1892

158—159. <*АКРОСТИХИ*>

(Цикл второй: Матрена)

1

Мадонной была для меня ты когда-то:
Алмазною радугой лик твой горел,
Таинственно всё в тебе было и свято,
Рыдал я у ног твоих тысячекрат и
Едва удавиться с тоски не успел,
Но скрылся куда-то твой образ крылатый,
А вместо него я Матрену узрел.

---

[1] En tout bien tout honneur, honni soit qui mal y pense. — Каждому по заслугам, и да будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает (франц.). — *Ред.*

[2] От греческого «λῆθος» или от русского «летать».

2

Майская роза давно уж отпета,
Август... И август исчез.
Только как лысина старого Фета,
Роща твоя так печально раздета,
Елью однсю красуется лес...
Новой природе сочувственно вторя,
Ах, ты Матреною сделалась с горя.

Начало сентября 1892

160. <С. М. МАРТЫНОВОЙ>

«Соловьева в Фиваиде»
Вам списали в лучшем виде
В черную тетрадь.
Я хотел приехать в Сходню,
Чтобы завтрашнему ко дню
Вам ее послать.
Но меня бранили б строго
Вы за то, да и немного
Дней осталось ждать.

Начало сентября 1892

161. <КНЯЗЮ Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВУ>

Увы, мой друг! Крепчайшими цепями
Прикован я к московским берегам.
Жду худшего: сидеть мне в темной яме
И там вздыхать по милым Липягам.

Но если бы и я был на свободе —
Могу ли голым ехать в дальний край?
Сие противно северной природе,
Да и жандарм в земной не верит рай.

А потому, покорствуя судьбине,
Здесь остаюсь покуда недвижим,
Но октября, надеюсь, в половине
Воспользуюсь призывом я твоим.

Осень 1892

162

Вы были для меня, прелестное созданье,
Что для скульпто́ра мрамора кусок,
Но сломан мой резец в усиленном старанье,
А глыбы каменной он одолеть не мог!

Любить Вас tout de même?[1] Вот странная затея!
Когда же кто любил негодный матерьял?
О светлом божестве, любовью пламенея,
О светлом божестве над вами я мечтал.

Теперь утешу Вас! Пигмалионы редки,
Но есть каменотес в примете у меня:
Из мрамора скамью он сделает в беседке
И будет отдыхать от трудового дня.

Март 1893

163

Цвет лица геморройдный,
Волос падает седой,
И грозит мне рок обидный
Преждевременной бедой.
Я на всё, судьба, согласен,
Только плешью не дари:
Голый череп, ах! ужасен,
Что ты там ни говори.
Знаю, безволосых много
Средь святых отцов у нас,
Но ведь мне не та дорога:
В деле святости я — пасс.
Преимуществом фальшивым
Не хочу я щеголять
И к главам мироточивым
Грешный череп причислять.

Поправка

Ах, забыл я, — за святыми
Боборыкина забыл!

---

[1] Все-таки (франц.). — *Ред.*

Позабыл, что гол, как вымя,
Череп оный вечно был.
Впрочем, этим фактом тоже
Обнадежен я, — ибо́
Если не святой я божий,
То ведь и не Пьер Бобо́?

Октябрь 1893

164. <Н. Я. ГРОТУ>

Скоро, скоро, друг мой милый,
Буду выпущен в тираж
И возьму с собой в могилу
Не блистательный багаж.
Много дряни за душою
Я имел на сей земле
И с беспечностью большою
Был нетверд в добре и зле.
Я в себе подобье божье
Непрерывно оскорблял, —
Лишь с общественною ложью
В блуд корыстный не впадал.
А затем, хотя премного
И беспутно я любил,
Никого зато, ей-богу,
Не родил и не убил.
Вот и все мои заслуги,
Все заслуги до одной.
А теперь прощайте, други!
Со святыми упокой!

Начало ноября 1893

165. МЕТЕМПСИХОЗА

Сочинено во время холерных судорог

Подсолнечник желтый
Цветет в огороде,
А сердце открыто
Любви и природе.

В холерное время, —
Недавно здоровый, —
Лежу без движенья,
Зелено-лиловый.

Подсолнечник желтый
Поблек в огороде.

В тревоге родные,
Печальна прислуга,
Пришли издалёка
Два старые друга:

Один пьет как губка,
Другой — сумасшедший,
Но вспомнили оба
О дружбе прошедшей.

Подсолнечник желтый
Увял в огороде, —
И сердце закрылось
Любви и природе.

И в гроб положили.
Снесли на кладби́ще!..
Довольны ль вы, черви,
Присвоенной пищей?

Подсолнечник желтый
Погиб в огороде.

Из праха и тлена
Цветок вырастает,
К забытой могиле
Пчела прилетает ..

Сидит на балконе
Прелестная дева;
Сияет красою
И справа, и слева.

Подсолнечник желтый
Расцвел в огороде.

На блюдечке меду
Приносят той деве.
И вдруг я очнулся
В прелестнейшем зеве!

Но будь он стократно
Прелестен, а всё же
Мое помещенье
С могилою схоже!

И мрачно, и сыро,
И скользко! О горе!..
Но с крошечкой воска
Я выплюнут вскоре!

Подсолнечник желтый
Цветет в огороде.
О счастье, о радость!
Я вновь на свободе.

Вновь сердце открылось
Любви и природе!
Подсолнечник желтый
Цветет в огороде...

Лето 1894

166. <М. С. СОЛОВЬЕВУ>

Жди, аспид, змий и свиния́,
Меня у пру́да ночью звездной,
Хотя в трудах по горло я
И d'inachevé [1] зияет бездна.

Но не изменится мой рок
И d'inachevé не станет делом,
Какую б я из всех дорог
Ни выбрал сердцем охладелым.

[1] Из неоконченного (франц.). — *Ред.*

Любовный пыл совсем остыл,
Лишь в дружбе я ищу опоры,
А потому, о Михаил,
С тобой увидимся мы скоро.

Лето 1894

167. <Н. Я. ГРОТУ И Л. М. ЛОПАТИНУ>

Редакто́ры и друзья!
Вас ругать намерен я.
Сказал мне Радлов, вам знакомый,
Что, духом новшества влекомый,
Ты, Грот, решил Сатурна бег
Ускорить, — дерзкий человек!
Но не удастся и вдвоем
Ноябрь вам сделать октябрем.

Я клянуся сей бумагой
И чернильницею сей:
Вам редакторской отвагой
Не смутить души моей.
Вдохновляемый Минервой,
Отошлю статью вам я
Лишь тогда, как ляжет первый
Снег на финские поля.
Съезжу санною дорогой
По озерам, по река́м,
И тогда на суд ваш строгий,
Лишь тогда статью отдам.

«На берегу пустынных» вод
Мне муза финская явилась:
Я только вежлив был — и вот
Злодейка тройней разродилась.
Иных покуда нет грехов,
Ничто страстей не возбуждает,
И тихий рой невинных снов
Прозрачный сумрак навевает.

Живу, с заботой незнаком,
Без утомленья и усилья,
Питаюсь только молоком,
Как Педро Гомец, «Лев Кастильи».

Годится ли, или негодно —
Кто для меня теперь решит?
Хоть Сайма очень многоводна,
Но про свое лишь говорит.
Кругом собаки, овцы, крысы —
Не вижу су́дей никаких,
Чухонцы, правда, белобрысы,
Но им невнятен русский стих.
Пишу. Глядят в окошки ели,
Морозец серебрит пути...
Стихи, однако, надоели,
Пора и к прозе перейти.

1—3 октября 1894

168. ПРИЗНАНИЕ

Посвящается гг. Страхову, Розанову, Тихомирову и К°

Я был ревнитель правоверия,
И съела бы меня свинья,
Но на границе лицемерия
Поворотил оглобли я.

Душевный опыт и история,
Коль не закроешь ты очей,
Тебя научат, что теория
Не так важна, как жизнь людей,

Что правоверие с безверием
Вспоило то же молоко
И что с холодным лицемерием
Вещать анафемы легко.

Стал либерал такого сорта я,
Таким широким стал мой взгляд,

Что снять ответственность и с черта я,
Ей-богу, был бы очень рад.

Он скверен, с гнусной образиною,
Неисправим — я знаю сам.
Что ж делать с эдакой скотиною?
Пускай идет ко всем чертям!

Октябрь 1894

169. ПОЭТ И ГРАЧИ

Краткая, но грустная история

ОСЕНЬ

По сжатому полю гуляют грачи,
Чего-нибудь ищут себе на харчи.
Гуляю и я, но не ради харчей,
И гордо взираю на скромных грачей...

ЗИМА

Морозная вьюга, в полях нет грачей,
Сижу и пишу я в каморке своей.

ВЕСНА

Ласкается небо к цветущей земле,
Грачи прилетели, а я — на столе.

Октябрь 1894

170. ЭФИОПЫ И БРЕВНО

В стране, где близ ворот потерянного рая
Лес девственный растет,
Где пестрый леопард, зрачками глаз сверкая,
Своей добычи ждет,

Где водится боа, где крокодил опасен
Среди широких рек,
Где дерево, и зверь, и всякий гад прекрасен,
Но гадок человек, —
Ну, словом, где-то там, меж юга и востока,
Теперь или давно,
На улицу села́ с небес, по воле рока,
Упало вдруг бревно...
Бревно то самое, что возле Мамадыша
Крестьянин Вахромей
В пути от кабака, не видя и не слыша,
С телеги стряс своей.
Лежит себе бревно. Народ собрался кучей,
Дивится эфиоп,
И в страхе от беды грозящей, неминучей
Трясет уж их озноб!
Бревно меж тем лежит. Вот в трепете великом
Ничком к нему ползут!
Бревно лежит бревном. И вот, в восторге диком,
Уж гимн ему поют!
«Могучий кроткий бог! Возлюбленный, желанный!»
Жрецы уж тут как тут:
Уж льют на край бревна елей благоуханный,
Коровьим калом трут...[1]
И скоро весть прошла о новом чудном боге,
Окрест по всем страна́м.
Богослуженья чин установился строгий,
Воздвигнут пышный храм.
Из Явы, из Бурмы, Гоа, Джеллалабада
Несут к нему дары.
Бревну такая жизнь, что помирать не надо,
Живет до сей поры!..
Урок из басни сей для всех народов ровный —
Глуп не один дикарь:
В чести большой у нас у всех бывают бревна
Сегодня, как и встарь.

Между 3 и 13 октября 1894

---

[1] Священный обычай у индусов.

171. <Н. Я. ГРОТУ>

О Грот сверхвременный, пещера созерцаний!
Увы! не упразднил ты времени полет.[1]
Как встарь, оно — предмет скорбей и ожиданий,
Без устали бежит и нас с собой влечет.

26 декабря 1894

172. <АВТОПАРОДИЯ>

Нескладных виршей полк за по́лком
Нам шлет Владимир Соловьев,
И зашибает тихомолком
Он гонорар набором слов.

Вотще! Не проживешь стихами,
Хоть как свинья будь плодовит!
Торгуй, несчастный, *сапогами*
И не мечтай, что ты пиит.

Нам всё равно — зима иль лето, —
Но ты стыдись седых волос,
Не жди от старости расцвета
И петь не смей, коль безголос!

Между 14 и 23 апреля 1895

173—175. *<ПАРОДИИ НА РУССКИХ СИМВОЛИСТОВ>*

1

Горизонты вертикальные
В шоколадных небесах,
Как мечты полузеркальные
В лавровишневых лесах.

[1] Это не означает порицания. Статью твою о времени и третью, как вторую, в общем одобряю. Частные возражения сообщу при свидании.

Призрак льдины огнедышащей
В ярком сумраке погас,
И стоит меня не слышащий
Гиацинтовый пегас.

Мандрагоры имманентные
Зашуршали в камышах,
А шершаво-декадентные
Вирши в вянущих ушах.

2

Над зеленым холмом,
Над холмом зеленым,
Нам влюбленным вдвоем,
Нам вдвоем влюбленным
Светит в полдень звезда,
Она в полдень светит,
Хоть никто никогда
Той звезды не заметит.
Но волнистый туман,
Но туман волнистый,
Из лучистых он стран,
Из страны лучистой,
Он скользит между туч,
Над сухой волною,
Неподвижно летуч
И с двойной луною.

3

На небесах горят паникадила,
А снизу — тьма.
Ходила ты к нему иль не ходила?
Скажи сама!

Но не дразни гиену подозренья,
Мышей тоски!
Не то смотри, как леопарды мщенья
Острят клыки!

И не зови сову благоразумья
Ты в эту ночь!
Ослы терпенья и слоны раздумья
Бежали прочь.

Своей судьбы родила крокодила
Ты здесь сама.
Пусть в небесах горят паникадила, —
В могиле — тьма.

Лето — осень 1895

176. <Я. П. ПОЛОНСКОМУ>

С жизнью алмазная свадьба поэта!
Боги — хранители прочных союзов!
Дайте увидеть ему вслед за этой
Свадьбу алмазную с верною музой.

4 декабря 1895

177

Вы — стадо баранов! Печально...
Но вот что гораздо больней:
На стадо баранов — нахально
Набросилось стадо свиней!

1895

178. <М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ>

Михал Матвеич, дорогой!
Пишу Вам из казерны,
Согбен от недуга дугой
И полон всякой скверны.
Забыты сладкие труды
И Вакха, и Киприды;
Давно уж мне твердят зады
Одни геморроиды.
Брега пустынные Невы
Коснеют в скуке дикой,

Виновен в том не я, не вы,
А разве Петр Великий.
В столице ни души живой,
Как бы в степи безводной.
Исчез Делянов молодой
И Ратьков благородный.
В печати трепет и застой
И новостями бедно,
Брошюру и́здал Лев Толстой
О том, что пьянство вредно.
Гуревич Люба гонорар
У Зиночки стянула,
Волынского задел комар,
И он упал со стула.

Июль 1896

179. МИХАИЛУ МАТВЕЕВИЧУ <СТАСЮЛЕВИЧУ>
В ДЕНЬ ЧУДА АРХ⟨АНГЕЛА⟩ МИХАИЛА В ХОНЕХ

Недаром в Хóнех натворил
Чудес Ваш омони́м небесный:
Хоть не архангел Михаил —
Вы также Михаил *чудесный.*

. . . .

Низвергнул он уже давно
Дракона гордого и злого, —
И Вам, я верю, суждено
Низвергнуть Ра́телькова-Рожнова.

. . . .

A suivre[1]

Конец августа 1896

180. <Л. М. ЛОПАТИНУ>

Неврон финляндский, страждущий *невритом,*
Привет свой шлет московскому *неврону*!
Всё бытие земное — что *ни ври там* —
Всё в ре́ку брошено (в реку́ времен) — *не в Рону*!

---

[1] Продолжение следует (франц.). — *Ред.*

Πάντα ῥεῖ

. . . .

И, с каждым годом подбавляя ходу,
Река времен несется всё быстрей,
И, чуя издали и море, и свободу,
Я говорю спокойно: панта рэй!
Но мне грозит Левон неустрашимый —
Субстанций динамических мешок
Свезти к реке и массою незримой
Вдруг запрудить весь Гераклитов ток.
Левон, Левон! Оставь свою затею
И не шути с водою и огнем...
Субстанций нет! Прогнал их Гегель в шею;
Но и без них мы славно заживем!

12 ноября 1896

181

Эти финские малютки
Бесконечно белокуры!
Хоть попробовать для шутки
Им всерьез устроить куры?
От меня седых бы зайцев
Родили они, наверно.
Мяса я не ем, и был бы
Им папаша я примерный.
Пустяки! На белом свете
Проживу без белых финок,
А кому угодно зайцев —
Их зимою полон рынок.

12 ноября 1896

182. <Л. М. ЛОПАТИНУ>

Ты взвел немало небылицы
На друга старого, но ах! —
Такие ветхие мы лица
И близок так могилы прах,
Что вновь воинственное пламя
Души моей уж не зажжет,

И полемическое знамя,
Увы! висит и не встает.
Я слишком стар для игр Арея,
Как и для Вакха я ослаб, —
Заснуть бы мне теперь скорее...
Ах! мне заснуть теперь пора б.
«Феноменизма» я не знаю,
Но если он поможет спать,
Его с восторгом призываю:
Грядем, возлюбленный, в кровать!

1896

183. <НАДПИСЬ НА КНИГЕ «ОПРАВДАНИЕ ДОБРА»>

Явился я на свет под знаком Водолея.
Читатель, не страшись и смело воду пей:
Она — не из меня, ее нашел в скале я,
Из камня истины выходит сей ручей.

1896(?)

184

Уносит всё река времян,
Исчезнут все вельможи;
Победоносцев Дон-Жуан,
Аскет Филиппов — тоже...

И моногамный Муравьев,
И молчаливый Витте,
И сообщительный Хилков, —
Кого ни назовите.

Один несокрушим вовек
Ни смертью, ни фортуной,
Один великий человек:
Делянов — вечно юный.

⟨1897⟩

185. <Л. М. ЛОПАТИНУ>

Левон! ты феноме́н! Российскому акцизу
   Феноменальный ты даешь доход.
Взгляну ли на тебя я сверху или снизу —
   Ты феноме́н... Но феноме́н и Грот!
Мы все фено́мены, всем тварям по закону
   Субстанциями быть запрещено, —
Куда б ни метил ты: в корову иль в ворону, —
   Субстанцию минуешь всё равно.
Итак, Левон, будь тверд, и царскому акцизу
   Потщись доход являемый платить.
Не прыгай слишком вверх и не спускайся книзу:
   Фено́мену субстанцией не быть!

⟨1897⟩

186—187. <*ЭПИГРАММЫ*>

1

Придет к нам, верно, из Лесбо́са
Решенье женского вопроса.

2

Дал вечность Лесбии своей
Катулл, хоть к ней отнесся строго...
Катуллов нет у нас, ей-ей,
Но Лесбий, батюшки, как много!

⟨1897⟩

188

Некогда некто изрек: «Сапоги суть выше Шекспира».
Дабы по слову сему превзойти британца, сапожным
Лев Толстой мастерством занялся, и славы достигнул.
Льзя ли дальше идти, россия́не, в искании славы?
Вящую Репин стяжал, когда: «Сапоги, как такие,
Выше Шекспира, — он рек, — сапоги, уснащенные ваксой,
Выше Толстого». И вот, сосуд с блестящим составом
Взявши, Толстого сапог он начал чистить усердно.

⟨1897⟩

189. ПО ПОВОДУ СТИХОВ МАЙКОВА «У ГРОБНИЦЫ ГРОЗНОГО» И СТИХОВ ФОФАНОВА НА МОГИЛЕ МАЙКОВА

Когда лукавыми словами
Ты злую силу воспевал,
Не мнил ты, Майков, что меж нами
Уже отмститель восставал!

И он пришел к твоей могиле,
И дикий вой раздался вдруг,
И стало тошно адской силе,
И содрогнулся горний круг.

А там в Архангельском соборе
Прошел какой-то странный гул,
И, несказа́нным виршам вторя,
Сам Грозный крикнул: «Караул!»

Начало марта 1897

190. <М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ>

Не болен я и не печален,
Хоть вреден мне клима́т Москвы:
Он чересчур континентален, —
Здесь нет Галерной и Невы.
Ну, насолил же мне Чичерин,
Самодовольный дворянин, —
Всё переврал, как сивый мерин,
Скопец тамбовских Палестин.
Вчера прикончил я злодея.
Украл он месяц трудовой.
За это бьют! И не жалея —
Трах, трах! — и в яму головой!

5 октября 1897

191. <М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ>

Не обманул я Вас, а сам обманут.
Кого я жду — за Альпами пропал!
Надежды скоро Вас увидеть — вянут.
И вот опять я письмописцем стал.

Пишу и Вам, пишу и на квартиру.
А то — за упокой хозяин мой
На проскоми́дии уж подавал просвиру,
Он человек с чувствительной душой.
А между тем себя я сглазил, видно, —
Неделю целую в недуге я морском
Страдал усиленно, — и скучно, и обидно
Стоять весь день над тазом иль горшком.
Упомяну еще и о неврите...
Но мне уж слышится готовый ваш ответ,
Вы не упустите мне возразить: «Не врите!»
Хотя неврит есть факт, вранья тут нет!
Но про болезни слишком уже много!
Помимо них, я полон юных сил.
Дел и проектов столько, что у бога
Сто сорок лет в аванс бы попросил.

Октябрь 1897

192

Отказаться от вина —
В этом страшная вина;
Смелее пейте, христиане,
Не верьте старой обезьяне.

1898

193

Вчера, идя ко сну, я вдруг взглянул в зерца́ло, —
Взглянул и оробел:
И в длинной бороде седых волос немало,
И ус отчасти бел.

Не смерть меня страшит: я, как Кутузов,[1] смело
Обнять ее готов, —
Почто же трепещу пред каждой нитью белой
Презренных сих власов?

---

[1] Под Кутузовым можно разуметь ad libitum (по желанию (лат.). — *Ред.*) покойного фельдмаршала князя Смоленского, а равно нынешнего директора трех банков и певца смерти.

Иль я славянофил? Отнюдь! Но в глас народный
Я верю, как они,
А оный глас — увы! — душе моей свободной
Сулит плохие дни.

«Когда в твоей браде, — я слушаю тревожно, —
Блеснуло серебро,
Душевный мир сберечь тебе уж невозможно:
Ты беса жди в ребро!»

Умолкнул вещий глас. — Тоскою беспредметной,
Как встарь, душа полна.
. . . .
. . . .

. . . .

Не бес один, не пять в моем ребре несчастном,
А легион чертей...
Ужель и мне искать в сем кризисе ужасном
Спасительных свиней?

И вот опять звенит, но не в ушах, а сбоку.
Вот и слова слышны:
«Всего-то отдохнуть тебе мы дали сроку
Одну иль две весны.

А ты уж возомнил, что с тульским архиереем [1]
Сравнялся простотой.
В противном убедить мы средства все имеем...
Любезнейший, постой!»

. . . .

Что дальше слышал я, что увидал в мечтанье,
Во сне что испытал, —
Рассказывать тебе не стану в назиданье:
Ты сущность угадал.

1890-е годы

---

[1] Под тульским архиереем сии лукавые и нечистые твари разумеют покойного преосвященнейшего Никандра, который настолько упростил свое миросозерцание, что у всякой женщины усматривал лишь «обыкновенное женское лицо».

194. <М. А. КАВОСУ>

Дорогой Михал Альбертыч!
    Одержим я страшным гриппом;
Хоть ножом в меня теперь тычь,
    Не явлюсь я с этим хрипом.
А затем, любезный Кавос,
    Ехать мне в Москву пора же...
Я схватил бы за бока вас
    И умчал бы в те паражи,
Где в рубахах Ганимеды
    Угощают всем, что надо,
Где сроднили уж обеды
    С радикалом ретрограда.
Но увы! трактиры те же,
    Да года-то уж иные,
Аппетит приходит реже,
    Чаще снятся сны дурные.
Скрылись дни Аранхуэца,
    Консул Планк давно уж помер.
Не успеешь оглядеться —
    Трах! в тираж попал твой номер.
К Ганимедам бородатым
    Ехать вовсе неохота.
Не кутить теперь — куда там,
    Лишь кончалась бы работа.
Не оставивши потомка,
    Я хочу в потомстве славы,
Объявляю это громко,
    Чуждый гордости лукавой.
Но стянула жизнь у славы
    Десять лет по крайней мере,
Так теперь я должен, право,
    Наверстать сию потерю.
Мысль о пьянстве, о цыганах
    Навсегда я оставляю
И о *внутренних* орга́нах —
    Не трактирных — помышляю.

1890-е годы

195

Когда в свою сухую ниву
Я семя истины приял,
Оно взошло — и торопливо
Я жатву первую собрал.

Не я растил, не я лелеял,
Не я поил его дождем,
Не я над ним прохладой веял
Иль ярким согревал лучом.

О нет! я терном и волчцами
Посев небесный подавлял,
Земных стремлений плевела́ми
Его теснил и заглушал.

196

Старую песню мне сердце поет,
Старые сны предо мной воскресают,
Где-то далёко цветы расцветают,
Голос волшебный звучит и зовет.

Чудная сказка жива предо мной,
В сказку ту снова я верю невольно...
Сердцу так сладко, и сердцу так больно...
На́ душу веет нездешней весной.

197

Что сталось вдруг с тобой? В твоих глазах чудесных
Откуда принесла ты этот дивный свет?
Быть может, он зажжен и не в лучах небесных,
Но на земле, у нас, такого тоже нет...

На что ты так глядишь? Что слушаешь так жадно,
Не видя никого и целый мир забыв?
О чем мечтаешь ты то грустно, то отрадно?
Куда тебя унес неведомый призыв?

Но миг — и свет угас! — привычно и послушно
Вступаешь снова ты в начатый разговор, —
И, будто огонек далекий, равнодушно
Едва мерцает нам твой потускневший взор.

198

Трепетали и таяли звуки
И в безбрежную даль убегали;
Стихли сердца тревожного муки,
Потонув в беспредметной печали!

Эти звуки с собой уносили
Далеко все земные виденья
И рыдали, и тихо просили,
И замолкли в тоскливом волненье.

Ликовали знакомые звуки,
Возвращаясь из сумрачной дали,
За томленье минутной разлуки
Сколько счастья они обещали!

И, нежданные вести встречая,
Сердце в светлые грезы оделось
И, на райский призыв отвечая,
Чистым пламенем ярко зарделось.

199. <ЭПИГРАММА НА К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА>

Сановный блюститель
Духовного здравья,
Ты, рабства, бесправья,
Гонений ревнитель,
Кощей православья!

Исполненный лести,
Коварства и злобы,
Наушник без чести,
Скопец от утробы!
Зачем без нужды себя вновь замарал?
Зачем у старушки ты книгу украл?

Кого обокрал ты?
Не ксендза, не ламу:
Придворную даму!..
И как не пропал ты
От сраму?

Когда в Колывани,
Верны убежденью,
Свершают крещенье
Свое лютеране,
Печать уж заране
Кричит: преступленье!
Всех их в заточенье!
В острог!

Тебе ж комплименты
Строчат рецензенты
За явный подлог.

Крести ты хоть Ригу,
Как крестишь чукчей,
Бурят, лопарей;
Но... крестишь ты книгу
Чужую своей!
Где соль тут? Где перец?
Она — иноверец?
Она — униат?
Иль, мнишь ты, спасенный,
В рай внидет крещенный
Тобой плагиат?

Скажи мне, какой укусил тебя овод?
С какою ты целью?
Иль так, по безделью?
Иль в старости вдруг захотел ты дать повод
Веселью?

И выбрал же время
Ты! В этакий год!
Народ на народ
И племя на племя,
Хлебов недород!

Исполнилась чаша!
Готовится каша:
Политика ваша
Даст плод.

Святитель во фраке!
За подлость и враки
Пусть спят твои мощи
В осиновой роще —
Не в раке,

Они хоть и тощи, —
Не глядя на это,

В голодное лето
В именье у тещи
Их сгложут собаки
В глухом буераке.

1892

200. <ЭПИГРАММА НА В. В. РОЗАНОВА>

Затеплю я свою лампаду
И духом в горних воспарю:
Я не убью, я не укра́ду,
Я не прелюбы сотворю...
. . . .
. . . .
И, в сонме кротких светлых ду́хов,
Я помолюсь за свой народ,
За растворение возду́хов
И за свя-тей-ший пра-ви-тель-ствую-щий Сино-о-о-од!

1890-е годы

201

Я не люблю таких ироний,
Как люди непомерно злы!
Ведь то прогресс, что ныне Кони,
Где прежде были лишь ослы!

1890-е годы

Из Платона

202

На звезды глядишь ты, звезда моя светлая!
О, быть бы мне небом, в широких объятиях
Держать бы тебя и очей мириадами
Тобой любоваться в безмолвном сиянии.

1874

Из Гейне

203. НОЧНОЕ ПЛАВАНИЕ

Из «Романцеро»

Вздымалося море, луна из-за туч
   Уныло гляделась в волне.
От берега тихо отчалил наш челн,
   И было нас трое в челне.

Стройна, недвижима, как бледная тень,
   Пред нами стояла она.
На образ волшебный серебряный блеск
   Порою кидала луна.

Тоскливо и мерно удары весла
Звучали в ночной тишине.
Сходилися волны, и тайную речь
Волна говорила волне.

Вот сдвинулись тучи толпой, и луна
Сокрыла свой плачущий лик.
Повеяло холодом... Вдруг в вышине
Пронесся пронзительный крик.

То белая чайка морская, — как тень,
Над нами мелькнула она,
И вздрогнули все мы, — тот крик нам грозил,
Как призрак зловещего сна.

Не брежу ли я? Иль то ночи обман
Так злобно играет со мной?
Ни въявь, ни во сне — и страшит, и манит
Создание мысли больной.

Мне чудится, будто — посланник небес —
Все страсти, все скорби людей,
Всё горе и муки, всю злобу веков
В груди заключил я своей.

В неволе, в тяжелых цепях Красота,
Но час избавленья проби́л.
Страдалица, слушай: люблю я тебя,
Люблю и от века любил.

Любовью нездешней люблю я тебя.
Тебе я свободу принес,
Свободу от зла, от позора и мук,
Свободу от крови и слез.

Страдалица, горек любви моей дар,
Он — смерть для стихии земной,
Лишь в смерти спасение падших богов.
Умрешь и воскреснешь со мной.

Безумная греза, болезненный бред!
Кругом только мгла да туман.
Волнуется море, и ветер ревет...
Всё призрак, всё ложь и обман!

Но что это? Боже, спаси ты меня!
О, боже великий, Шаддай!
Качнулся челнок, и всплеснула волна...
Шаддай! о, Шаддай, Адонай!

Уж солнце всходило, по зыби морской
Играя пурпурным лучом.
И к пристани тихо причалил наш челн.
Мы на берег вышли *вдвоем*.

Июль 1874
Нескучное

204

Коль обманулся ты в любви,
Скорей опять влюбись,
А лучше — посох свой возьми
И странствовать пустись.

Увидишь горы и моря, —
И новый быт людей
Волною шумною зальет
Огонь любви твоей.

Орла услышишь мощный крик
Высоко в небесах
И позабудешь о своих
Ребяческих скорбях.

Июнь 1875

205. УМНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Цветы мы и любим —
И мы же их губим.
В том сами они виноваты:
Растут у дороги,
Суются под нóги —
За то и бывают измяты.
В глубоком просторе
Индейского моря
Немало жемчужин таится;
Зарыты далёко, —
Всё ж зоркое око
Людское не даст им укрыться.
Их сетью поймают,
Им сердце пронзают
И вяжут их нитью шелкóвой.
Томиться в неволе —
Их горькая доля:
Хоть нити, а те же оковы!
Всех звезды умнее:
Вверху пламенея,
На землю глядят без тревоги.
Лампады вселенной,
В красе неизменной
Блаженны и вечны, как боги.

11 сентября 1878

206. ЯКОБЫ ИЗ ГЕЙНЕ

Как из пены волн рожденная,
Вся красой просветлена,
Ты — невеста обрученная,
Ты чужому отдана.

Сердце, сердце всескорбящее,
Не ропщи ты на обман!
Всё снесешь с любовью вящею,
Чистокровнейший болван!

10 мая 1889

Уж солнца круг, краснея и пылая,
К земле спускался, и в пурпурном свете
Цветы, деревья и поток далекий
Безмолвно и недвижимо стояли.
«Смотри, смотри! — воскликнула Мария, —
Как плавает то золотое око
В волнах лазурных!» — «Тише, бедный друг!» —
Сказал я ей — и чудное движенье
Увидел я в дрожащем полусвете.
Там образы туманные вставали,
Сплетаясь бледными, прозрачными руками;
С тоскою нежною глядели там фиалки,
И лилия над лилией склонялась;
И розы, и гвоздики трепетали
И пламенели в жарком наслажденье;
Цветы все плавали в блаженном аромате
И слезы тихого восторга проливали,
И восклицали все: любовь, любовь!
Порхали бабочки, и песню эльфов
Жужжали тонко светлые жуки.
Вечерний ветер шелестел, шумели
Дубы, и заливался соловей.
И в этом шуме, шепоте и пенье
Беззвучно, холодно и тускло раздавалась
Речь дикая моей подруги бедной:
«Я знаю, что творится по ночам
Там в замке — этот длинный призрак
Не зол — он кланяется только и кивает
На всё, что ни скажи ему, — тот синий —
Он ангел! но зато вот этот красный,
С мечом блестящим, — твой смертельный враг».
И много странных и чудесных слов
Спешила насказать она и села,
Усталая, на мшистую скамью,
Под старым, широковетвистым дубом.

И там сидели мы, задумчиво и тихо,
Смотрели друг на друга, и печаль
В нас всё сильнее становилась.
Предсмертным вздохом шелестел нам дуб,

И соловей мучительно так пел,
Но красные лучи прошли сквозь листья,
Марии бледный облик озарили
И очи неподвижные зажгли,
И прежним сладким голосом сказала
Она мне: «Как ты знал, что я несчастна?
В твоих стихах об этом я прочла».

Мороз сжал сердце мне, я ужаснулся
Безумью моему, перед которым
Грядущее явилося так ясно.
Мой мозг сотрясся, вдруг всё потемнело,
И в ужасе я пробудился.

208

Трубят голубые гусары,
Въезжают, пыля и звеня,
И завтра, наверно, покинет
Моя дорогая меня.

Пусть завтра меня ты покинешь,
Сегодня еще ты моя,
И в этих объятьях прелестных
Вдвойне наслаждаюся я.

Из Шиллера

209

Колеблется воля людей, что волна,
Но есть неизменная воля святая!
Превыше времен и пространства — одна
Красою сияет идея живая.
И в бурном волненье один недвижим,
Дух вечный всё движет покоем своим.

25 сентября 1877

Дж. Б. Строцци и Микеланджело

210—211. *ЭПИГРАММЫ*

1

ЭПИГРАММА ДЖ. Б. СТРОЦЦИ
НА СТАТУЮ «НОЧЬ» МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО

Ты Ночь здесь видишь в сладостном покое.
Из камня Ангелом изваяна она,
И если спит, то жизнию полна:
Лишь разбуди, — заговорит с тобою!

2

ОТВЕТ МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО

Мне сладок сон, и слаще камнем быть!
Во времена позора и паденья
Не слышать, не глядеть — одно спасенье...
Умолкни, чтоб меня не разбудить.

Лето 1883

Из Петрарки

212. ХВАЛЫ И МОЛЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЕ

1

В солнце одетая, звездно-венчанная,
Солнцем Превышним любимая Дева!
Свет его вечный в себе ты сокрыла.
Немощным звукам земного напева
Как вознестись к тебе, богом желанная!
Дай же, молю, мне небесные крыла,
Ты, что вовеки свой слух не закрыла
    Верного сердца мольбам,
Но, милосердная к тайным скорбям,
С помощью тайной всегда нисходила.

Жизни темница томит меня тесная,
Дай же прибежище сердцу больному,
Праху земному,
Царица небесная!

2

В девах премудрых ты ярко светящая!
Чистым елеем огонь твой нетленный
Вечно горит и не знает затмения.
Ты всем гонимым покров неизменный,
В смертном боренье ты знамя спасения!
Щит всех скорбящих ты, всескорбящая!
Страсти безумной злое горение
Да утолится тобою!
С неизреченной тоскою
Видела ты неземные мучения.
Ими спасенный, зачем я страдаю?
Мною владеет враг побежденный!
Мыслью смущенной
К тебе прибегаю.

3

Всенепорочная, Дева пречистая,
Слова предвечного мать и создание!
Слава земной и небесной природы!
Сын твой и вышнего бога сияние, —
О, бесконечности око лучистое!
В веки последние, в тяжкие годы
Пристань спасенья, начало свободы
Нам чрез тебя даровал.
Он одну между всеми избрал,
Он в тебе возлюбил и грядущие роды.
О, открой милосердия двери,
Всеблагодатная, к жизни нетленной
Душе смиренной
В любви и вере.

4

О всесвятая, благословенная,
Лествица чудная, к небу ведущая!
С неба ко мне приклони свои очи!
Воду живую, в вечность текущую,
Ты нам дала, голубица смиренная,
Ты солнце правды во мрак нашей ночи
Вновь возвела, мать, невеста и дочерь,
Дева всеславная,
Миродержавная
И тайнница божьих советов!
Проведи ты меня сквозь земные туманы
В горние страны,
В отчизну светов!

5

Дева единая меж земнородными,
Небо пленила ты чистой красою.
В цепи златой ты звено неразрывное,
Зла не касаяся волей святою,
Думами ясными, богу угодными,
Храмом живым его стала ты, дивная!
Скорбь моя тяжкая, скорбь непрерывная
Светлою радостью вся расцветет,
Если молитва твоя низведет
В сердца пустыню небес изобилие.
В духе смиренном склонив колена,
У всепобедной прошу защиты.
Цепь разорви ты
Земного плена.

6

Светлая Дева, вовек неизменная,
В плаванье бурном звезда путеводная,
Кормчий надежный в годину ненастную!
Знаешь ты скалы и камни подводные,
Видишь блужданья мои безысходные.
Долго боролась душа, удрученная
Долей враждебною, волею страстною;

Сердце измучено битвой напрасною.
Немощь мою ты от вражьего плена избавь,
Челн погибающий в пристань направь!
Он уж, разбитый, не спорит с грозою ужасной.
Усмири же ты темное, бурное море,
Злобу и горе
Кротостью ясной!

7

Лилия чистая среди наших терний,
В мрачной пучине жемчужина ясная,
В пламени злом купина не горящая,
В общем потопе ладья безопасная,
Облако светлое, мглою вечерней
Божьим избранникам ярко блестящее,
Радуга, небо с землею мирящая,
Божьих заветов ковчег неизменный,
Манны небесной фиал драгоценный,
Высь неприступная, бога носящая!
Дольный наш мир осени лучезарным покровом,
Свыше ты осененная,
Вся озаренная
Светом и словом!

Лето 1883

Из Гафиза

213

Всех, кто здесь в любовь не верит,
Я зову к моей могиле!
Милой имя назовите
И дивитесь тайной силе:
Стоном жалобным ответит
Сердце бедное в могиле.

Лето 1885

214

Что деревья вихорь бурный
С корнем вырывает,
То не диво — так от века
На земле бывает.
Но каким же это чудом,
Как это случилось,
Что меня твоих прекрасных,
Сладкозвучных, тихих, ясных
Уст дыханье убивает?

Лето 1885

215

В мрачной келье замкнул я все думы свои,
Я старался быть твердым, как камень;
Виноват ли я в том, что из камня — любви
Вдруг явились и искры, и пламень?

Лето 1885

216

Если б ведал ум, как сладко
Жить сердцам в плену кудрей,
Поспешил бы он, конечно,
Сам с ума сойти скорей.

Лето 1885

217

Для меня вопрос мудреный
И труднейшая задача —
Это стан моей Зулейки,
Ибо он так дивно тонок,
Что его считать я должен
За чистейшее ничто, —
И однако ж он есть нечто:

Бытие с небытием
Здесь сливаются в единстве
Осязательно простом,
А рассудок побежденный
Умолкает со стыдом.

Лето 1885

218

Языков так много, много!
И во всех звучит одно:
По-ромейски, по-фарсийски —
Верь в любовь и пей вино!

Лето 1885

219

Не мани меня ты, шейх,
    Четками напрасно!
Для Гафиза твои сети
    Ныне безопасны.
Он попал внезапно в секту
    Злых еретиков,
        Опьяненных
        И влюбленных
    В розу соловьев.

Лето 1885

220

От улыбки твоей благодатной
Роз кустарник расцвел ароматный,
А любви моей взоры горят
В ярком пурпуре этих гранат.

Лето 1885

221

Горькой мудростью людскою
Я довольно насладился!
Если б не трактирщик старый,
Я б и с жизнию простился.

Лето 1885

222

Воды, шумящие волны, — потоп угрожает!
Мудро в ковчеге себя сберегли вы —
В погребе винном. сидит там с сынами
Пра́отец наш, Га́физ благочестивый.

Здравствуй, о здравствуй, Ной нашего века!
Ты не отверг ни единой скотины, —
Только педант да ханжа нечестивый
Гибнут упрямо средь водной пучины.

Лето 1885

223

Зачем ты пьешь? я знать желаю!
Скажу зачем. я зол и горд,
И в море пьянства выезжаю,
Чтоб зло всё выбросить за борт.

Лето 1885

Из Мицкевича

224. НА МОТИВ ИЗ МИЦКЕВИЧА

Пускай нам разлуку судьба присудила, —
Зачем умножать неизбежные муки?
О друг, если сердце любить не забыло,
Ты в час расставанья молчи о разлуке!

Отдать не хочу я враждующей силе
Блаженства последних крылатых мгновений,
Чтоб мог схоронить в одинокой могиле
Я память любви без тоски и сомнений,

Чтоб грезить я мог до скончания света
Про нежные ласки, про ясные очи,
Пока не сойдешь ты, в сиянье одета,
Меня пробудить от томительной ночи.

1885

Из Прерадовича

225. МОЯ ЛАДЬЯ

Плыви, плыви, моя ладья,
Плыви куда-нибудь!
Не знаю я, где цель твоя, —
Ты цель себе добудь.

Коль так далёко занесла
Тебя судьбины мочь —
Вот парус твой и два весла:
Плыви и день и ночь!

Во власть ветров себя отдай,
На волю бурных волн,
Гляди вперед, не унывай,
И к небу стяг, мой челн!

1886

Из Данте

226—227. ИЗ «VITA NUOVA»[1]

Посв⟨ящается⟩ М. С. Соловьеву

1

Всё в мыслях у меня мгновенно замирает,
О радость светлая, завижу лишь тебя!
Приблизиться хочу — любовь меня пугает
И говорит: беги! или умри, любя!

С туманом борются темнеющие взгляды...
Что в сердце у меня — ты на лице прочтешь.
И камни самые спасительной ограды
Под трепетной рукой кричат: беги — умрешь!

Ты видела меня, и взор твой молчаливый
Душа убитая в гробу своем звала.
Луч жалости один, луч жалости стыдливой, —

И, вновь воскреснувши, она бы расцвела;
Но, смерть свою любя, с надеждой боязливой
Она вотще твой взор молила и ждала.

1886

2

Полны мои мысли любовью одною,
Но друг против друга враждуют упорно;
Та молвит: любви ты отдайся покорно,
А эта: любовь лишь играет тобою.

Одна разрывает всю душу тоскою,
Другая мне сладость несет упованья, —
Вдруг сходятся вместе в тревожном желанье
И в сердце трепещут пугливой мольбою.

---

[1] Новая жизнь (итал.). — *Ред.*

Склоняется разум пред волею пленной,
Сказать бы хотел, и, что молвить, не знаю,
И так на распутье блуждаю в смятенье...

Одним, лишь одним примирю все сомненья:
Прибегнув к тому, чем так долго страдаю, —
К той тайне грозящей с мольбой дерзновенной.

1886 (?)

Из Вергилия

228. ПОЛЛИОН

Четвертая эклога Вергилия

Музы Сицилии! Песнь теперь мы начнем поважнее.
Радуют сердце не всем кустарник и низкие травы.
Петь нам леса, — пусть леса достойны консула будут.
Возраст последний уже настал по кумейским вещаньям.
Новых великих веков чреда зарождается ныне.
Вот уж и Дева грядет, грядет и Сатурново царство.
Новое племя уже с небес посылается горних.
Ты же к младенцу тому, с кем железный век прекратится,
С кем для мира всего взойдут времена золотые,
Чистая, ласкова будь, Люцина́: твой Феб уже правит.
Оного века краса при тебе, Поллион, зародится.
Консульство у́зрит твое начатки времен величайших,
И хоть еще при тебе следы греха рокового
Будут у нас, но вотще: мы вечного страха избудем.
Жизнь богов восприняв, он вместе с богами увидит
Всех героев земли, и сам будет зрим между ними.
Мир примирив, воцарит он отчую силу над миром.
Первым, младенец, тебе земля незатейливым даром
Стелет вьющийся плющ и с ним ползучие травы,
Дальше — блестящий аканф вперемежку с розой индийской.
Козы домой понесут сосцы, растяженные млеком,
Сами: чудовищных львов стада бояться не будут.

Сами собою цветы дадут тебе мягкое ложе.
Сгинет и змей, а за ним и зелье лукавое сгинет,
И ассирийский амом рождаться станет повсюду.
Только что ты о делах отца и про славу героев
Станешь читать и начнешь постигать, в чем доблести сила, —
И понемногу поля зажелтеют колосом мягким,
И на диких лозах повиснут багряные грозды,
Твердый же дуб источать росу медвяную станет.
Но не совсем пропадут создания древней обиды.
Нужно будет еще Фетиду пытать кораблями,
Грады стеной окружать, бороздами взрезывать землю.
Явится Тифис другой, и снова героев избранных
Арго другой повезет, и войны те ж повторятся,
И вторично пошлют Ахилла великого к Трое.
Но лишь мужем тебя окрепший соделает возраст,
С моря исчезнет пловец, и сосне корабельной товаров
Уж не менять: вся земля давать всем поровну будет;
Почвы не тронет кирка, и нож лозы не коснется.
Пахарь дородный тогда волов избавит от ига.
Больше не будут уж нас обманывать краской искусной
Ткани, но сами в лугах овны окрашивать будут
Пурпуром нежным руно иль ярким цветом шафрана.
Сам собою сандикс пасущихся агнцев оденет.
Вот какие века соткут на своих веретенах
С волею вышних судеб неизменно согласные Парки.
К почестям ты приступи, — настало уж время, — к великим,
Отпрыск богов дорогой, великий Зевса питомец!
Узришь ныне сей мир, что движется тяжестью круглой
Земли, пучины морей и неба глубокого своды, —
Узришь, чтоб радостью всё грядущий век повстречало.
О, если б мне сохранить остаток жизни и силы
Духа довольно, чтоб мог твои возвестить я деянья!
В песнях тогда бы меня ни фракийцу Орфею, ни Лину
Не победить, хотя б им отец и мать помогали:
Каллиопея тому, а этому — Феб светозарный.
Пан пред Аркадией всей когда бы со мной состязался,
Пан пред Аркадией всей признал бы себя побежденным.
Ныне, младенец, начни улыбкой приветствовать матерь.
Десять уж месяцев ей, сменяясь, труда не меняли.

Ныне начни ты: кого не встречали родители лаской,
Тот ни трапезы богов, ни ложа богинь не достоин.

Лето 1887

Примечание. Эта эклога, которая кажется загадочною даже скептическому историку Гиббону, содействовала обращению Константина Великого в христианство и сделала из Вергилия почти святого в глазах средневековых христиан. Общий смысл стихотворения ясен. Объединение тогдашнего исторического мира в империи Августа вызвало в поэте ожидание еще более великого переворота — наступления золотого века, или Сатурнова царства с возвращением на землю девы Астреи, богини правды и мира. Знакомство Вергилия с мессианскими пророчествами евреев не представляет ничего невозможного. Загадочным остается только отношение всех этих грандиозных предсказаний к тому действительному римскому младенцу (был ли это сын консула Поллиона, или кого-либо другого), с которым связано это стихотворение. Сначала мой перевод был более свободным и легким, но покойный А. А. Фет настойчиво советовал мне держаться подлинника, по возможности с буквальною точностью, и ввиду *исторического* значения четвертой эклоги я решился последовать этому совету.

Из Лонгфелло

229

Всё память возвратить готова:
Места и лица, день и час, —
Одно лишь не вернется снова,
Одно, что дорого для нас.

Всё внешнее опять пред нами,
Себя лишь нам не воскресить
И с обновленными струнами
Душевный строй не согласить.

⟨1891⟩

Из Теннисона

230

Памяти О. Н. Смирновой

Когда, весь черный и немой,
Нисходит час желанных снов,
Ты не зови меня домой,
Безмолвный голос мертвецов!
О, не зови меня туда,
Где свет дневной так одинок.
Вон за звездой зажглась звезда,
Их путь безбрежен и высок:
Туда — в сверкающий поток,
В заветный час последних снов
Влеки меня, безмолвный зов.

1893

ШУТОЧНЫЕ ПЬЕСЫ

231. АЛЬСИМ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Альсим — молодой поэт.
Элеонора — трапезундская дева.
Сатана.
Профессор.
Слуга.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Сатана и Профессор.

Сатана

Хозяев нет! Вы, впрочем, не смущайтесь!
Я в этом доме как в своем.
Спокойно здесь располагайтесь —
Мы побеседуем вдвоем.

Профессор

Я очень рад, любезный Сатана!
Мне есть до вас серьезнейшее дело:
Им вся душа моя теперь полна,
И не одна душа, но даже тело.

Сатана

А, вот и прекрасно! Я сам только что собирался просить вас оказать мне маленькую услугу.

Сторонник я взаимных одолжений,
Или эквивалентов, так сказать,
А потому прошу без замедлений
Мне ваше дело рассказать.

Профессор

Замыслив совершить полезную аферу,
Я дом свой каменный продáл.
Чтоб пошлин не платить чрез меру,
Фиктивную я цену показал.
Дом стоил пятьдесят семь тысяч с половиной,
А в купчей я вписал лишь двадцать пять.
Злодей мой покупщик с довольной миной
Мне поспешил их тотчас же отдать.
«А остальные, — я спросил, — когда же?»
Тот изумился вдруг и начал уверять,
Что никогда он и не думал даже
Мне больше двадцати пяти давать...
Тут для меня вселенная сокрылась...
Печальный флер подернул небеса,
Каким-то дымом вся земля покрылась,
Исчезли реки, горы и леса.
Что быть могло, что было, есть и будет —
Слилося всё в бессмысленный хаос...
Ах! скорбный дух вовеки не забудет,
Что в этот страшный миг он перенес.
Мне стало всё равно, страдать иль наслаждаться,
Гореть враждой иль пламенно любить,
Владеть ли истиной иль только заблуждаться,
Быть битым или самому всех бить;
Как будто звон какой-то погребальный
Наполнил сердце бедное мое...
Ах, боже мой! как потекло печально
Мое досель счастливое житье!
Жена скорбит, малютки приуныли,
В прислуге дух анархии возник,
В моей душе страдания открыли
Неиссякаемый и горестный родник.
Помыслить не могу я о минуте счастья,
Покуда денег всех не получу сполна —
А получить мне их без твоего участья
Надежды нет, любезный Сатана!

Так помоги же мне, тебя я заклинаю
Всем сущим на земле, в водах и в небеси,
Всем, что известно мне, и всем, чего не знаю:
О Сатана, помилуй и спаси!

(Падает на колено.)

Сатана

(поднимая его)

Охотно вам я помощь окажу,
Тем более, что, другу помогая,
Я и себе тем самым услужу...

Профессор

О, говорите! Я томлюсь и замираю.

Сатана

Видите ли что, любезный мой профессор! Оказать вам прямую денежную помощь для меня невозможно — я и сам живу долгами. Но вы можете получить всё, чего пожелаете, и гораздо больше, если только захотите воспользоваться страстными чувствами, которые вы успели внушить хозяйке этого дома; а я берусь быть между вами посредником.

Профессор

Вы говорите про господина!.. то есть, я хочу сказать, про госпожу Элеонору? Но она видела меня только мельком, когда я приезжал встречать вас на вокзал Курской железной дороги.

Сатана

Да! Но для ее пламенной южной натуры одного взгляда было достаточно, чтобы вспыхнуть, как пороховой ящик, и меня удивляет только, как она не взлетела на воздух. Надеюсь, что она произвела на вас благоприятное впечатление?

Профессор

Как вам сказать? Мне показалось, что у ней вот здесь что-то вроде бороды.

Сатана

О, это ничего, это трапезундская мода, в Москве она будет бриться. Но дело не в этом! Важно то, что она

единственная наследница одного трапезундского банкира, у которого 11 миллионов капитала и сверх того богатейшие алмазные копи, а с предметом своей страсти она готова поделиться всем своим богатством, разумеется если эта страсть будет разделена.

Профессор

О дорогой мой, бесценнейший господин Сатана! Знаете ли вы, что с самого нежного возраста я люблю только мужественных женщин — женственные женщины всегда были мне только противны. Бессмысленное различие между женщиной и мужчиной возмущает меня до глубины души. Я думаю, что все беспорядки в мире происходят именно от этого. Моей любимейшей героиней во всемирной истории сделалась Орлеанская девственница после того, как новейшие историко-медицинские исследования показали, что она была...

Сатана

Оставим пока о новейших историко-медицинских исследованиях. Мне сейчас пришло в голову одно затруднение — ведь вы женаты?

Профессор

О, это ничего не значит. Это легко устранить!

Сатана

То есть так?

(Дотрагиваясь до своего горла.)

Браво!

Профессор

Господин Сатана! Вы меня оскорбляете! Чтобы я, поклонник категорического императива, я, который из нравственного принципа не беру с своих должников более сорока процентов в месяц, чтобы я решился устранить жену свою преступным способом! Никогда! Хоть бы погибла вселенная! Вот мой девиз.

Сатана

Но если не преступным, то каким же другим способом устраните вы ее, любезный профессор?

Профессор

Способом *экономическим.*

Сатана

Это что такое?

Профессор

Через сокращение питания. Сначала буду давать ей половину обыкновенного обеда, потом четверть, потом $^1/_8$, $^1/_{16}$, $^1/_{32}$ и т. д. По моему расчету, когда дойдет до $^1/_{2048}$ обыкновенного обеда, она благополучно скончается сама собой, оставляя меня и свободным, и невинным, ибо экономия законом не воспрещается.

Сатана

Вот и отлично! Значит, по рукам! Часа через два заходите сюда еще, чтобы увидеть прекрасную Элеонору. Я тоже приду. До скорого свиданья, почтеннейший.

Профессор

До свидания, мой драгоценный Сатана! Бесконечно вам обязан. Да вознаградит вас нравственный закон!

(Уходит.)

Сатана

Вот так ловкая штука! Зараз двух зайцев поймал. Эта ученая селедка уморит свою жену экономическим способом и через то окончательно попадет в мои лапы, и вместе с тем, связавшись с трапезундским козлом в юбке, доведет несчастного Альсима до какой-нибудь пакости, а мне именно это и нужно, а то иначе он, пожалуй, ускользнет от меня. Хоть есть у меня на него документ — договор, подписанный кровью, ну, да ведь это одно только суеверие. Кто же в наш просвещенный век допускает такие глупости!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Кабинет Альсима в Москве.

Альсим

Исполнились мечтания
О бракосочетании!
О жизнь!.. Существование!..
Любовь!.. Очарование!..
Блаженствуй, о Альсим!

(После паузы)

Сбылося всё, чего душа искала,
Сбылося всё, о чем мой ум гадал,
Сбылося всё, что сердцу указала
Святая вера в вечный идеал.
Да! это так! Сбылись мечты поэта,
И жизни новый свет мне заблистал.
Я сам — досель блуждавшая комета,
Звездою неподвижной стал.
Мой челн у брега: на скалу я
Уж не наткнусь теперь вовек.
Волшебный миг немого поцелуя
Мне показал, что значит человек!

Человек
(показываясь в дверях)

Чего изволите?

Альсим

Кто тебя спрашивал? Ступай к черту!

Человек

Чего ходить-то? Сам ведь обещался зайти, нешто не слыхали?

Альсим

Что говорит этот невежа?

Человек

Вы бы, сударь, вместо того чтобы зря ругаться, да с чертями дружбу водить, кругом себя хорошенько б поглядели: на что это похоже?

Альсим

Что такое?

Человек

Про супругу говорю. Разве такие барыни бывают! Я вам хоть по пальцам доложу. Первое — насчет табаку. Известно, ежели барыня хочет курить — кури папироску, цигарку кури, ну, а чтобы барыня тютюн из трубки целый день тянула, так этого, к примеру, ежели по всей империи искать, так не найдешь! Второе — водка. Я против водки — ничего! Потому напиток настоящий — как есть в самую пропорцию. Только всякий свою деликатность в размерах должен соблюдать, потому как всякое создание стоит в своем определении. Ежели, к примеру, соседский кучер Обдул пьет штоф, я штофа пить не буду; я выпью полштофа, потому как я в своем звании лакей и должность имею, чтобы, то есть, стоять на тонкой линии. Ну, а барыня должна пить рюмками, потому как она есть дамского сложения...

Альсим

Умолкни, чернь непросвещенная и презираемая мной!

Человек

Это точно, мы из Черни — Чернского, то есть, уезда, ну, а насчет просвещения, хотя грамоты не сподобились, а всё же довольно хорошо можем понимать, что барыне с рыжей бородой ходить не резон!

Альсим

Вон!

(Выталкивает его. После паузы)

Однако грубый сей простолюдин
Смутил мое очарованье,
Чтоб возвратить его, мне способ лишь один,
И способ сей — воспоминанье!

(Прохаживается по комнате.)

С Трапезунда к Таганрогу
Незабвенный переезд!
Месяц освещал дорогу
Посреди мильона звезд.

Волны черные кипели,
Воздымалися валы,
А над морем чайки пели
И слеталися орлы.
Пароход летел, как птица,
Я на палубе стоял
И души моей царицу
Нежной дланью обнимал.
Трапезунд исчез в тумане...
Вдруг рассеялся туман.
Руку спрятавши в кармане,
Подошел к нам капитан.
«Где Ваш пачпорт?» — Я ответил,
Шляпу сняв: «У Сатаны!»
Он же с дерзостью заметил:
«Вы рассудка лишены!»
Но, взглянув на Леонору,
Замолчал и прочь пошел
И, в свою залезши нору,
В сне спокойствие нашел.

Элеонора тоже ушла в каюту. Я же не смог спать. Я продолжал стоять на палубе, всматриваясь в фосфоресцировавшее море. И — странное дело! длинная осенняя ночь пролетела, как полчаса! Эта непонятная быстрота так удивила меня, что на другое утро я решился спросить о ее причинах у капитана, несмотря на его вчерашнюю невежливость. Впрочем, на этот раз он оказался далеко не свирепым и на мой вопрос грустно, но учтиво ответил: «И вы не знаете этого, молодой человек? А между тем это явление коренится в самой натуре вещей. Ведь мы на море, и натурально, что течение морских волн, присоединяясь к течению времени, производит его ускорение; и это, разумеется, только ночью, потому что днем лучи солнца, расширяющиеся от теплоты, парализуют применение этого закона». Сказав это, капитан удалился, оставив меня в величайшем смущении. Я проклял классицизм филологии, который выбил из головы моей даже столь элементарные истины физической науки. Но вот вошла Элеонора, и радости любви заставили меня забыть мою неудачу на поприще науки. Впрочем, вследствие начавшейся качки и других неудобств, мое блажен-

ство было неполно. Но когда мы вышли на берег, тогда... скромность заставляет меня умолкнуть. В глубине моего сердца должен я заключить восторженные порывы моей души. Но здесь, подобно разгоряченным парам, сдавленным стенками парового котла, мои страстные чувства получают силу неодолимую. Я пламенею... Я задыхаюсь.

Элеонора — да! моя Элеонора!
Она во мне, я в ней — и это не во сне!
О, дайте мне воды, воды, иль очень скоро
Я весь сгорю на собственном огне.

(Кричит)

Скорей, скорей воды!

Показывается Сатана, держа в одной руке ведро и лом, а в другой графин с водой.

Сатана

Пожар иль жажда? То иль это?
Огня, однако, не видать,
И потому я без ответа
Могу спокойно наливать.

(Наливает из графина воды в стакан и подносит Альсиму.)

Испить воды полезно и приятно,
Тебе ж служить и в этом я готов.

(Про себя)

Хоть я совсем не зол, но все-таки занятно
Дурачить эдаких скотов.

(Исчезает.)

Альсим

(выпивает понемногу воду, бросает стакан на пол и в ужасе говорит)

В воде сей яд, отравлен сей напиток:
Лишь только я хлебнул — сомненья родились
И, будто некий мрачный свиток,
Перед душою развились.

(После продолжительной паузы, во время которой различными телодвижениями изображает свои душевные волнения.)

Не борода меня смущает и тревожит...
Что борода? Волос случайный агрегат!
Нет, что мой ум гнетет, что сердце рвет и гложет,
Что гонит сон от глаз, когда все люди спят,
Так это нрав ее презрительный и злобный,
Наклонность бить, и бить по пустякам.
Кто б думать мог, что с красотой подобной
Совместна страсть к ударам и пинкам!?

(Закрывает лицо руками, затем, став на колени перед образом, произносит следующую молитву)

Морфей, о сладкий бог, в пуховые объятья
Скорей меня приняв, свой тихий сон пошли
И раны все мои, без всякого изъятья,
Забвенья пластырем покрой и исцели.

Входит Элеонора.

Элеонора

Он только спать умеет, поросенок необразованный. Боги Трапезундские! За что вы меня обманули? Я просила у вас мужчину, а вы мне дали тряпку. Даже и мой новый знакомый профессор, и тот не в пример приятнее. Хоть рожа у него кислая и фигурой он на засохшую селедку похож, да зато хотя солидность есть, говорит внушительно, ну, а этот Альсимка, я уж не знаю, чем только прельстил меня. Разве тем, что у меня борода, а у него нету? А кроме этого в нем ничего не найдешь. И зачем это Сатане его душа понадобилась? Впрочем, в аду и такие годятся: там ими улицу мостят заместо булыжника. Да мне-то каково жить с ним до тех пор! Просто тоска! Хоть спеть что-нибудь, с горя.

(Поет)

Ах, почто за меч воинственный
Я мой посох отдала
И тобою, дуб таинственный,
Очарована была!

Альсим

(просыпается)

Какая песнь? Обидные слова!
Ты не меня ли дубом называешь?

Элеонора

Тебя, баран, баранья голова,
А что за сим — тотчас же ты узнаешь!

(Бьет его.)

Альсим

Бей меня, о жестокая, но не забывай моего имени! Меня зовут Альсим, Альсим, а не Зосим.

Элеонора

Какой Зосим? Что ты мелешь такое, мельница без муки?

Альсим

Как? Разве ты не сказала: «А что, Зосим, тотчас же ты узнаешь»?

Элеонора

О, чурка бестолковая!

(Бьет его.)

Входят Сатана и Профессор.

Профессор

Обуздываете супруга? Превосходно! Свобода и порядок прежде всего! Таков мой девиз. Вы применяете его вполне и при том следуя великому принципу разделения труда: свобода для вас, порядок для него. Одобряю вполне. Вы достойны быть m-me Роллан будущей умеренной республики в России!

Элеонора

Чрезвычайно вам признательна
Я за этот комплимент.
О профессор увлекательный,
Вам бы прямо в парла́мент.

Шепчутся между собой, жмут руки и целуются.

Альсим

Как тут быть? Уйти? Зажмуриться?
Показать, что не видал?

Сатана

Черт возьми! Они амурятся!
Признаюсь! Не ожидал!

Профессор

Однако, молодой человек, вы здесь лишний. Я думаю, вам бы лучше было сидеть за Моммсеном или Зибелем, нежели олицетворять собою праздность — мать всех пороков. Я уверен, что вы ничего не знаете, например, из истории. Скажите мне, какие проявления индивидуального духа противодействовали вредному влиянию христианства на нравственность в Средние Века? Вы молчите? Вы не знаете? Так скажите, по крайней мере, к какой породе принадлежат павлины, перья которых употреблялись древними римлянами для искусственного произведения морской болезни?

Альсим
(в смущении)

Г. профессор, я употребляю для этого указательный и средний палец левой руки.

Профессор

Вы отвечаете не на вопрос! Я вижу, что вы лишены не только необходимых сведений, но и способности понимания. Но если по этой причине вы не можете предаться наукам, вы могли бы, по крайней мере, заняться каким-нибудь полезным практическим делом, напр⟨имер⟩ давать деньги в рост.

Сатана

Я имею причины думать, что это благородное художество может совмещаться и с научными занятиями.

Профессор

Теперь, молодой человек, можете идти, и я советую вам не показываться мне на глаза, пока не приобретете того, чего лишены.

Сатана

Если это рога, то он приобретет их довольно скоро. Смелей, дружище, не сомневайся!

Альсим делает умоляющий жест в сторону Элеоноры, та показывает ему кулак. Он хватается за голову и убегает. Сатана следует за ним. Профессор и Элеонора обнимаются. Занавес.

Альсим

Так вот она — виденье совершенства,
Мой светлый рай, мой чудный идеал.
Альсим, Альсим, ты жаждал лишь блаженства,
А злобный рок тебе мученье дал.
Чего же ждать? К чему еще стремиться?
Чего душою пламенной искать?
Иль дать судьбе спокойно совершиться,
А самому бессильно прозябать?
Или восстать и с гордостью Титана
Смотреть в глаза враждебным небесам?
Иль бросить всё и с помощью обмана
Бежать скорей к далеким берегам?
Кто скажет мне, кто даст мне указанье?
Иль нет, постой! помедли! погоди!
Быть может, это только испытанье,
И ждет тебя блаженство впереди?
А если так, к чему же торопиться?
Еще немного можно подождать.
Когда ж придет пора на что-нибудь решиться,
Альсим себя сумеет показать!

Между 1876 и 1878

232. БЕЛАЯ ЛИЛИЯ,

ИЛИ СОН В НОЧЬ НА ПОКРОВА

Мистерия-шутка в 3 действиях

ЛИЦА:

Кавалер де Мортемир, богатый, но совершенно разочарованный землевладелец.

Халдей, служащий в Азиатском департаменте, практичен.

Инструмент, отставной драгун, обладает физическою силой и готовностью.

Сорвал, молодой человек, говорит и делает большею частью одно вместо другого.

Граф Многоблюдов, страдает размягчением мозга.

Генерал Хлестаков, сочинил все диалоги Платона и был тайною причиной того насморка, который помешал Наполеону разбить русскую армию под Бородином.

Сокрушенный помещик, преданный изучению трансцендентальной физики.

Скептик, служащий по министерству финансов.

Неплюй-на-стол, древний мудрец.

Галактея, Альконда, Теребинда — три дамы, приятные со всех сторон.

Солнце, неподвижная звезда третьей величины.

Птицы.

Растения.

Волк.

Львы и тигры.

Кроты.

С о в ы.
Голос из четвертого измерения.
Медведь.
Белая лилия.

Первое действие происходит в Петербурге.
Второе — в неизвестном лесу.
Третье — близ южного Тибета.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Зимний сад в доме кавалера де Мортемира. Вечер. Издали слышны музыка и гул разговоров.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входит Сокрушенный помещик, без галстука и в незастегнутой одежде, и Скептик.

Сокрушенный помещик

О четвертом измерении
Размышляя ежечасно,
В совершенном изнурении
Погибаю я напрасно.
То сижу я без движения,
То скитаюсь тенью бледной,
А ведь мог бы я с имения
Получать доход безбедный!
Но, четвертым измерением
Неумеренно плененный,
В самом жалком положении
Я живу, всего лишенный;
И хотя на иждивении
Скоро я умру казенном,
Всё ж вопрос об измерении
Остается нерешенным.

Скептик

О, как вы счастливы в сравнении со мною,
Для помыслов найдя какой-нибудь предмет,
Напрасно я искал, чего б искать душою —
Ни цели, ни пути передо мною нет.

И вечером, и утром рано,
И днем, и полночью глухой,
В жару, в мороз, средь урагана,
Я всё качаю головой.
То устремляю взор свой в землю,
То с неба не свожу очей,
То шелесту деревьев внемлю,
Гадая о судьбе своей...
Какую мне избрать дорогу?
Кого любить, чего искать?
Идти ли в храм молиться богу,
Иль в лес — прохожих убивать?!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Отчаянный поэт.

Отчаянный поэт

Мне двадцать лет,
И я поэт —
Поэт всемирной скорби-с.
Мой волос сед —
Мышленья след, —
Хожу немного сгорбясь.
И пить, и есть,
И лечь, и сесть
Мне геморрой мешает...
Так жизни цвет,
Под гнетом бед
Зачахнув, увядает.
Мой идеал
Давно пропал;
В душе мороз трескучий, —
Лишь в грезах сна
Мелькнет она,
Как радуга над тучей!..
Но лишь проснусь
И оглянусь
Кругом — опять всё скверно
Печалей рой
И геморрой —
Уж геморрой-то ве-е-ерный!

Так жить нельзя!
Прими меня,
О смерть, в свои объятья!
Хоть я не свят,
Но всё же в ад
Попасть нет вероятья.
Мне холодно...
Могилы дно
Поэта ожидает.
Спасенья нет!
Гляди же, свет,
Как гений погибает!..

(Вынимает из кармана панталон веревку, чтобы удавиться, но при этом на пол падает красненькая бумажка.)

Сокрушенный помещик и Скептик

(Подняв упавшую бумажку и показывая ее поэту, торжественно)

Государственный кредитный сей билет
От погибели спасет нас, о поэт!

Отчаянный поэт

(в экстазе)

Надеждой новою сияет небосклон!
Взошла моя заря в кармане панталон.

(Берет и рассматривает билет.)

Остался он от мзды, что дал книгопродавец...
Идемте ж к Палкину... Нет, в Малый Ярославец!

(Берет под руки Сокрушенного помещика и Скептика и удаляется вместе с ними.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Входят Галактея и Халдей.

Галактея

Вы знаете, он уезжает... Это большой секрет, он просил никому не говорить. Мне грустно... Вы не можете

вообразить, как я много теряю. La vie s'en va.[1] Ничто больше меня не радует и не занимает.

(Смотрит на него пристально.)

А знаете, у вас очень красивый нос, — я прежде и не замечала.

(Подходит к окну.)

Посмотрите, какая восхитительная ночь, как ярко сияют звезды, совсем как в стихах Тютчева.

Халдей

(смотрит через ее плечо)

На звезды глядишь ты, звезда моя светлая...
О, быть бы мне небом, в широких объятиях
Держать бы тебя и очей мириадами
Тобой любоваться в безмолвном сиянии...

Галактея

Ага! Вы, кажется, говорите стихами? Я очень люблю стихи насчет моей красоты. Скажите, вы не итальянец?

(В сторону)

Боже, какой у него красивый нос!

Халдей

Нет, я не итальянец, но могу заменить его с успехом.

Галактея

Впрочем, я и забыла, что вы Халдей.

Халдей

О, это не более как каламбур судьбы.

Галактея

Калам-бур? С чего вы это взяли?.. он, напротив, прекрасный колорист. Но какая же ваша нация?

---

[1] Жизнь уходит (франц.). — *Ред.*

Халдей

Это страшная тайна. А впрочем...

(Говорит ей на ухо)

Я — грузин!

Галактея

(вне себя от восторга)

Грузин!!

(Прыгает и бьет в ладоши.)

Он — грузин, он — грузин!

Халдей

(самодовольно)

Я — грузин, я — грузин!
Это знаю я один.

Галактея

(в экстазе)

Он — грузин, он — грузин!
Это знает он один!..

Берут друг друга за руки и поспешно убегают.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Входят Теребинда и Инструмент.

Теребинда

Отчего вы не кирасир?

Инструмент

Через 24 часа я буду кирасиром.

Теребинда

Знаете, чего мне теперь хочется?

Инструмент

Не знаю, но исполню немедленно.

Теребинда

Я хотела бы быть закутанной в одеяло, в одно одеяло — понимаете? — и чтобы какой-нибудь ужасно большого роста и ужасно сильный человек, какой-нибудь великан или патагонец, носил меня на руках по большому темному саду...

Инструмент
(вставая)

Я готов-с.

Теребинда

Ха-ха-ха! Разве вы патагонец?

Инструмент
(отирая лицо платком)

Сущий потогонец, как видите-с.

Теребинда

Фу, какие глупости. Но что же это с вами, однако?

Инструмент

Мне жарко-с.

Теребинда

Но отчего?

Инструмент

Мне жарко потому, что я тебя люблю,
Хоть знаю, что вконец себя я погублю,
Но тем не менее, как свечка, я горю.
Как свечка, я горю и таю, как она.
А ты? Ты в ледяной покров облечена,
Как мрамор, ты глуха к отчаянной мольбе!
Мне жарко потому, что холодно тебе!

Теребинда

О да, я очень холодна. Я холодна, но любопытна. Мне интересно было бы видеть, до чего может дойти ваша пламенная страсть. Donnez-moi le bras. [1]

Уходят.

---

[1] Дайте мне руку (франц.). — *Ред.*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Входит Альконда и бросается на софу.

Альконда

Боже мой, как я устала! Je n'en puis plus! [1] А этот глупый медвежонок, Сорвал, еще отдавил мне ногу. Никогда в жизни не видала я такого идиота.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Входит Сорвал.

Сорвал

Вы искали уединения? Я — также! И так, уединяясь, мы соединяемся.

(Садится около нее. После некоторого молчания)

Позволите ли слезами отчаяния омочить лоно любви?

Альконда

Ах, что с вами? Сядьте, пожалуйста, немного подальше!

Сорвал

Дайте мне вашу руку!

Альконда

Ну, что же дальше?

Сорвал

Я думаю, что если бы эта рука была вашею, то есть я хочу сказать моею, и если бы мое сердце... Нет, я не могу больше говорить... Если вы меня не полюбите, я...

(Растопыривает руки и раскрывает рот и глаза.)

Альконда

Полюбить вас?.. Любовь хорошая вещь, но только не здесь, нет, не здесь...

---

[1] Я не могу больше (франц.). — *Ред.*

Ах, зачем родила́сь я девицей
Между этих противных людей,
А не вольной пернатою птицей
Средь простора лесов и полей.
По вершинам зеленых деревьев,
Под навесом тенистых садов,
В одеянье из пуха и перьев
И с обедом из свежих плодов —
Вот как жить и любить я б желала,
Вот когда б я душой расцвела!
Как изящно тогда б я летала,
Как искусно гнездо бы вила!..

А здесь у нас, среди этой мебели, в этих домах и на этих улицах...

Сорвал

Зачем же на улице?!

Альконда

Dieu, qu'il est bête.[1] И потом вы знаете, я не выношу ничего, противного эстетике, ничего грубого, а у вас, я слышала, ужасно грубые привычки. Мой дядя, Многоблюдов, сам видел, как вы ели рыбу с ножа и дичь — руками!..

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Граф Многоблюдов появляется в дверях.

Граф Многоблюдов

Да, молодой человек, я говорил и утверждаю, что вы не умеете есть!

(Проходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Сорвал

О, если дело только за этим, то я совсем не буду есть ни рыбы, ни дичи. Охотно приношу мою любовь на алтарь

---

[1] Боже, какой он дурак (франц.). — *Ред.*

этих животных, то есть я хотел сказать наоборот, но это всё равно... Альконда! Пока мы одни, я должен заплатить дань своим восторгам!

(Хочет обнять ее.)

Альконда
(отталкивая его)

Вы, кажется, совсем с ума сошли?

Сорвал

Как хотите, но моя любовь требует пищи.

(Хватает ее за ногу и, сняв башмак, поспешно сует его себе в рот, но давится высоким каблуком и падает на пол в конвульсиях.)

Альконда

Несчастный! Кто же так делает? Нужно начинать с носка!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Граф Многоблюдов появляется в дверях.

Граф Многоблюдов

Я говорил, что он не умеет есть!

(Проходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Альконда и Сорвал, в судорогах катающийся на полу.

Альконда

Однако он может тут умереть! Кто там! Скорей, скорей, au secours, au secours! [1] Соли, соли!

---

[1] На помощь, на помощь! (франц.) — *Ред.*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

С разных сторон сбегаются: слуга с солонкой на подносе, генерал Хлестаков, Халдей и Галактея, Инструмент и Теребинда.

Генерал Хлестаков

Ну вот, ну вот! Извольте полюбоваться! Вот оно — наше молодое поколение! Дамский башмак проглотить не может! Подавился, ей-богу, подавился! Как вам это покажется? А я бывало по дюжине ботфортов со шпорами глотал — и ничего! Только в животе позвякивало.

Все

(становятся вокруг Сорвала и поют хором)

Ах, несчастный Сорвал!
Он башмак засовал
В глотку.
Может он умереть,
Его нужно тереть
Водкой!

(Вытаскивают башмак изо рта Сорвала и приводят его в чувство.)

Сорвал

Не успевши удавиться,
Я желал бы удалиться!

Все

(предупредительно)

С удовольствием уйдем
И оставим вас вдвоем.

Все уходят в одну сторону, Сорвал с Альконлою в другую. Сцена остается несколько времени пустою.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Входит кавалер де Мортемир в дорожном платье и с чемоданом в руках, который поставив на пол, несколько времени стоит в задумчивости, опустив голову, и затем говорит.

Мортемир

Тяжелой тоской, как цепями окован,
Стою я и в землю гляжу.
Хотя чемодан мой давно упакован,
Но с места я всё не схожу.

Пауза.

Если ветер осенний безжалостно смёл
Всё, чем в жизни душа любовалась,
Если сад твоих грез безвозвратно отцвел,
Если трость твоей веры сломалась...

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Входит Галактея.

Галактея

Когда же, милый друг,
Мы вновь увидим Вас?

Мортемир
(не слыша ее)

Да, мой огонь потух,
И пламень мой угас!

Галактея

Скажите же, когда?

Мортемир

Про это знает бог!
Стремлюся я туда,
Откуда нет дорог.

Галактея

Как? И любовь моя
Тебе уже постыла?

Мортемир

О нет! Но кровь моя
Как будто бы застыла.

Галактея
(иронически)

О, это потому,
Что ты любил безмерно!

Мортемир

Корить меня к чему?
И без того мне скверно!

(После паузы)

Я любил, хоть мыслью каждой
Сознавал любви обман,
И ловил с безумной жаждой
Убегающий туман.
Но страстей в позорный свиток
Я слегка лишь заглянул
И отравленный напиток,
Не допивши, оттолкнул.

Галактея

О, боже мой, *слегка?!*
Где лгать ты научился?
Но вот моя рука —
Со мной ты не простился...

Мортемир

О, не считай меня неблагодарным!
Тебя любил я более других.
Ты метеором лучезарным
Мелькнула в мраке дней моих.

Галактея

Si c'est ainsi, [1] я и еще, пожалуй,
Во мраке дней твоих готова поблистать.

Мортемир

Merci! [2] В моей душе, поблекшей и усталой,
Ты новые огни привыкла возбуждать.

(Хочет обнять ее.)

Галактея

(уклоняясь)

Скажи сперва, зачем ты покидаешь
Своих друзей?

---

[1] Если так (франц.). — *Ред.*
[2] Спасибо (франц.). — *Ред.*

Мортемир

Ах, милая! Ты многого не знаешь
В судьбе моей.

(Сильно сжимает ее в своих объятиях.)

Голос из четвертого измерения

(одному Мортемиру слышимый)

Сладко извергом быть
И приятно забыть
Бога!
Но тогда нас ждет до-
Вольно скверная до-
Рога!

Мортемир

(отскочив от Галактеи)

Извините, пожалуйста!

Галактея

(относя его слова к себе)

Я вижу, ты со мною лицемеришь,
О Мортемир!

Мортемир

Ах, как мне тошно, ты и не поверишь,
Глядеть на мир!

Галактея

(вынимая из-за корсета три необычайного вида цветка и подавая их Мортемиру)

Вся наша жизнь — обман, томление и слезы,
В конце же — гроб.
Тебе на память, друг, я три волшебных розы
Оставлю, чтоб
В себе хоть призрак сладостных мгновений
Будить ты мог,
Чтоб под тяжелым бременем твой гений
Не изнемог.

Мортемир

Итак, — прощай!

Галактея

...Но что ж сказать могу я
Гостям твоим?

Мортемир

Скажи, что навестить сестру я
Уехал в Крым.

Галактея обнимает его и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Мортемир один, подносит к лицу Галактеины розы, нюхает несколько и потом, медленно роняя, говорит.

Мортемир

Приятно пахнут эти розы,
Когда в груди огонь горит
И целый мир волшебной грезы
С душою внятно говорит;
Когда в синеющем тумане
Житейский путь перед тобой,
А цель достигнута заране —
Победа предваряет бой;
Когда серебряные нити
Идут из сердца в область грез...
О боги вечные, возьмите
Мой горький опыт и верните
Всю силу первых вешних гроз!

Да, знал я вас, златые годы,
Невинно-дерзкие мечты,
Порывы гордые свободы,
Виденья тайной красоты,
Когда далекий звук рояли
Иль шелест платья по песку
В мечты всю душу погружали
И непонятную тоску
Иль сладкий трепет возбуждали.
Где вы, пленительные сны
И беспредметные печали?

Напором жизненной волны
Далёко вы унесены;
Порывы бурные умчали
Вас, розы первые весны,
И там, где вы погребены,
Цветы другие расцветали
И так же скоро отцвели
Или безвременно увяли.

Но пусть будет позабыто
И навеки тьмой сокрыто
Всё, что было прежде!
Место дам надежде.
Может Белую Лилéю
Я найти еще успею.
И поэтому — вперед,
В мой таинственный поход!

Слышен шум приближающейся толпы.

Прощайте все! Вас видеть было б тяжко
Душе моей.
Но где моя дорожная фуражка?
Здесь! И перчатки в ней.

(Поспешно уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Живописная поляна в неизвестном лесу. Заход солнца.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Солнце

Я опять захожу
И уныло гляжу:
Не видал я ее и сегодня.
Горе мне! Ее нет,
Без нее ж белый свет
Для меня не милей преисподней!

(Задергивает лицо тучами и плачет мелким дождем.)

Птицы

Мы поем, мы поем,
Вместе с солнцем мы ждем
Златокудрой царицы явленья;
Но не слышит она:
От глубокого сна
Не пробудит ее наше пенье.

Растения

Мы растем и цветем,
Бог поит нас дождем.
Ароматы мы льем
И трепещем, и ждем,
Чтоб, небесной красою сияя,
Как царица цветов,
Из обители снов
Появилась владычица рая.

Волк

Я убийца и вор.
Кровожаден мой взор,
И труслив я к тому же чрезмерно!
Хоть большой я подлец,
Но и я, наконец,
Тяготиться стал жизнию скверной.
Хвост поджав, я лежу
И на небо гляжу:
Не сойдет ли оттуда царица,
Про которую тут
Свои песни плетут
И цветы, и болтливые птицы.

Хор львов и тигров

Ддааа!
Мы разбоем живем,
С встречных шкуру дерем,
Жрем их прямо сырьем,
Кровь горячую пьем,
Но и мы тоже ждем
Всё чего-то; тайком
По ночам слезы льем

И, махая хвостом,
Помышляем о том,
Чтобы с этим житьем
Нам покончить добром...
Ддааа!

Все

Солнце, солнце! Хоть бы ты
К нам царицу красоты
Силой пламенной своей,
Сетью радужной лучей
Привлекло и заманило!
Больше ждать нам уж невмочь,
Без нее нам всё постыло:
День не в день, и ночь не в ночь,
Без нее весь свет — могила!

Солнце махает рукой и заходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит кавалер де Мортемир.

Мортемир

Она! везде она! о ней лишь говорят
Все голоса тоскующей природы.
Я не один, — река, и лес, и горы,
Деревья, звери, солнце и цветы
Ее, ее зовут и ожидают.
Явись она, — и снежные вершины
За облака ушедших гор пред ней
Поникнут разом, пышные цветы
Пред ней ковер широкий развернут,
Кругом нее львы, барсы, носороги
Счастливою и дружною семьей
Все соберутся вместе и служить
Ей будут; быстрые и шумные потоки
Вдруг остановятся. Сам бурный океан
В последний раз вскипит и, весь свой жемчуг
К ногам ей бросивши, утихнет и замрет,
И зеркалом недвижным и прозрачным
Пред нею ляжет, чтобы дивный образ
В немом восторге ясно отражать.

Да, это так! Но, боже мой, когда же?
Когда, когда? В ничтожном этом слове
Отчаянье и радость, жизнь и смерть.

(Ложится под дерево.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кроты

Мы норы роем, роем, роем
И копим на зиму запас.
Вниманья мы не удостоим
Того, что наш не видит глаз.

Про что поют все эти птицы?
О чем цветы здесь говорят?
Краса какой-то царь-девицы!
Ну, этим нас не заманят.

Совы

В развалинах замков, в старинных церквах
Гнездиться мы любим, понеже,
Когда всё кругом изменилось, они
Одни остаются всё те же.

Мы любим гнилушки, нам плесень мила,
От ржавчины мы в восхищенье,
Лишь к солнца сиянью и к ярким цветам
Питаем мы все отвращенье.

Могилы манят нас, и даже детей
Рожать мы летим на кладбище.
Опавшие листья и высохший мох
Нам служат приправою к пище.

Мы верим в блаженство, но — только для нас,
Для прочих же — адские муки!
Тогда насладимся вполне, а пока
Мы служим молебны от скуки.

Но в этих занятьях смущает нас весть
Про новую эту царицу,
Которой явленье нахально так ждут
Дневные все звери и птицы.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Вбегает Халдей с дорожным чемоданом.

Халдей

От возлюбленной прекрасной
Я бежал в сей лес ужасный.
Сколько горести напрасной
Перенес я с ней, — несчастный, —
И не перечесть!
Наконец настало время,
И сие мне стало бремя
Не по силам несть.

(Замечает Мортемира и подходит к нему.)

Сообщу тебе, как другу:
Я прелестную подругу
Умертвить уж собрался́.
Но лишь мысль сия возникла,
Уж она в нее проникла —
И я бегству предался́.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Инструмент.

Инструмент

От возлюбленной прекрасной
Я бежал в сей лес ужасный etc.

(Замечает Мортемира и Халдея и подходит к ним.)

Сообщу вам по секрету:
Я возлюбленную эту
Собрался уж придушить,
Но потом вдруг стало жалко,
И, схватив суму и палку,
Я пустился во всю прыть.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Вбегает Сорвал без всякого багажа и в ночном костюме.

Сорвал

От возлюбленной ужасной
Я бежал в сей лес прекрасный etc.

(Замечает прочих и подходит к ним.)

Сообщу вам для секрета,
Что она из пистолета
Уж стреляла мне в живот.
Но рево́львер дал осечку,
И, сваливши стол и свечку,
Я скорей бежал — и вот.

Трое

(вместе)

Мы бежали три дня и три ночи,
Есть так хочется нам, что нет мочи!

Халдей

Но теперь уж опасности нет,
И поэтому вот мой совет:
Вы позвольте вам всем предложить
Выпить водочки и закусить.

(Вынимает из чемодана припасы, и все располагаются под деревом.)

Сорвал и Инструмент

Совет охотно принимаем
И с избавлением поздравляем.

(Чокаются.)

Халдей

От любовниц и от жен
Навсегда освобожден,
Я в присутствии природы
Пью за здравие свободы!

Все

Ура!

Халдей

Но посмотрите: что это за странная фигура к нам приближается?

Сорвал

Судя по костюму, это, должно быть, животное ископаемое.

Инструмент

А судя по носу, это — или монах, или сапожник.

Халдей

Тем лучше, новый собутыльник.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Подходит Неплюй-на-стол в необыкновенном полуазиатском костюме и с посохом.

Халдей

Послушайте, почтеннейший! Позвольте вас угостить закуской и вином.

Сорвал

Хотя ваша одежда показывает, что вы родились до изобретения пищи и пития, но все-таки, прошу вас, сделайте нам компанию. Для компании, сами знаете, жид удавился.

Халдей

(наливая водки)

Иль, может быть, Вы любите бордо?

Неплюй-на-стол

Я попрошу и водки, и бордо.
Хоть я излишеством гнушаюсь,
Но тем не менее решаюсь
И есть, и пить всё, что дадут.

(Садится и пьет.)

Не ожидал найти я тут —
В лесу глухом — такую встречу!

Халдей

Но кто Вы сами?

Неплюй-на-стол

Я отвечу
Сейчас, но прежде оказать
Вы мне должны одну услугу.
От Куку-Нóра чрез Калугу
Я шел затем, чтоб отыскать
Того, чье имя в Кашемире,
Во всём Тибете и Памире
Весьма известно, — говорю
О кавалере Мортемире.
Его Вы знаете?

Все

Вот он!

Неплюй-на-стол

(про себя)

Я нетерпением горю
Раскрыть пред ними мой картон.

(Встает и, вынув из-за пазухи завязанный картон, обращается к Мортемиру)

Любезный кавалер! Ты видишь пред собой
По телу дряхлого, но бодрого душой
Служителя науки из наук.
В дорожной мантии и опершись на сук,
Пришел издалекá я, чтобы весть
Тебе нежданную, но добрую принесть.
Прочти и рассуди! Пергамент сей
Я отыскал в развалинах Пальмиры.

(Развертывает картон и, взяв оттуда пергамент, подает Мортемиру.)

Я изучил его в тиши ночей
И папиросою прожег вот эти дыры.

Мортемир

(читает)

«Аз-буки-ведь, аз-буки-ведь.
Здесь смысл возвышенный и тайный,

Его откроет лишь медведь,
Владея силой чрезвычайной.
Но вечно-женский элемент
Тут не останется без роли:
Когда лазоревый пигмент
Избавит душу от мозоли,
Лилеи белой благодать
Везде прольет свою тинктуру,
И род людской, забыв страдать,
Обнимет разом всю натуру;
Повсюду станут лад и мир,
Исчезнут злоба и мученье.
Тогда и ты, о Мортемир,
Найдешь душе успокоенье».
Что ж это значит?

Неплюй-на-стол

Не лукавь!
Я знаю всё. Во сне и въявь
Ты ищешь Белую Лиле́ю,
А я сказать тебе сумею,
Где можешь ты ее найти.
Мне к ней известны все пути,
И я попутчиков сзываю.
Когда, Пальмиру разрывая,
Я сей пергамент отыскал,
Он был длиннее ровно вдвое
И всё, что нужно, содержал.
Но, к сожалению — не скрою —
Я половину потерял.
Но я так часто повторял
В уме своем все указанья,
Что хоть сейчас без колебанья
Тебя провесть бы я сумел:
Мой ум остер, и дух мой смел!

(К прочим)

Друзья! и вам я предлагаю:
За мной — к потерянному раю!

Халдей и Инструмент

Что ж, пожалуй! Всё равно деваться некуда!

Сорвал

А что ж такое — эта Белая Лилия, почтеннейший? Женщина?

Неплюй-на-стол

Отчасти в этом роде.

Сорвал

Гм! Женщина. Но — без пистолета?

Неплюй-на-стол

Ни пистолета, ни ружья!
В том вас могу уверить я!

Сорвал

Ну, так и я согласен. Да здравствует Белая Лилия!

Неплюй-на-стол
(посматривая на вино)

Да, Белая Лилия, да!
Так как же теперь, господа?

Все

Идти так идти!

Неплюй-на-стол

Идти нам лучше на рассвете,
А здесь пока бутылки эти
Нам силы новые дадут
И от простуды нас спасут.

Все

Это дело, это дело!
Подождем, чтоб заалело
На востоке, а пока
Подкрепим себя слегка.

(Едят и пьют.)

Халдей

Не спеть ли песню нам, друзья?

Неплюй-на-стол

Всегда к услугам вашим я.

Инструмент

Халдей, ты первый запевай,
Ну, не ломайся, начинай.

Халдей

(поет)

Я добился свободы желанной,
Что манила вдали, словно клад.
Отчего же с тоскою нежданной,
Отчего ж я свободе не рад?
Сердце ноет и падают руки,
Всё так тускло и глухо вокруг
С рокового мгновенья разлуки,
Мой жестокий, мой сладостный друг.
Теперь ты спой нам, Инструмент.
Ну, Инструмент!

Инструмент

В один момент.

(Поет)

Мы сошлись с тобой недаром,
И недаром, как пожаром,
    Дышит страсть моя!
Эти огненные муки —
Только верные поруки
    Силы бытия.
В бездну мрака огневую
Льет струю свою живую
    Вечная любовь,
И из пламенной темницы
Для тебя перо Жар-птицы
    Я добуду вновь.
Свет из тьмы. Над черной глыбой
Вознестися не могли бы
    Лики роз твоих,
Если б в сумрачное лоно
Не впивался погруженный
    Темный корень их.

(Кончив петь)

Уступим место Мортемиру!
Ну, Мортемир! Бери-ка лиру!

Мортемир

(Поет)

Ах! далеко в Тибетском плоскогории
Живет мой друг.
А здесь один томлюсь в тоске и горе я...
Темно вокруг.
И лишь порой в тумане сновиденья
Я вижу то,
Что видеть мог без всяких затруднений я
Тому лет сто.
Иль, ослабев, умру с тоски и горя я,
Судьбам в укор,
Иль путь найду в Тибета плоскогорие
Чрез Куку-Нор.

Неплюй-на-стол

Ах, молодые люди, молодые люди! Вы всё еще любовью интересуетесь. Совсем пустое дело, бабье дело!

Халдей

Почтеннейший! в том нет сомненья,
Что бабы — дрянь! Но дело в том,
Что в настоящем положенье
Без них мы вряд ли проживем.
Чтоб пояснить вам мысль мою,
Еще я песенку спою.

(Поет)

Женщин вы чтите:
Жизнь человечью
Они украшают!
Шерстью овечьей
Они вышивают
Ковры и подушки
И вяжут чулки;
Они покрывают
Постель одеялом,
А также бывают
Для нас идеалом.
Без женщин жизнь наша
Была б лишена
Всего, что высóко и свято.

Текла бы она,
Мелка и ровна,
Без радужно-светлых идей,
Без пламенно-бурных страстей
И без впечатлений богатых.
Мы жили б одни: без детей,
Без нянек, кормилиц, без прачек и швей,
И не было б даже мужей
Рогатых!

Инструмент

Чья очередь теперь? Сорвала? Эй!
Сорвал, Сорвал, дурак!
Ну, пой, осел, скорей.
Сорвал, тебя мы ждем!
Тьфу, пропасть! Спит он крепким сном.

(Будит его.)

Пой, скот бессмысленный!

Сорвал
(поет)

Солнце ходит низко,
На дворе метель.
Друг мой, повернись-ка
И пойдем отсель!

(Останавливается и смотрит вопросительно.)

Все

А дальше?

Сорвал

Дальше я забыл.

Халдей

Осел ты есть, каким и был.

Инструмент

Оставь его! Пусть валится под стол!
Ну, ты нам песню спой, Неплюй-на-стол!

Неплюй-на-стол
(поет)

В огромном, дремучем сосновом лесу,
Который растет на Чукотском носу, —
В нем много деревьев, деревья большие, —
Когда-то родился в сей самой глуши я!
Я родился в глуши,
И расцвел я в тиши,
И не ведал губительных гроз.
Проходили года,
Вдруг случилась беда:
Посетил нашу землю мороз!
Посетил нас жестокий мороз, господа!
И вот в самый мороз
Отморозил я нос
На Чукотском носу, господа!
И с тех пор у меня
Он краснее огня, —
Вот что может наделать мороз,
Вот что может наделать жестокий мороз
На Чукотском носу, господа!

Халдей

Ну, нос твой красен не от холоду.
Признайся, много пил ты смолоду?

Неплюй-на-стол

Я пил, и пью, и буду пить!
Здесь высшее предназначенье:
Возможно нас лишить именья,
Рассудка, чести нас лишить,
Но что мной выпито — поверьте —
Оно мое до самой смерти.

Мортемир

Оставим это! В путь пора!
Когда та синяя гора
С вершиной сумрачной своей,
От первых солнечных лучей
Побагровевши, запылает,
Тогда вступить нам подобает
В пределы радужных полей.

Но для успеха предприятья,
В борьбе с враждебною судьбой,
Мы заключим, друзья и братья,
Все, без малейшего изъятья,
Союз навеки меж собой.

Все

Ладно, ладно, по рукам!

Халдей

Только нам
Полагаю б, не мешало
Расспросить его сначала,
Хватит ли ее на всех?

Неплюй-на-стол

На всю природу хватит, милый человек!
На всю природу, ты уж мне поверь!

Все

Ну, так, значит, теперь
Вместе мы, господа,
Поспешаем туда,
Где Лилéя цветет
И блаженство нас ждет.

Неплюй-на-стол

Но просить позвольте вас
Мне сказать, сколько нас?

Все

Нас всех пять,
Нас всех пять!
Потрудитесь сосчитать:
Раз, два, три, четыре, пять!
Сосчитаем опять:
Раз, два, три, четыре, пять!
И т. д. in infinitum. [1]

---

[1] До бесконечности (лат.). — *Ред.*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Большой запущенный сад вблизи южного Тибета. На первом плане вход в обширную пещеру, закрытый пурпуровою занавескою.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят кавалер де Мортемир, Неплюй-на-стол, Халдей, Сорвал и Инструмент.

Неплюй-на-стол

Вот сюда, вот сюда!
Этот сад, господа,
Есть тот самый, куда
Мы стремились.

Все

Да, да!
Но для чего сия пещера?

Неплюй-на-стол

Пещеры нет! То лишь химера,
Иллюзия, обман и сон.
Ей быть здесь вовсе не резон.
В пещере может жить дракон,
Медведь иль ящур; но царица —
Я в том готов хоть побожиться —
Живет отнюдь не в сей пещере,
А в замке, иль по крайней мере
В высокой башне.

Халдей

Где ж они?

Неплюй-на-стол

Вон, видите ли, там огни?

Халдей

Что врешь ты! Среди бела дня
Не увидать тебе огня.

Неплюй-на-стол

Вон башня высится, а вон
Выходит дама на балкон,
То, верно, фрейлина царицы,
Украшена пером Жар-птицы,
За ней придворные чины,
В мундиры все облечены. . .
Что вижу? Кушают блины!
Какой прекрасный жирный блин!

Халдей

Он нас морочит, чертов сын!

Инструмент

К нам относится презрительно!

Все

Бить его неукоснительно!

Неплюй-на-стол

Не сердитесь, друзья,
　　Не судите строго,
Если изредка я
　　Пошучу немного.
В этом нет большой беды.
Лучше сядемте сюды,
И коль есть у вас запас,
Мы закусим тот же час.

Халдей, Сорвал
и Инструмент

Вот так прекрасно,
Вот это так.
Видим мы ясно:
Он не дурак.

Неплюй-на-стол

(самодовольно)

Да, это ясно:
Я не дурак.

Мортемир

Могу ль я пить и есть,
Не зная, где она?
Здесь — вижу — тайна есть,
И даже не одна!

Неплюй-на-стол

Поверьте мне: сии пределы
Она оставила для дела,
Но лишь заблещет луч денницы,
Назад вернется в колеснице.

Мортемир

(изрядно выпив и закусив, встает и, подняв руку к небу)

Довольно! Нету сил! Пусть праведный мой гнев
Вас в сердце поразит негодованья жалом!
Ужель мы шли сюда, всё бросив и презрев,
Затем, чтоб пить и есть, подобно каннибалам?

Все

(поспешно доедая и допивая)

Ну-с, мы готовы!
Что ж предпринять?

Мортемир

(мрачно)

Венец терновый
Нужно стяжать.

Халдей

Это конечно!
Но как начать?

Мортемир

Рад бы сердечно
Вам я сказать,
Если бы знать я
Мог это сам...

Из пещеры раздается страшный рев.

Кто там проклятья
Шлет к небесам?

Сомнения нету!
Тайна здесь есть!
В пещеру эту
Должно пролезть.

Неплюй-на-стол

Но прежде нужно
Занавес снять,
Тяните дружно,
Не отставать!

Все

(Берутся за занавес, но потом Халдей, Инструмент и Неплюй-на-стол отступают и каждый, отвернувшись, поет)

Но я трепет ощущаю,
Потому что — впереди
Что нас ждет, ведь я не знаю.
Дай-ка стану позади.

(Стараются встать каждый сзади всех. Перед занавесом остается Мортемир, погруженный в задумчивость, и Сорвал, с недоумением озирающийся.)

Неплюй-на-стол

Друг любезнейший, Сорвал!
Ты бы занавес сорвал!

(Отбегает еще дальше.)

Сорвал

Весьма охотно повинуюсь
И рву его, не обинуясь!

Срывает занавес. Из пещеры выходит большой Медведь и с ревом становится на задние лапы.

Неплюй-на-стол

Ай, ай, ай!

Хватается за живот и падает мертвый. Сорвал, Халдей и Инструмент обнажают шпаги. Медведь поворачивается к ним спиной. Тогда они, скрестивши шпаги, кладут на них труп Неплюя и уносят его, напевая на мотив: «Как я рад, капитан, что я Вас увидел».

Халдей, Сорвал, Инструмент

Он погиб, он погиб
Жертвою отваги —
Пусть носилками ему
Служат наши шпаги!

Мудрость с храбростию он
Сочетал искусно,
Но внезапно был сражен
Сей болезнью гнусной!

Он погиб, он погиб
Жертвою отваги —
Пусть носилками ему
Служат эти шпаги.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мортемир и Медведь.

Голос из четвертого измерения

Блаженства дверь
Потом — не теперь —
Откроет зверь.
Люби и верь!

Мортемир

Люблю я и верю
Вот этому зверю.

Голос из четвертого измерения

All right![1]

---

[1] Отлично! (Англ.) — *Ред.*

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Несколько недель после первой. Другое место в том же саду. Пещера вдали. На первом плане — высокая могила, около которой в позе отчаяния стоит кавалер де Мортемир.

Мортемир

Последний уголек в душе моей остыл!
Как я любил его, и как хорош он был!
Какая грация развалистых движений!
В глазах задумчивых какой светился гений,
Какая мудрость! Я увидел в нем
Последний якорь жизненного судна.
Он говорил на языке своем,
Хотя без слов, но понимать не трудно
Его мне было любящей душой.
И он любил. Мохнатый и большой,
Он ласков был, как маленькие дети.
Как он вертел прекрасной головой!
Увы! Мгновения блаженнейшие эти
Промчалися бесследно, как во сне.
Скончался он... И что же делать мне?
А, знаю что! К натуре стану задом,
Кинжал — в живот, и с ним улягусь рядом!

(Хочет заколоться, как вдруг над могилой Медведя появляется Белая Лилия.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Белая Лилия

От тебя, мой милый,
Я не скрою, что
Под моей могилой
Нету ничего.

Мортемир

Твои черты небесно хороши!
Но где же он, медведь моей души?

Белая Лилия

Медведь живет, — лишь нет медвежьей шкуры.
Но не скорби, мой друг! Здесь таинство натуры.
В медведе я была, теперь во мне медведь.
Как некогда его, меня люби ты впредь.
Невидима тогда
Была я, а теперь —
Невидим навсегда
Во мне сокрытый зверь.

Мортемир
(в экстазе)

Теперь блаженства нам
На всю достанет вечность.
Недаром же он сам
Сосал свою конечность.

Обнимаются и, поднявшись на воздух, вдруг переходят в четвертое измерение. На бывшей могиле медведя вырастают белые лилии и алые розы.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Входят Галактея, Теребинда и Альконда.

Галактея, Теребинда
и Альконда
(вместе)

Мы устали, мы устали,
Мы блудили, мы блуждали,
Неожиданного ждали,
Небывалого искали —
Всё по пустякам.

(Подходят к могиле и любуются цветами.)

Галактея

Эти лилии и розы
Нас уносят в царство грезы, —
Не уснуть ли нам?

Альконда

Не спала я две недели.
Отдохнемте, в самом деле.

Теребинда

От скорбей и от забот
Нас укроет этот грот.

Галактея

Да, связавши по букету,
Мы войдем в пещеру эту.

Делают букеты и уходят в пещеру.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Входят Халдей, Инструмент и Сорвал.

Халдей

Да под кустами-то хорошенько пошарьте, под кустами пошарьте, говорят вам, экий бестолковый народ!

Сорвал

Да что шарить-то, — я уж и так в кучу неприятностей попал.

Инструмент

Смыло его дождем, должно быть, а то ветром унесло.

Сорвал

Вон что-то белеется.

(Поднимает бумагу и бросает.)

Халдей

Бумажка точно, да не та!
Эх ты, Емеля-простота!

Сорвал

Ан и нашел!

(Поднимает пергамент мудреца Неплюй-на-стол.)

Целехонек, смотрите.

Халдей

(берет и читает)

Ну, вот, я говорил, так оно и есть:

«Аз-буки-ведь, аз-буки-ведь —
Здесь смысл возвышенный и тайный, —
Его откроет нам медведь,
Владея силой чрезвычайной».

Вот видите: медведь. Всё, значит, шло, как нужно, и мы только сдуру перетрусили, а тот старый шут — пуще всех. Вот у Мортемира-то губа не дура: он с медведем остался; теперь, наверно, и Белую Лилию заполучил, а мы тут всё шляемся, как оглашенные.

Инструмент

Отыскать их непременно.

Сорвал

Да где ж искать?

Инструмент

Известно где. Вон и пещера та самая.

Халдей

Сорвал, душа моя, сбегай — сделай милость — загляни в пещеру!

Сорвал

С величайшим удовольствием.

(Скрывается в пещере и через несколько минут кричит оттуда)

Эй, эй, Халдей!
Сюда, скорей!
Эй, Инструмент,
Лови момент!

Халдей

Кого нашел там, говори!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сорвал выходит из пещеры, за ним Алькондa, Галактея и Теребинда.

Сорвал

Лилея белая, смотри:
Да не одна, а целых три.

Халдей и Инструмент

Черты знакомые, но с новой красотою.

Халдей
(указывая на Галактею)

Я этою пленен!

Инструмент
(указывая на Теребинду)

А я вон тою!

Алькондa, Галактея и Теребинда
(подавая каждая свой букет своему респективному кавалеру)

Милый друг, меня узнал ты?
Хоть другую здесь искал ты,
Покорись судьбе.

Халдей, Инструмент и Сорвал
(каждый своей даме)

Я об этом не жалею,
Ибо Белую Лилею
Узнаю в тебе.

(Обнимаются попарно и затем, сойдясь все вместе, поют)

Белую Лилию с розой,
С алою розою мы сочетаем —
Сердца пророческой грезой
Вечную истину мы обретаем.
Вещее слово скажите!
Жемчуг свой в чашу бросайте скорее!
Нашу голубку свяжите
Новыми кольцами древнего змея.

Вольному сердцу не больно.
Ей ли бояться огня Прометея?
Чистой голубке привольно
В пламенных кольцах могучего змея.
Пойте про бурные грозы:
В бурной грозе мы покой обретаем.
Белую лилию с розой,
С алою розою мы сочетаем!

Занавес

1878—1880

233. ДВОРЯНСКИЙ БУНТ

Современно-гражданская пьеса с учеными примечаниями и спиритическими явлениями.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Приемная дворянского банка. Князь Мещерский, окруженный толпою столбовых дворян, имеющих под мышкой свои столбы с целью заложить оные.

Мещерский

(ко всем)

Ликуй, российское дворянство!
Вступи опять во все права гражданства
И с благодарностью читай лишь «Гражданин».
Прошел период оскуденья.
Прошу у вас внимания и бденья!
Вы знаете меня: я чистый дворянин.
Хотя не чист от кой-каких пороков
И даже оными горжусь,
Но в мнении китов, на коих дремлет Русь,
Я самый истинный из всех ее пророков.
Достигнуть я могу всего, за что берусь,
Сочувствует моим стремленьям промысл божий,
И путь к величию — лишь из моей прихожей.
Я — дрожжи для одних, другим я — хлороформ:
Крамола крепко спит, и либералы скисли.
Турецкий мой диван, где я рождаю мысли,
Турецкий мой диван — гнездо благих реформ.
Уж мальчики, резвясь, бросают к черту книжки,
Пример с городовых берут профессора.
Под розгою в руках у земского ярыжки,
Довольный участью, холоп кричит: ура!

Хоть был неурожай — страна весьма богата:
На Невском встретил я сановного кастрата,
Носителя побед:
Унынья прежнего на нем исчез и след:
Уж у него растут усы и блещут очи...

Дворяне

(перебивая его)

Нельзя ли покороче!
Мы это всё читали.
О бренном лишь металле,
О займе нам нельзя ли
Немедленно поведать.
Мы все хотим обедать,
Мы все хотим к Кюба́!

Мещерский

Как? Разве главного я не сказал? А, ба!
Избыток дум рождает многословье.
Благословляй меня, дворянское сословье!
Подписывайся впредь всегда на «Гражданин»:
Врагов я победил, и совершил один,
На что у многих не хватало мочи...

Дворяне

(перебивая)

Нельзя ли покороче!
Мы это всё читали.
О бренном лишь металле,
О займе лишь нельзя ли
Немедленно поведать.
Мы все хотим обедать,
Мы все хотим к Кюба́!

Мещерский

Извольте! вострублю, как судная труба.
На основанье мудрого решенья
Совета высшего, а также понужденья
Уж состоялось повеленье:
В залог отныне банк берет
Буквально всё: поношенный берет,
Поля от шляп, поля поместий,
Штаны, болота, чувство чести —

Истлевший сей анахронизм, —
Но вот что возбудить должно патриотизм:
Дворянский банк в залог приемлет ваши души!
Отсюда видно вам, сдерем какие куши
Мы с сиволапых мужиков!
Сентиментальность прочь! Святой девиз таков:
Бери, закрыв глаза, заткнув плотнее уши
От либеральной чуши!
Закон прошел с немалым торжеством...
Он, собственно, одобрен меньшинством,
Но это всё равно! Дремали генералы,
С улыбкой жалкою былые либералы
Безмолвно слушали, дрожа за свой оклад,
А некий муж из них, с охотою большою
Загладить прошлое, поправку внес в доклад,
Усильно требуя, чтоб, наравне с душою,
И право на бессмертие в залог
Без всяких оговорок принималось.
Для смет строительных то новый был предлог.
Во исполнение закона оставалось,
Чтоб делом увенчать прекрасных слов поток
И поддержать устои вековые, —
Для душ устроить кладовые.
И под моим лучом возникла, как цветок
На удобренной почве, лотерея.
Спешите ж, господа, спешите поскорее
И души заложить, и всё, car mon avis: [1]
Лови, лови часы любви!

Дворяне восторженно благодарят Мещерского и, кланяясь, ударяют своими столбами по его голове, откуда исходит звук, как бы из медного сосуда, наполненного торичеллиевою пустотою. Одновременно раздаются трубные звуки. Атмосфера комнаты постепенно насыщается «духом старины», [2] образовавшиеся пары сгущаются под потолком в облако, из которого показывается фигура капитана Борозды [3] и благословляет присутствующих.

---

[1] Ибо мое мнение (франц.). — *Ред.*

[2] В химии сей газ более известен под другим названием.

[3] Борозда — гвардии капитан и ересеарх. Неправо мыслил о главной христианской добродетели — любви и о путях оной. Известный стихотворец Пушкин, особливо твердый в истинном догмате, кратко, но сильно обличил его в пьесе :

Накажи, святой угодник,
Капитана Борозду...

Дворяне

Благословил нас Борозда,
Держитесь крепко, дружно.
Мы все — птенцы его гнезда, —
Нам всем лишь денег нужно. [1]
Мужичьих душ лишили нас,
А мы по христианству
Свои отдать хотим сейчас —
Честь русскому дворянству!
В иные, новые бразды
Свое мы семя кинем
И выше знамя Борозды
Над Родиной поднимем.
Как обернулася судьба!
Как вывез бог нас русский!
Теперь скорей, скорей к Кюба́!
Пора, пора к закуске!

Уходят, слегка канканируя. Входит старый сторож. Сперва останавливается в недоумении, потом плюет, крестится и отворяет форточку.

Сторож

Уж где Мещерский побывал —
Святых вон, — а ведь барин!
Такого духу не пущал
И сам Фаддей Булгарин.

СЦЕНА ВТОРАЯ

По прошествии месяца. Собрание заемщиков дворянского банка. На эстраде новоназначенный член Совета Дворянского Банка А. П. Саломон, имея в левой руке сторублевую бумажку.

Саломон

(читает)

Вследствие представления г. Управляющего Дворянским Банком, гр. Голенищева-Кутузова, за № 10337,

---

[1] Т. е. не нужно даже женщин.

г. министр финансов, принимая во внимание, что все кладовые банка переполнены заложенными дворянскими душами, а равно и залоговыми на бессмертие свидетельствами; принимая далее во внимание, что дворянская душа — товар нежный, легко предающийся тлению и приходящий в совершенную негодность, предложил прекратить дальнейший прием душ, а равно и на бессмертие свидетельств; остающуюся в банке свободную личность предоставить г.г. заемщикам как последнюю льготную ссуду без залога и процентов.

Г.г. дворяне! в банке имеется свободного капитала ровно сто рублей кредитных...

Дворяне устремляются к Саломону, чтобы перехватить радужную, но пришедшими в движение столбами преграждают друг другу дорогу и приходят в замешательство. Саломон поспешно убегает, потрясая спасенною сторублевкою. Дворяне бросают столбы и поднимают руки к небу.

Дворяне

Нас вдохновил Мещерский:
Мы стали смелы, дерзки,
И вам, бунтовщики,
Мы не хотим дать спуску:
Кутузова — в кутузку,
Et nous verrons qui — qui. [1]
Мы у него поищем
Рублей за голенищем!
Друзья! нам дан предлог.
Дворяне и дворянки!
Скорее шарить в Банке!
Валяйте! С нами бог!

Дворянин

(восторженный)

Мы тридцать лет терпели!
Теперь совсем у цели!
Держитесь, господа!

---

[1] И посмотрим, кто кого (франц.). — *Ред.*

Дворянин
(скептик)

Мещерский неужели
И в этом важном деле
Попал, да не туда?

Являются сторожа со швабрами и выгоняют вон всех дворян

Старый сторож
(solo[1] *вздыхая и качая головой)*

Я богу благодарен
За то, что я не барин.

1 сентября 1891

[1] Один (итал.). — *Ред.*

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

11

Стих. 6, с. 296

Тот настоящий любимец богов, кто в ранние годы
Горе и беды терпел, кого только в грезах ласкала
Нежной рукой златокудрая матерь Эрота. Дарами
Муз и харит обделенный, пусть вечного Кроноса силу
В сердце горячем таит он и думой угрюмой питает.
Рано иль поздно сокрытое пламя пробьется наружу,
Вспыхнет пожаром и мир весь невиданным светом осветит,
Всё, что в душе хоронилось, что образа тщетно искало:
Гордого духа порывы, вся нежность любви беспредельной —
Всё то в одну необъятную силу сольется; волшебным,
Мощным потоком сердца и умы охвативши,
Цепь золотую сомкнет и небо с землей повенчает.

17

Автограф — ПД
Вместо 11—15

И если ты над этими гробами
Нечаянно пройдешь бестрепетной ногой,
Какая б пропасть ни легла меж нами,
Но страсти (?) дрожь холодными волнами
Во мне пробудит образ твой.

19

«Русь», 1882, № 42, с. 15; Стих. 1, с. 14
После 8

В неведомой чреде друг другу уступая,
Иль споря меж собой без мысли и следа,
И вся твоя душа — их двойственность слепая,
Немой, бесплодный мир, ненужная вражда.

22

Автограф — ПД Вместо 1—12

И я печально уходила,
Когда, не помня клятв былых,
Ты зажигал свое кадило
У алтаря богов чужих.

Но, под напором знойной вьюги,
Виденья лучшие забыв,
Не слышал ты своей подруги
Молящий горестный призыв.

26

Стих. 6, с. 349; ПД (альбом Е. Н. Опочинина) Вместо 9—12

Но там, вверху, незыблемы твердыни,
И Галилейских гор краса не отцветет,
И верен путь от низменной гордыни
К смиренной высоте, куда господь зовет.

29

Стих. 1, с. 10, Вместо 9—12

Тоскующей любви пленительные звуки
Животной злобы крик позорно заглушал,
Не поднималися коснеющие руки,
И бледный призрак тихо ускользал.

37

Стих. 6, с. 304 Вместо 9—12

Друг мой, ныне, как и прежде,
Мы живем и умираем
И, сказав: прости! — надежде,
Через три дня воскресаем.

38

Стих. 6, с. 305 Вместо 5—8

Бедный друг! Не спрошу у тебя,
Где была и откуда идешь,
Только к сердцу прижму я любя,
В этом сердце покой ты найдешь.

43

Стих. 2, с. 56

Он был велик, тяжел и страшен,
С лица как бык, спиной — дракон,
Над грудой жертвенною брашен
Кадильным дымом окружен.

Толпы несметные кишели,
А там, под мусикийский гром,
Жрецы послушно гимны пели,
Склонясь пред новым алтарем.

И от Египта до Памира
На зов сошлись князья земли
И рукотворного кумира
Владыкой жизни нарекли.

И против идола на троне,
В руке держа священный шар
И в семиярусной короне,
Явился Небукаднецар.

Он говорил: «Мои народы!
Я царь царей, я бог земной.
Везде топтал я стяг свободы,
Земля умолкла предо мной.

Но видел я, что дерзновенно
Другим молились вы богам,
Забыв, что только царь вселенной
Мог дать богов своим рабам.

Теперь вам бог дается новый,
Его святил мой царский меч,
А для ослушников готовы
Кресты и пламенная печь».

И по равнине диким стоном
Пронесся клич: «Ты бог богов!»,
Сливаясь с мусикийским звоном
И с гласом трепетных жрецов.

В сей день безумства и позора
Я крепко к господу воззвал,
И громче мерзостного хора
Мой голос в небе прозвучал.

И от высот Нахараима
Дохнуло бурною зимой.
Как пламя жертвенника, зримо
Твердь расступилась надо мной.

Всё небо ярко пламенело...
И дунул дух, и погасил
Огонь небес, и побледнело
Лице земли пред богом сил.

И белоснежные метели,
Мешаясь с градом и дождем,

Корою льдистою одели
Равнину Дурскую кругом.

Он пал в падении великом
И опрокинутый лежал,
А от него в смятенье диком
Народ испуганный бежал.
. . . .

1891

45

Письма, 4, с. 157. Перед 1

О греза милая счастливого японца!
Уж я любовь отпел, — и вдруг нежданно ты
Пришла, — приотворив души моей оконца,
В ней разом подняла заснувшие мечты.

46

Письма, 4, с. 157 Перед 1

Нет! Так я не любил: мучительней и жгучей
Была она, любовь моей весны,
Но душу не звала в мир трепетных созвучий,
В прозрачные, серебряные сны.

54

СВ, 1892, № 10, с. 236. Вместо 13—20

Молча веду ее к «камню святому» я,
Берег отвесный высок...
Вижу гранитные глыбы знакомые,
Сосны и темный песок.

Память, довольно! Тень счастья прожи́того
Было мне время отпеть.
Жизнь нас не ждет, а для сердца разбитого
Лучше молчать и терпеть.

Стих. 6, с. 310 Вместо 17—20

Память, довольно! Тень эту скорбящую
Было мне время отпеть!
Срок миновал, и царевною спящею
Витязь не мог овладеть.

58

ВЕ, 1892, № 8, с. 752 После 8

Ручьи, как люди, вдаль несутся.
Есть мука в песне соловья,
Стихии те же в нас мятутся,
Покой природы — мысль моя.

80

Стих. 6, с. 317 Лишь однажды в целый век
Вместо 11—13 Наступает пробужденье,
Дышит камень-человек.

100

Письма, 2, с. 270 Падали намеки,
Вместо 9—12 Жизни глубь вскрывая,
И глядела молча
Тайна роковая.

116

Стих. 6, с. 329 Звучит загробный голос Фета,
Вместо 7—8 И жив Случевский Константин.

Вместо 14—15 Немеют личные слова,
Но память чуждого былого

129

Стих. 6, с. 332 Замыслы смелые
Вместо 13—16 Крепнут в груди,
Ангелы белые
Шепчут: иди!

Стих. 4, с. 187 В знойные, душные,
Вместо 19—20 Тяжкие дни.

137

Стих. 7, с. 362. Графиня Юлия к обедне ранней
После 4 В слезах идет.

После 36 Она: «Зачем ты не сказал мне ране?»
А он: «Молчать!»

145

Стих. 6, с. 351 «Город глупый, город грязный»,
Дух Каткова, квас, кутья,
Сплетен рой однообразный,
Скука, сон, галиматья.
Мне любить вас, хоть немножко,
Вовсе нет причин, когда
Даже милая мне ножка
Здесь мелькнула без следа.

157

Письма, 4, с. 152
После 16

Но когда, микроб мой милый,
До моей немой могилы
Ты коснешься дивной ножкой,
Буду счастлив я немножко.

167

Стасюлевич,
с. 382
После 24

Примите, милый мой патрон,
Чухонской музы порожденье!
Грешить так быстро — не закон,
Всему виной — уединенье.

178

Письма, 4, с. 136
После 12

Я ваших не встречал друзей
В сей пустоши огромной.
Исчез и Вейнберг не-еврей,
И Боборыкин скромный.

194

Автограф — ПД
После 36

Потому-то, милый Кавос,
Отправляясь в путь недлинный,
Не беру я за бока вас,
Не зову кутить в Неглинный.

204

Письма, 2, с. 227
Вместо 5—8

Увидишь горы и моря,
И новый быт людской (людей?),
И шумная зальет волна
Огонь любви былой (твоей?).

205

Стих. 7, с. 348
Вместо 16—18

Томятся в неволе,
Клянут свою долю,
Но сбросить не могут оковы.

212

Стих. 7, с. 344
Вместо
15—20

Между премудрыми Дева Мудрейшая,
В чистом светильнике свет твой нетленный
Ярко горит и не знает затмения.

Ты всех *скорбящих* Покров неизменный,
В смертном бореньe защита вернейшая,
Знамя победы и знамя спасения.

Вместо 81—83

Но ты сама охрани, заступи и покрой меня силой своею,
Ты, что семя святое родила
И главу сокрушила
Древнему змею.

Вместо 94—97

Дольний наш мир, весь омытый слезами и кровью,
Просвети, освяти, укроти нашу смуту людскую,
Злобу мирскую
Тихой любовью.

ЦГАЛИ

232

Мистерия в трех действиях с прологом

ЛИЦА:

Геодемон — владетельный дух, покровитель земли, весьма добродушен, иногда впадает в экстаз.

Китоврас — приказчик Геодемона, выдает себя за черта, распорядителен.

Лакеи Геодемона — в синих и красных ливреях, неизвестно почему считают себя за ангелов и носят картонные крылья; впрочем, ленивы, надменны и глупы.

Кавалер де Мортамир — богатый, но совершенно разочарованный землевладелец.

Халдей — благородный азиат, весьма практичен.

Инструмент — отставной драгун, обладает большою физическою силою.

Сорвал — молодой камер-юнкер; постоянно делает и говорит одно вместо другого и другое вместо одного.

Граф Многоблудов — министр, управляющий одною великою державою, от чрезмерной любви к прекрасному подвержен хроническому размягчению мозга.

Генерал-адъютант X — любознательный помещик, помешан на четвертом измерении пространства.

N. N.

M. M. — скептик.

Отчаянный поэт.

Неплюй-на-стол — древний мудрец, отличается красным носом и трясением всех членов.

Галактея — чрезвычайной красоты дама.

Теребинда — прекрасная, но необузданная дама.

Алькoнда — весьма приятная, но легкомысленная дама.

Солнце — неподвижная звезда третьей величины.

Птицы, растения и цветы, волк, львы и тигры, кроты, совы.

Медведь.

Белая Лилия.

Действие пролога происходит в четвертом измерении, остальной пьесы — в местах, не столь отдаленных.

ПРОЛОГ

Передняя во дворце Геодемона. Два хора лакеев.

Лакеи в синих ливреях

Мы ангелы, ангелы, ангелы мы,
Во свете живем и не ведаем тьмы,
Нас барин содержит в почете всегда,
И нас уважают здесь все господа.

Лакеи в красных ливреях

Прекрасно, прекрасно, прекрасно здесь жить!
Столь знатной особе приятно служить.
Без всяких забот — и не сей, и не жни.
Дай, господи, барину долгие дни.

Входит Китоврас.

Китоврас

От востока до заката
По лицу земли
Лжи, убийства и разврата
Семена взошли.

Всё, что предкам было свято, —
Всё потомки разнесли,
Опозорено и смято
Ложе девственной земли.

Адской нивы зреют всходы,
Близок жатвы час...
Дня последнего с восходом
Поздравляю вас!

Один лакей

О чем он говорит?

Другой

Решительно не знаю!

Китоврас

Я вас, mes chers enfants,[1] о том предупреждаю,
Что человечеству пришел, значит, шабаш!
И я на сей конец инструкций ожидаю,
За коими прийти велел мне барин наш.

1-й лакей

Его покой нарушить ты желаешь?
О дерзостная тварь! Скорей отсюда прочь!

Китоврас

Ну, не таковские, не больно испугаешь!
Нам папенька — хаос, а мать — глухая ночь!

---

[1] Мои дорогие дети (франц.). — *Ред.*

Лакеи

(окружив его и входя в роль ангелов)

Ты ложь и зло! Мы истина и благо!

Китоврас

Цыц, холуи! Я не люблю шутить!
Вот вам формальная бумага —
Прочесть и пропустить!

(Подает им свой паспорт, который 2-й лакей, надев очки, продолжительно рассматривает.)

Ну, что раскис, слюнявое творенье!
Иль азбуку забыли вы свою?
Но есть предел и моему терпенью!
Я новую вам песенку спою!

(Бросается на окружающих лакеев и с сверхъестественной быстротой наделяет их подзатыльниками и зуботычинами.)

1-й лакей

Я убит
Наповал!

2-й лакей

Мне крыло оторвал
Сей ужасный бандит!

3-й лакей

Мне глаза заплевал!

4-й лакей

Ах, как челюсть болит!

5-й лакей

Мой затылок разбит!

Все хором

Ах, мы несчастные,
Как мы страдаем,
Боли ужасные
Мы ощущаем!

Выходит Геодемон, в халате и в туфлях, на голове ночной колпак, а сверх него корона, в одной руке скипетр, в другой — подушка.

Геодемон

Что здесь за шум, что здесь за драка?
Покоя не дают!
Чем свет — и уж орут!
Ты здесь зачем, беспутный забияка?

Китоврас

Отец и государь! Перед светлейшим троном
Явился я в назначенный момент,
Чтоб пропуск получить от слуг твоих, я оным
Представил сей законный документ.
Затем...

Лакей

(перебивает его)

Он нас убил! Конец наш неминуем!

Геодемон

Ну, вы, малютки, цыц! Иль быть вам без конфет!
А ты присядь-ка здесь! В порядке потолкуем,
Festina lente, [1] как сказал поэт!
Так как ты говоришь? Я срок тебе назначил?

Китоврас

И он уж наступил!
Подлунный мир круговорот свой начал,
Продолжил, совершил!
И если б, государь, из телескопа
Ты в мир земной взглянул,
Ты б увидал, что, как во дни потопа,
В грязи он потонул!

Геодемон

(впадая в умоисступление)

Когда Адо́най мощной властью
В себе семь духов возбудил
И пламя огненное страсти
Сияньем тихим утолил, —
Тогда над трепетною бездной,
Средь опрокинутых небес,
В короне радужной и звездной,
Полна таинственных чудес,
Пред ним явилась дева рая
И сетью золотых кудрей
Его опутала, играя,
И, неподвижно утопая
В лазурном пламени очей,
Благословил он всё, взирая
На лик возлюбленной своей.

...Вот какая красота, мерзавец! Неужели? Так-таки весь и потонул?

Китоврас

Все сплошь — один навоз.

Геодемон

Как? И мужики, и благородные?

---

[1] Торопись медленно (лат.). — *Ред.*

Китоврас

Какое мне дело до мужиков? Для них есть свои, мужицкие черти — у них и спрашивай, только вряд ли дозовешься: все в кабаках застряли и так наспиртовались, сердечные, что скоро у тебя здесь, в четвертом измерении, сивухой завоняет!

Геодемон

Гм! Но ничего. Мужики — они проспятся.

Китоврас

Да, если их кто растолкает. Мужик хоть и здоров, да глуп — сам не тронется, а кто его теперь толкать-то будет, когда все благородные с головой в болоте сидят!

Геодемон

Ну, уж и все! Есть же и порядочные люди! Я даже нескольких знаю, вот только память-то у меня со старостью слабеет; имен-то не припомню; впрочем, они у меня записаны.

Эй, кто там, эй?
Мне записную книжку поскорей!

Тут у меня две графы: одна для овец, другая для козлищ.

Один из лакеев приносит книжку.

Китоврас

(в сторону)

Эге! В четвертом измерении
Есть тоже Третье отделение!

Геодемон

Ну вот, возьмем мы для примера
Хоть Мортамира кавалера.

Китоврас

Вот паскудину-то вытащил!

Геодемон

А ты его знаешь?

Китоврас

Как не знать эту сантиментальную девку, эту кошку блудливую! Смилуйся, государь, ведь в нем если и было что путное, так давно уж растряслось, ведь истаскан он, сукин сын, как старые туфли моей бабушки или как юбка уличной потаскушки!

Геодемон

Ну, ну! Нужно быть снисходительным. Ошибки молодости... увлечения страстей и т. д.

Китоврас

Итак, далее?

Геодемон

Ну вот, еще записан здесь Халдей!

Китоврас

Восточный человек! Расчетливый злодей,
Лишь в скверной похоти не знающий преграды:
Ни возрасту не даст, ни полу он пощады!

Геодемон

Ну, ну! А вот Инструмент!

Китоврас

Ну, здесь уже достаточно одного имени! Что вы скажете, господа, о человеке, который называется Инструментом?

Геодемон

Что имя? Звук пустой!

Китоврас

Но если оно соответствует самому предмету? Если он действительно есть инструмент всякого непотребства?

Геодемон

Ну, полно! Вот еще Сорвал.

Китоврас

Вот относительно этого ты, государь, хорошо сделал, что записал его имя, а то он сам его, наверное, скоро забудет. Клянусь твоими усами, природа была мертвецки пьяна, когда родился этот идиот.

Геодемон

Ну, положим, он глуп немножко, но зато какое сердце и какая невинность!

Китоврас

Да разве глупость вознаграждается такою невинностью, которая сама происходит единственно от той же самой глупости? Да и что за невинность, когда этот поросенок трясется и распускает слюни над всякой юбкой и потом возмещает свои любовные неудачи, предаваясь в уединении...

Геодемон

Цыц! Не сквернословить.

(Произносит крепкое слово.)

Eh bien, a propos,[1] у меня здесь записано несколько дам: Альконда, Теребинда, Галактея...

Китоврас

Ну, этих можно отпустить гуртом: одно у них названье — потаскушки!

---

[1] Да, кстати (франц.). — *Ред.*

Геодемон

Однако ты допускаешь различие между мужчинами и женщинами?

Китоврас

Я думаю, что между ними есть различия.

Геодемон

Я тоже всегда так думал!

Китоврас

И главное различие состоит в следующем...

. . . .

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

НАЧАЛО ЯВЛЕНИЯ 2-ГО

Входит Отчаянный поэт.

N. N.

Посмотрите, какие ужасные муки отражаются на челе этого юноши! Кто он? Что с ним? Приблизимся, заговорим с ним?

M. M.

Зачем? Разве он разрешит мне загадку моего бытия?

N. N.

Нет, но, может быть, он нуждается в лекарстве, а я постоянно ношу с собою все семь средств графа Matteu и 4 симпатические бумажки с заговорами, которые мне дал один жид, который потом украл у меня портмоне и золотые часы.

(Подходят к Отчаянному поэту.)

M. M.

Кто вы? Что с вами?

N. N.

Что поражено в вас: кровь или лимфа?

Отчаянный поэт

Мне двадцать лет, и т. д.

Там же

После слов: «Как гений погибает!»

Ах, молодой человек, я вижу, что поэзия в соединении с геморроем привели вас к тем же результатам, к каким меня приводит четвертое измерение.

М. М.

И меня — мой скептицизм.

(К N. N.)

А сколько у вас наличными, многоуважаемый?

N. N.

(ищет в карманах)

Ах, проклятый Онуфрий, до сих пор карманов в панталонах зашить не может, все прорвалось! Посмотрю еще в жилетном. Так — есть, есть!

М. М.

Да сколько?

N. N.

Две зелененькие.

М. М.

Браво! А у меня синяя. Едем к Палкину, а то здесь на нас лакеи что-то косо поглядывают.

(Поэту)

А вас, молодой человек, для первого знакомства мы угостим на свой счет.

N. N.

И если вы напьетесь чрезмерно, я дам вам две крупинки antiscrophulosa.

Берут друг друга за руки и удаляются, напевая «Во Францию два гренадера. . .». Отчаянный поэт следует за ними молча.

Входят граф Многоблудов и генерал-адъютант X.

ЯВЛЕНИЕ 3

Граф Многоблудов

Qu'on ne me parle pas de Chrétiens, de Musulmans, de fétichistes, de [нрзб] — tout ça ne me dit rien. Je n'admets que deux catégories dans l'humanité: les gens comme il faut et ceux qui ne le sont pas.[1]

Генерал X

Mon cher comte, vous avez dit ma pensée.[2]

(Жмет ему руку.)

Тем с большим благоговением пожимаю вашу заслуженную руку, что сам я во дни молодости прошел через все заблуждения так на-

[1] Пусть мне не рассказывают о христианах, о мусульманах, о фетишистах — всё это мне ровно ни о чем не говорит. Я признаю только две категории людей: людей комильфо и тех, кто ими не являются (франц.). — *Ред.*

[2] Дорогой граф, вы высказали мою мысль (франц.). — *Ред.*

зываемого либерализма — я даже стихи писал о свободе, или, собственно говоря, о любви к отечеству.

Граф Многоблудов

Pas possible.[1]

Генерал X

Je vous jure.[2] Я тогда служил на Кавказе, и был у меня, между прочим, знакомый юнкер Лермонтов — тот самый, что потом был убит на дуэли. Ça a fait du bruit de son temps.[3] Презабавный был мальчик. Вот однажды утром я сплю в своей палатке — вдруг вбегает этот Лермонтов, будит меня — я гляжу, на нем лица нет — глаза сверкают — хватает меня за руку, судорожно сжимает и дрожащим таким голосом говорит: «Mon cher général!»[4] ...то есть, виноват, я тогда еще не был генералом, говорит: «Mon cher capitaine»[5]...

Граф Многоблудов

Вы служили, возможно, в Черноморском флоте?

Генерал X

Нет, я был перед тем лейб-гвардии уланского полка ротмистром, но за одну маленькую шалость меня перевели капитаном в армейскую пехоту на Кавказе.

Граф Многоблудов

В пехоту? Почему же в пехоту, когда вы были в кавалерии? Лейб-уланы — ведь это кавалерия, насколько я могу понять.

Генерал X

Un cas tout à fait spécial, mon cher comte.[6]
Дело в том, что я в Петербурге въехал верхом в спальню одной дамы...

Граф Многоблудов

Верхом, vous dites,[7] верхом? Разве она жила в rez ⟨de⟩ chaussée?[8]

Генерал X

Нет, она жила в бельэтаже, но ее муж проиграл мне в карты 300 000, и так как у него не было столько денег, то я вместо уплаты уговорил его посадить меня сесть на плечи и таким манером при свидетелях ввезти меня в спальню его жены, с которой я — vous comprenez?[9]...

---

[1] Это невероятно (франц.). — *Ред.*
[2] Клянусь вам (франц.). — *Ред.*
[3] Это наделало шуму в свое время (франц.). — *Ред.*
[4] Дорогой генерал (франц.). — *Ред.*
[5] Дорогой капитан (франц.). — *Ред.*
[6] Это совершенно особый случай, дорогой граф (франц.). — *Ред.*
[7] Вы сказали (франц.). — *Ред.*
[8] В первом этаже? (Франц.) — *Ред.*
[9] Вы понимаете? (Франц.) — *Ред.*

Граф Многоблудов

Ah, mais c'est charmant, c'est charmant. [1]

(Жмет ему руку.)

Генерал X

И всё бы обошлось благополучно, он был очень рад — 300 000 не шутка — и никакой претензии. Но, представьте себе, чего я уж никак не ожидал — она обиделась!

Граф Многоблудов

Она? Mais pour quelle raison? [2]

Генерал X

Не понимаю. Женский каприз. Сердце женское — задача, не решенная умом. Но обиделась она ужасно, и не только порвала со мною всякие интимные отношения, но подняла шум, целую историю, дошло до великого князя, и я по высочайшему повелению был переведен на Кавказ, в пехоту, и в приказе так и было прямо обозначено: «За злоупотребление кавалерийскою службою». Да-с. Так вот тогда вбежал этот Лермонтов и так вдруг без всякого предварения хватает за руку и спрашивает дрожащим голосом: «Mon cher capitaine, aimez-vous la patrie? [3] Я, знаете, со сна еще не опомнился, но вдруг на меня нашло вдохновение какое-то, экстаз, я вскочил с постели как был, даже без белья — жара тогда была страшная — выбежал из палатки, стал в позу этакую величественную и продекламировал ему d'une voix inspirée [4] экспромт:

Люблю отчизну я, но странною любовью,
Не в силах победить ее рассудок мой,
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой.

Дальше уж и не помню. Но он пришел в восторг, сейчас же записал в свою тетрадь и потом, on me l'a dit [5] — это было даже напечатано под его именем. Я не претендовал. Прошли года. Горький опыт [всему научит]. Я охладел.

Граф Многоблудов

Mais cette dame, le mari [6] и вдруг верхом, c'est introuvable. [7] У меня самого в Баден-Бадене было одно приключение с французской актрисою, только в другом роде: [не я ехал верхом] и даже скорей наоборот.

Уходят.

---

[1] Ах, но это прекрасно, это прекрасно (франц.). — *Ред.*
[2] Но из-за чего? (Франц.) — *Ред.*
[3] Дорогой капитан, вы любите отечество? (Франц.) — *Ред.*
[4] Вдохновенным голосом (франц.). — *Ред.*
[5] Мне говорили (франц.). — *Ред.*
[6] Но эта дама, супруг (франц.). — *Ред.*
[7] Это редкостно (франц.). — Ред.

Галактея

Вы знаете, он уезжает.

Халдей

Как! Мортамир? Нет, не слыхал.

Галактея

Ах, я и забыла, что это большой секрет. Ну, всё равно, Да, он уезжает. Au fond je n'en suis pas très fâchée.[1]

Халдей

Пустейший человек! К тому же, кажется, разорился, пожалуй, деньги занимать будет.

Галактея

Cela ne me regarde pas.[2] Но он мне надоел. Ce n'est pas l'homme, qu'il me faut à la vie.[3]

Там же

После слов: «Я очень люблю стихи насчет моей красоты».

Галактея

Скажите, вы можете написать и большую элегию?

Халдей

В один момент. Каким размером прикажете?

Галактея

(задумчиво)

Размером? Ну, страницы в 3.

Халдей

Нет, я относительно стихотворного размера или, так сказать, метра...

Галактея

Да, понимаю! Напишите мне метром таким, чтобы было больше звуков и красок!

---

[1] В глубине души я не очень этим огорчена (франц.). — *Ред.*

[2] Это меня не интересует (франц.). — *Ред.*

[3] Это не тот человек, который мне нужен в жизни (франц.). — *Ред.*

НАЧАЛО ЯВЛЕНИЯ 5-ГО

Входит Алькондa и, сев на диван, снимает ботинки, которые и прячет под оный.

Алькондa

Боже мой, как я устала — je suis exténuée.[1] А этот медвежонок Сорвал еще отдавил мне ногу. Редко можно встретить такого идиота. Наше знакомство началось с того, что он, не говоря ни слова и даже не будучи мне представлен, стал толкать меня под столом ногой и потом все время выпуча глаза смотрел на кончик моего уха. И с тех пор вот прошло уже три года, а я не слышала от него ни одного слова со смыслом: или молчит, или говорит что-нибудь совсем несообразное. А сколько ботинок он мне перепортил — так это ужас. Cela me ruinera.[2] А все-таки в нем есть что-то... Cela... Je ne sais quoi[3]... А вот и он.

Сорвал

Я хотел быть один и потому чрезвычайно рад, что нахожу Вас здесь.

ЯВЛЕНИЕ 13

После слов: «В судьбе моей».

(Идет за нею, но вдруг, как бы громом пораженный, останавливается и стоит в окаменении, вперив взор в пространство.)

Галактея

Так, так, но ты со мной не лицемеришь,
О Мортамир!

Мортамир

О, как мне тошно, ты и не поверишь,
Глядеть на мир!
Но, боже мой! Открыть ей эту тайну
Во мне нет сил!
Прости мне, милая, когда тебя случайно
Я огорчил.

Галактея

(рассеянно)

Ну, хорошо! Но только на прощанье
Ты мне скажи
Quelque douce parole[4] и сделай завещанье
Твоей души.

Мортамир

Прости, мой друг! В погоне безнадежной
За счастием тебя я увидал.

---

[1] Я в изнеможении (франц.). — *Ред.*
[2] Это меня разорит (франц.). — *Ред.*
[3] Что-то такое... (франц.). — *Ред.*
[4] Какое-нибудь ласковое слово (франц.). — *Ред.*

Мне снился сон неясный и тревожный,
Склонясь к земле, я незаметно ждал.
То был обман! Закон неумолимый
С детей небес берет земную дань,
Их воля не сотрет предел незримый,
Не передвинет роковую грань.
Моя звезда сияет одиноко,
И луч ее в волшебный мир зовет,
В волшебный мир, безвестный и далекий,
К нему же путь чрез море зол ведет.
Прости! В душе последнее желанье,
Последняя мольба еще звучит,
О, если б я за тяжкое страданье,
Что темный рок в грядущем мне сулит
Тебе мог дать златые дни и годы,
Тебе мог дать все лучшие цветы,
Чтоб в новом мире света и свободы
От злобной жизни отдохнула ты,
Чтоб смутных снов тяжелые виденья
Бежали все от солнечных лучей,
Чтоб на всемирный праздник возрожденья
Явилась ты всех чище и светлей.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ 3

После слов: «Ну, этим нас не заманят».

Совы (и филины)

Мы совы, мы совы, гнездимся в дупла́х,
В развалинах замков и в старых церквах,
Нам жить здесь уютно, приятна нам тьма,
Не нужно нам света, не нужно ума!
Нас радует плесень, гнилушки и мох
(Особенно тот, что давно уж засох),
Мы света не знаем, но верим, что он
Враждебною силой нам на́зло рожден.

ЯВЛЕНИЕ 7

После слов: «Мой ум остер и дух мой смел...»

Итак, я всем вам предлагаю
Пойти за мной в обитель рая.

Все

Мы что же, мы согласны, мы ведь и сами думали, что оно, конечно, ежели Белая Лилея, это точно что... без этого невозможно.

Сорвал

Если теперь с одной стороны человек, а с другой стороны Белая Лилия, то есть я хочу сказать, если с одной стороны Белая Лилия, а с другой стороны человек, то это самое и выходит.

Халдей

Клянусь природою! Когда я Галактею
В объятиях своих держал, я думал
О Белой Лилии и больше ни о чем.

Инструмент

(Почив) в объятьях Теребинды,
Я Белой Лилии желал.

Сорвал

Клянусь бутылкой, что одну Альконду
Я в Белой Лилии искал,
то есть я хотел сказать наоборот, но это всё равно.

Мортамир

Молчите вы, невинные щенята!
Я триста, 49 000 женщин
Любил зараз, и в этой страшной массе
Не мог найти, чего душа искала.

Неплюй-на-стол

Да, Белая Лилия, да!
Так как же теперь, господа?

Все

Ну, что ж, идти так идти, дело важное.

Неплюй-на-стол

А вот я водочки-то выпил, а закусить за этими разговорами и не успел. Не подкрепиться ли уж всей компанией на дорогу?

Все

Умные речи умно и слышать!

(Садятся, едят и пьют.)

Халдей

Не спеть ли песню нам, друзья?

Неплюй-на-стол

Всегда к услугам вашим я.

Инструмент

Халдей, ты первый запевай, —
Ну, не ломайся, начинай!

Халдей

(поет)

Цветы все мы любим,
Но часто их губим,
В том сами они виноваты.
Растут у дороги,
Суются под ноги,
Зато и бывают измяты.
В глубоком просторе
Индийского моря
Немало жемчужин таится,
Зарыты далёко, —
Всё ж зоркое око
Людское не даст им укрыться.
Их сетью поймают,
Им сердце пронзают
И вяжут их нитью шелковой,
Томятся в неволе,
Клянут свою долю,
Но сбросить не могут оковы.
Всех звезды умнее,
Вверху пламенея,
На землю глядят без тревоги,
Лампады вселенной
В красе неизменной
Блаженны и вечны, как боги.

Все

Теперь ты спой нам, Инструмент!
Ну, Инструмент!

Инструмент

В один момент!

(Поет)

В былые годы любви невзгоды
Соединяли нас,
Но пламень страсти не в нашей власти,
И мой огонь угас.
Пускай мы ныне в людской пустыне
Сошлись опять вдвоем,
Уж друг для друга любви недуга
Мы вновь не принесем.
Весна умчалась, и нам осталась
Лишь память о весне
Средь жизни смутной, как сон, минутной,
Как счастие во сне.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

После слов: «Мы закусим тот же час».

Песнь Сорвала

Если пагубною страстью
Ты к ботинкам одержим,
То, чтоб не было несчастья,
Соблюдай такой режим:
Ты изрежь их на кусочки
И, немного посолив,
Кушай с ка́порцами или
В соусе из чернослив.
Если ж хочешь, как пилюли,
Ты ботинки поглощать,
То советую немедля
Их водою запивать.

Там же

После слов: «Назад вернется в колеснице».

А теперь вам лучше сесть
С нами выпить и поесть.

(Садятся и едят, перекидываясь краткими музыкальными фразами вроде следующих)

— Передайте мне селедку!
— Передайте мне салат!
— Как? Уж всю покончил водку?
— Это скверно, брат!

Там же

После слов: «Служат эти шпаги».

Мортамир ост⟨ается⟩ с медв⟨едем⟩ и в патет⟨ическом⟩ монологе объясн⟨яет⟩, что почувст⟨вовал⟩ к нему сверхъест⟨ественную⟩ симп⟨атию⟩, он раздир⟨ает⟩ св⟨ою⟩ хламид⟨у⟩ и перев⟨язывает⟩ рану медведя, кот⟨орый⟩ смотр⟨ит⟩ на него с нежн⟨остью⟩, но ничего не говорит. Затем, несмотря на ухаж⟨ивания⟩ Мортамира, медведь испуск⟨ает⟩ жалобн⟨ый⟩ стон и умирает. Мортамир впад⟨ает⟩ в мрачное отчаяние и, зарыв медведя в мог⟨илу⟩, произн⟨осит⟩ [нрзб] монолог, после которого пронз⟨ает⟩ себя кинж⟨алом⟩. Но удар оказ⟨ывается⟩ несмертельным, и он только орош⟨ает⟩ кровью мог⟨илу⟩ медведя. Тогда над нею появл⟨яется⟩ Белая Лилия, кот⟨орая⟩ гов⟨орит⟩

ЯВЛЕНИЕ 2

Белая Лилия

От тебя, мой милый,
Я не скрою, что
Под моей могилой
Не лежит никто.

Мортамир

Как? А медведь?

Белая Лилия

Медведь исчез, и шкура испарилась.

Зат‹ем› она объясн‹яет› ему, что под медв‹ежьей› шкурой скрыв‹алась› она сама, превр‹ащенная› Сатаной, но что люб‹овь› Мортамира к медведю и его собств‹енные› страд‹ания› изгнали [нрзб] вражьи чары и что кровь Мортамира дала ей возможность вопл‹отиться› и яв‹иться› как жив‹ому› челов‹еку› [нрзб] они соединяются узами любви, но при этом от излишнего блаженства оба умирают в одно мгновение. Окрестные поселяне наход‹ят› их тела и предают их земле с пением соответств‹ующих› обст‹ановке› песней. На могиле Мортамира вырастают розы, а на могиле Белой Лилии — белые лилии. После этого на сцене появл‹яются›Галактея, Альконда и Теребинда. Они в жалобн‹ом› монол‹оге› объясн‹яют› публике, что любили ужасно много мужчин, но что все мужч‹ины› такие подлецы и что они, не найдя в них удовл‹етворения›, занялись изуч‹ением› абиссинского языка, но так как и абис‹синский› яз‹ык› не мог доставить им полного блаженства, то, пройдя все стадии иллюзии, они решились смертию окончить жизнь свою, для чего и пришли в это уединенн‹ое› место. Явл‹яются› кавалеры и говорят приблизительно то же, что и дамы. Они узнают друг друга и перед смертию хотят об‹меняться› подарками и, за неимением ничего другого, кавалеры срывают белые лилии и дарят их дамам, а эти последние дарят своим кавалерам розы. Но лишь только совершился этот обмен, как дамы чувствуют к своим кавалерам возвышеннейшую страсть и утверждают, что через них они должны получить то полное блаженство, которого не могло им дать изучение абиссинского языка. В свою очередь каждый кавалер узнает в своей прежней возлюбленной Белую Лилию, которую они так долго и тщетно искали, и воспламеняется к ней непреодолимой страстью. После чего они соединяются друг с другом самым благородным манером и, сойдясь вместе, устраивают пиршество из вина и фруктов, на котором поют хором следующее:

Белую лилию с розой...

ЯВЛЕНИЕ 5

После слов: «С алою розою мы сочетаем».

На облаках показываются тени Мортамира и Белой Лилии, которые благословляют своих друзей на дальнейшее преуспеяние. Затем является воздушная колесница, на которой три пары отправляются в кругосветное путешествие для распространения блаженства по всей земле.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сборники стихотворений В. С. Соловьева начали выходить еще при жизни поэта: до лета 1900 г. появилось три издания (М., 1891; СПб., 1895; СПб., 1900), включившие, однако, лишь часть его стихотворного наследия. С 1900 по 1921 г. вышло четыре посмертных издания: 4-е изд. (М., 1901) — под редакцией брата поэта М. С. Соловьева; 5-е изд. — перепечатка предыдущего; 6-е изд. (М., 1915) и 7-е изд. (М., 1921) — под редакцией сына М. С. Соловьева, С. М. Соловьева. Наиболее полными из них являются 6-е и 7-е. В 1922 г. были впервые собраны воедино и изданы С. М. Соловьевым «Шуточные пьесы Владимира Соловьева» (М., 1922).

Первые посмертные публикации стихотворений В. С. Соловьева связаны с появлением в печати его писем к друзьям (см.: «Русское обозрение», 1901, № 1; альманах «Северные цветы», М., 1901; «Вестник Европы», 1902, № 8 и др.). При этом впервые увидели свет его шуточные стихотворения, ранее, за отдельными исключениями, известные лишь в кругу его друзей и резко менявшие общий облик Соловьева-поэта. Мистически настроенные друзья и родственники В. С. Соловьева были явно шокированы впечатлением, производимым этими стихотворениями, собранными вместе, и, когда Э. Л. Радлов решил издать письма В. С. Соловьева, многие из этих друзей (Л. М. Лопатин, С. Н. Трубецкой и др.) отказались предоставить имеющиеся в их распоряжении материалы «не только, — как писал Л. М. Лопатин Э. Л. Радлову, — ввиду откровенных характеристик в них лиц, еще живых или недавно умерших... но и ввиду некоторых капризных особенностей стиля» (ПД). Э. Л. Радлов и сам в значительной мере разделял эти опасения. В предисловии ко 2-му тому «Писем» (СПб., 1909) он писал, что сомнение в правомерности подобных публикаций «может закрасться в душу читателя, когда он ознакомится с содержанием этого тома, в котором талант философа обнаруживается в сфере, имеющей мало общего с философией», но выражал, однако, надежду, что материалы эпистолярного наследия Соловьева, «несмотря на их иногда легкий тон и интимный характер... не послужат во вред памяти философа», у которого была «чистая, благочестивая и святая душа» (Письма, т. I, с. III). И С. М. Соловьев откровенно выступил против всякой публикации шуточных стихотворений. В письме к Э. Л. Радлову от 22 января 1914 г. он заявил: «Для всякого постороннего читателя автор таких

стихов кажется кощунствующим сквернословом» (ПД). Поэтому в 6-м изд. «Стихотворений» В. С. Соловьева шуточных стихотворений нет вообще, а в 7-м опубликовано, главным образом, то, что уже раньше увидело свет в «Письмах» (тт. 1—3, СПб., 1908—1911), в кн. «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке» (т. 5, СПб., 1913) или в журнальных публикациях («Богословский вестник», 1915, № 9 и 1916, № 1 и др.). Значительное число наиболее социально острых или скептических, «кощунственных» произведений Соловьева, разбросанных в изданиях писем и в отдельных журнальных публикациях, впервые собрано в настоящем издании.

Однако, несмотря на сказанное, посмертные (4-е — 7-е) издания «Стихотворений» В. С. Соловьева были значительным шагом в собирании его наследия. Они предпринимались с привлечением рукописей из архива поэта, в частности — из трех больших рукописных альбомов, местонахождение которых в настоящее время неизвестно. М. С. Соловьев, а затем и С. М. Соловьев значительно расширили корпус стихотворений за счет привлечения напечатанного в газетах и журналах, выявили первые прижизненные публикации большинства стихотворений, а также уточнили по рукописям даты, указанные в 3-м изд. зачастую ошибочно. Поскольку большинство документов, бывших в распоряжении М. С. и С. М. Соловьевых, в настоящее время недоступно исследователям, 6-е и 7-е издания приобретают особую источниковедческую ценность. После 1922 г. отдельных изданий произведений Соловьева не появлялось; лишь некоторые из его стихотворений включались в антологии: «Русская эпиграмма XVIII—XIX в.», «Библиотека поэта» (М. с.), Л., 1958; «Поэты 1880—1890-х годов», «Библиотека поэта» (М. с.), М.—Л., 1964, и др.

Настоящее издание является более полным, чем предыдущие. Оно охватывает почти все оригинальные произведения В. С. Соловьева и большую часть переводов.

Вместе с тем в настоящее издание не вошли переведенная Соловьевым часть «Энеиды» Вергилия (гл. 6 — совместно с А. А. Фетом и самостоятельно переведенные гл. 7, 8 и 10), ряд стихотворений из разных архивных собраний, небольшие стихотворные отрывки из статей и писем Соловьева, мало понятные вне контекста, а также некоторые незавершенные стихотворения (самое большое из них — «Чародейство» — ПД). Два ранних шуточных стихотворения, первоначально опубликованные в «Новом времени» («Скептик» и «Признание даме, спрашивающей поэта, отчего ему жарко»), а затем вошедшие в состав «Белой лилии» и в прижизненные издания стихотворений не включавшиеся, печатаются только в тексте пьесы.

В текстологическом отношении издание стихотворений Соловьева, в особенности опубликованных после его смерти, ставит перед исследователем ряд сложных вопросов. Не относясь, по крайней мере очень долгое время, к своим стихотворениям как к заслуживающим серьезного внимания (см. вступит. статью, с. 22) и вместе с тем охотно распространяя их в кругу родных и друзей, Соловьев зачастую создает ряд вариантов, из которых весьма трудно выбрать «канонический» текст. Анализ рукописей и посмертно по письмам опубликованных стихотворений при этом неопровержимо доказывает, что более поздние варианты отнюдь не представляют собой результата специальной работы над текстом, а, напротив, возникают

как простая замена слова из «канонического» текста (например, вошедшего в прижизненные издания стихотворений) изометричным ему словом или даже включают простые пропуски забытых слов. Поэтому для прижизненно опубликованных текстов отдается предпочтение их печатным вариантам, даже если имеются автографы с более поздней датой. Для стихотворений, опубликованных посмертно, при наличии незначительных вариантов, предпочтение отдается наиболее авторитетным и текстологически тщательным 6-му и 7-му изд. стихотворений. Основные разночтения, если автографы утрачены, даются по этим изданиям в разделе «Другие редакции и варианты». Следует также учесть и наличие вариантов в стихотворениях, рассылавшихся Соловьевым разным адресатам. При наличии в первых публикациях цензурных купюр, отсутствующих в 4-м (изданном после революции) томе «Писем В. С. Соловьева», стихотворения печатаются по этому изданию.

Большинство стихотворений датируются по последнему прижизненному изданию. Однако некоторые даты обозначены в нем В. С. Соловьевым неточно, и они исправлены в 6-м и 7-м изд. (а частично уже в 4-м изд.) М. С. и С. М. Соловьевыми. Даты, установленные в этих двух изданиях на основании автографов, 1-го изд. и других достоверных источников, используются в настоящем издании без специальных оговорок в примечаниях. Среди остальных датировок особой достоверностью отличаются содержащиеся в копии, снятой в 1913 г. М. А. Петровским с альбома С. М. Мартыновой (частное собрание Ф. А. Петровского, Москва), поскольку стихотворения В. С. Соловьева заносились в этот альбом в хронологическом порядке и вскоре после их написания. Даты, заключенные в угловые скобки, означают время, не позднее которого написано данное стихотворение, в большинстве случаев — это даты первых публикаций. Даты с вопросительными знаками являются предположительными. Уточнение датировки стихотворений, извлеченных из писем, иногда затруднительно, так как включение их в письмо с определенной датой не является безусловным свидетельством времени их написания. В этих случаях под текстом ставится год в угловых скобках, то есть год, не позднее которого могло быть написано то или другое стихотворение, а в примечаниях отмечается точная или предположительная дата письма. Точные даты под текстом воспроизводятся в случаях, когда из содержания письма очевидно время написания стихотворения.

В настоящем сборнике произведения размещаются в следующих основных разделах: «Стихотворения», «Шуточные пьесы», «Другие редакции и варианты» и внутри разделов располагаются в хронологическом порядке.

Звездочка перед номером примечания означает, что в разделе «Другие редакции и варианты» печатаются разночтения к тексту данного произведения. Библиографическая справка содержит сведения о первой публикации, далее перечисляются издания, в которых текст печатался с изменениями, затем указывается источник, по которому печатается текст. Ссылки на первую публикацию и на источник текста даются с указанием страниц. В примечаниях отмечается наличие и местонахождение автографов, оговариваются случаи невхождения того или иного стихотворения в прижизненные издания,

при этом учитывается то обстоятельство, что стихотворения, появившиеся после выхода 1-го изд. (цензурное разрешение от 10 апреля 1891 г.) и 2-го (цензурное разрешение от 20 марта 1895 г.), естественно, могли войти только в очередное издание. Указания на место создания стихотворений, в прижизненных публикациях то вводившиеся, то исключавшиеся поэтом, сохраняются лишь в том случае, если они имеют прямое отношение к содержанию текстов или дают сведения для датировки.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

Альбомы № 1—3 — утраченные рукописные тетради, бывшие в распоряжении М. С. Соловьева и С. М. Соловьева при подготовке Стих. 6 и Стих. 7.
БВ — «Богословский вестник».
ВЕ — «Вестник Европы».
Величко — В. Л. Величко, Владимир Соловьев. Жизнь и творения, СПб., 1902.
ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
Копия альбома С. М. Мартыновой — копия альбома С. М. Мартыновой, сделанная в 1913 г. М. А. Петровским, — частное собрание Ф. А. Петровского (Москва).
КН — «Книжки недели».
НВ — «Новое время».
ПД — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом).
Письма, 1—4 — Письма Владимира Сергеевича Соловьева, под ред. Э. Л. Радлова, т. 1, СПб., 1908; т. 2, СПб., 1909; т. 3, СПб., 1911; т. 4, СПб., 1923.
РВ — «Русский вестник».
СВ — «Северный вестник».
Стасюлевич — «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. 5, СПб., 1913.
Стих. 1 — Стихотворения Владимира Соловьева, М., 1891.
Стих. 2 — Стихотворения Владимира Соловьева, изд. 2, дополненное, СПб., 1895.
Стих. 3 — Стихотворения Владимира Соловьева, изд. 3, дополненное, СПб., 1900.
Стих. 4 — Стихотворения Владимира Соловьева, изд. 4, М., 1901.
Стих. 6 — Стихотворения Владимира Соловьева, изд. 6, М., 1915.
Стих. 7 — Стихотворения Владимира Соловьева, изд. 7, М., 1921.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства в Москве.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. «Русская мысль», 1910, № 5, с. 156, в письме к Е. В. Романовой (в замужестве Селевиной) от 26 марта 1872 г. Е. В. Романова — двоюродная сестра Соловьева со стороны матери. В студенческие годы Соловьев был влюблен в свою кузину и собирался на ней же-

ниться, однако отец Соловьева осудил намерения сына, и брак расстроился. Посылке стихотворения сопутствует следующее размышление: «Главное дело в том, что эта «наука» не может достигнуть своей цели. Люди смотрят в микроскопы, режут несчастных животных, кипятят какую-нибудь дрянь в химических ретортах и воображают, что они изучают природу!.. Вместо живой природы они целуются с ее мертвыми скелетами». В письмах к Е. В. Романовой, по-видимому, встречаются самые ранние по времени стихотворные опыты Соловьева (см.: «За днями дни обычной чередой...» — «Русская мысль», 1910, № 5, с. 175).

2. Письма, 2, с. 193, с загл. «Из бумаг С. П. Хитрово, рожд. Бахметьевой». Печ. по Стих. 6, с. 259. В стихотворении отразились ницшеанские увлечения молодого Соловьева. Античный миф о Прометее, похитившем для людей небесный огонь и жестоко наказанном Зевсом, используется как повествование о грядущем слиянии «небесного» и «земного».

3. Печ. впервые по беловому автографу (ЦГАЛИ). По-видимому, посвящено Е. В. Романовой (см. примеч. 1).

4. Стих. 6, с. 260. До этого отдельные строки цитировались в «Философских началах цельного знания» (1877), «Критике отвлеченных начал» (1877—1880) и в «Чтениях о Богочеловечестве» (1877—1881).

5. А. С. Лукьянов. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы, кн. 3, вып. 1, Пг., 1921, с. 61. Подарено вместе со стих. «Прометею» Е. М. Поливановой, слушательнице Высших женских курсов, в которую Соловьев был влюблен.

6. Стих. 1, с. 28. Автограф — ПД. Написано во время первой заграничной поездки Соловьева, в Лондоне, где он жил с конца июня по 16 октября 1875 г., занимаясь в Британском музее философией (преимущественно мистической). Датируется временем пребывания в Лондоне. Это и ряд последующих стихотворений наиболее отчетливо выражают философское credo Соловьева 1870-х годов.

7. Стих. 1, с. 21. Автограф — ПД. Написано в Каире под впечатлением путешествия в пустыню близ Каира 25—26 ноября 1875 г. Тема свидания с «царицей» связана с мистическими «видениями» Соловьева (см. вступит. статью, с. 11) и подробнее раскрыта в поэме «Три свидания». Положено на музыку И. А. Розенбергом.

8. Стих. 1, с. 22. Печ. по Стих. 2, с. 15. Написано в Каире, после возвращения из пустыни и перед отъездом в Европу. Датируется временем пребывания в Каире. Автограф — ПД. В стихотворении используются образы мистической литературы о Софии Премудрости. *У царицы моей есть высокий дворец* и т. д. — перифраз из «Притчей Соломоновых»: «Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмь» (IX, 1). Начало стихотворения связано с попыткой истолковать мистический смысл числа 7. *Полночный* — северный.

9. Стих. 6, с. 269. Датируется по содержанию как примыкающее к № 7. *Ныне опять ты являешься мне*. Ср. №№ 7 и 119.

10. Стих. 1, с. 39. Список с незначит. разночтениями под загл. «Rondo» — ГПБ. Список (неизв. рукой) с автографа из «Альбома № 1» (см.: Стих. 6, с. 295), находившегося в собрании С. А. Толстой (вдовы А. К. Толстого) — ПД. Вошло в финал пьесы «Белая лилия». *Офиты* (от греч. «офис» — змея) — название древних гностических сект, исповедовавших культ змеи как символа умирающей и воскресающей мировой души. Культ змеи сродни культу Диониса. *Белая лилия* и *роза, голубка* и *змей* — образы, связанные с представлением о синтезе духовного и материального (чувственная любовь) начал и встречающиеся во многих мистических источниках.

***11.** «Русь», 1883, № 7, с. 13, подпись: В. С. Печ. по Стих. 1, с. 36. Написано во время возвращения из Египта в Россию (через Италию и Францию). *Vis ejus integra si versa fuerit in terram* — не вполне точная цитата из мистического сочинения «Tabula smaragdina», по-видимому прочтенного Соловьевым во время занятий в Британском музее в 1876 г. (см.: «Amphitheatrum sapientiae aeternae...», Magdeburgi, anno MDCVIII). В дальнейшем Соловьев процитировал эту же фразу в «Оправдании добра», снабдив ее подстрочным примечанием: «Сила его цела, когда обратится в землю (Tabula smaragdina)» (см.: Собр. соч., т. 7, с. 256). *Царица Китеры* (греч. миф.) — Афродита, богиня любви. Китера (Цитера) — один из Ионических островов, место культа Афродиты. *Хариты* (греч. миф.) — грации, богини-покровительницы красоты и веселья. *Кронос* (греч. миф.) — бог времени. С образом Кроноса (Сатурна) соединялись мысли о возвращении на землю «золотого века» (см. примеч. 228).

12. «Весы», 1909, № 1, с. 59. Адресовано Е. В. Романовой (см. примеч. 1). *В чужой земле брожу я* — стихотворение начато в июне 1875 г. в Лондоне.

13. Стих. 6, с. 265. *О, что за чудный час меж сумраком и светом* и т. д. — неточная цитата из стих. А. К. Толстого «Земля цвела в лугу, весной одетом...».

14. Стих. 6, с. 266. Датируется по местоположению в утраченном автографе из «Альбома № 1» и по месту написания — Красный Рог, где Соловьев жил в августе 1878 г. С. Соловьев, публикуя стихотворение, писал: «Князь Д. Н. Цертелев говорил мне, что выражение *«Туранская Эва»* обязано своим происхождением французскому критику Вогюэ, который жил в то время в Красном Роге и прозвал Софию Петровну Хитрово „Eve Touranienne“» (Стих. 6, с. 348). С. Соловьев считает это стихотворение первым по времени, посвященным С. П. Хитрово (урожденной Бахметьевой), в которую Вл. Соловьев был долго и трагически влюблен.

15. Стих. 1, с. 38. Написано в Дубровицах, при вторичном посещении имения знакомых Соловьева Поливановых, и, по предположению С. Соловьева, навеяно личностью Е. М. Поливановой (см. примеч. 5). Вошло в пьесу «Белая лилия».

16. Стих. 1, с. 74. *В былые годы* и т. д. — см. примеч. 5.

* 17. ВЕ, 1891, № 2, с. 815. Печ. по Стих. 1, с. 13. Автограф с загл. «Другое прости» — ПД. Обращено к С. П. Хитрово (см. примеч. 14). В 1880-х годах Соловьев подолгу жил в имениях вдовы А. К. Толстого, С. А. Толстой, и ее племянницы С. П. Хитрово, — Красном Роге и Пустыньке. Он помогал С. П. Хитрово воспитывать детей, пользовался ее горячей дружбой и одно время уговаривал ее расторгнуть «законный» — церковный — брак во имя подлинной любви, основанной на «родстве душ» и взаимном уважении. В дальнейшем, однако, настроения аскетически толкуемой нравственности победили в Соловьеве, и их отношения были прерваны. Стихотворение написано во время одной из попыток разрыва с С. П. Хитрово. Положено на музыку Л. Л. Лисовским.

18. Стих. 1, с. 29. Автограф — ПД. *Неизданная комедия* — «Белая лилия, или Сон в ночь на Покрова», опубликованная после выхода Стих. 1, в 1893 г.

* 19. «Русь», 1882, № 42, с. 15, подпись: В. С.; Стих. 1. Печ. по Стих. 2, с. 10.

20. «Русь», 1882, № 42, с. 16, подпись: В. С.; Стих. 1; Стих. 2. Печ. по Стих. 3, с. 1. В Стих. 1, 2 и 3 помещалось в начале книги как отражающее творческое credo поэта. В Стих. 2 в подстрочном примечании Соловьева цитата из Библии дана неточно («дух хлада тонка»); начиная со Стих. 3 исправлено на «глас». Автограф с посвящением С. П. Хитрово — ПД. *И, бедное дитя, меж двух враждебных станов* и т. д. — перефразировка стиха А. К. Толстого «Двух станов не боец, а только гость случайный». *Как древле вышний бог избраннику еврею* и т. д. Используется библейский сюжет о пророке Моисее, которому в пустыне являлся бог.

21. «Русь», 1883, № 2, с. 32, подпись: В. С.; Стих. 1. Печ. по Стих. 3, с. 9. В письме к И. С. Аксакову — под загл. «Орфей» (Письма, 4, с. 17). *Пигмалион* — в античной мифологии скульптор, по просьбе которого боги оживили сделанную им статую Галатеи. *Андромеда* (греч. миф.) — дочь царя Кефея, отданная в жертву морскому чудовищу, опустошавшему страну. *Персей* (греч. миф.) — победитель чудовища, спаситель Андромеды. *Алкид* (греч. миф.) — Геракл. *Эвридика* (греч. миф.) — дриада, супруга певца Орфея, погибшая вскоре после свадьбы от укуса змеи. Орфей спускается в царство теней и силой своего искусства заставляет Аида вернуть Эвридику на землю. *Аид* (греч. миф.) — зд.: царство теней. *Владыка смерти бледной* — бог смерти Аид. Ритм второй части стихотворения повторяет ритмику и эмоциональный строй русских переводов «Гимна к радости» Ф. Шиллера.

* 22. РВ, 1885, № 2, с. 834, подпись: В. С.

23. «Русь», 1883, № 13, с. 17, подпись: В. С.; Стих. 1. Печ. по Стих. 2, с. 6. Написано в Рождествине под Серпуховом — имении

приятеля Соловьева, гр. Ф. Л. Соллогуба. Датируется временем пребывания Соловьева в Рождествине, а также днем выхода газеты «Русь» (1 июля).

24. РВ, 1884, № 11, с. 308, подпись: В. С. Печ. по Стих. 1, с. 12. Дата «1885» в Стих. 6 ошибочна. Датируется по первой публикации. Положено на музыку Г. Катуаром и В. Г. Каратыгиным.

25. РВ, 1884, № 11, с. 309, подпись: В. С.; Стих. 2. Печ. по Стих. 3, с. 5. Первое из стихотворений, посвященных А. А. Фету, с которым Соловьева связывали многолетние приятельские отношения, чувство восторженного преклонения, а также совместная литературная работа. *Подслушал ты на царственных вершинах Живую песнь умолкнувших певцов* и т. д. Речь идет о переводах Фета (см. примеч. Соловьева). *Сарматские* — зд.: северные.

***26.** «Антология», изд. «Мусагет», 1911, с. 1. Печ. по Стих. 6, с. 268. Автограф (без 3-й строфы и с измененной концовкой) — ПД. В письме к М. С. Соловьеву от 18 февраля 1885 г. к стихотворению добавлен шуточный «вариант последней строфы», связанный с обстоятельствами сотрудничества Соловьева в «Русском вестнике» Каткова:

Да, не «колеблются» Сионские твердыни.
О, если бы Катков им подражал!
И с щедростью, обычною и ныне,
Мне гонорар за Янссена прислал!

(БВ, 1915, № 9, с. 49). *Сионские твердыни.* Сион — гора и крепость, столица древней Иудеи. Образ Сиона в Библии — символ оплота веры и «царства божия» на земле. *Саронские розы.* Сарон — плодородная равнина на восточном побережье Средиземного моря. «Цветы Сарона» упоминаются в Песни песней (II, 1) и у пророка Исайи (XXXV, 2). В стихотворении используется та же символика розы и лилии, что и в «Песне офитов» и в «Белой лилии» (см. примеч. 10). Положено на музыку Р. М. Глиером.

27. Стих. 1, с. 7. В период написания стихотворения Соловьев изучает итальянский язык, что связано с его интересом к искусству раннего Ренессанса (ср. переводы из Данте и Петрарки).

28. ВЕ, 1886, № 8, с. 613, без посвящения. Печ. по Стих. 2, с. 36. Список (рукой Соловьева?) — ПД. Датировка и указание места написания в Стих. 1 (1886, Загреб) — ошибочны (см. примеч. С. Соловьева в БВ, 1915, № 9, с. 65). Судя по экземпляру газеты «Голос Москвы», который был послан поэтом вместе со стихотворением М. С. Соловьеву, оно написано в начале января 1885 г. (до 1(13) января «Голос Москвы» не издавался, а, с другой стороны, газета упоминается как только что вышедшая, а стихотворение как только что написанное; см.: Письма, 4, с. 104). Положено на музыку Г. Катуаром. *Величко* Василий Львович (1860—1903) — приятель Соловьева, литератор, автор книги «Владимир Соловьев. Жизнь и творения», СПб., 1902.

* 29. РВ, 1885, № 2, с. 834, подпись: В. С.; Стих. 1. Печ. по Стих. 2, с. 8. 22 января 1885 г. Соловьев писал А. А. Фету: «На днях, пересматривая книжку Некрасова, я отступил от правила de mortuis aut bene, aut nihil (о мертвых или хорошо, или ничего (лат.). — *Ред.*)» и приводил первоначальное название стихотворения «Поэту-отступнику (по прочтении «Последних песен» Некрасова)» (Письма, 3, с. 111). Соловьев резко отрицательно относился к «безверию» Н. А. Некрасова и к революционной проблематике его творчества. Эстетическая позиция Соловьева в 1880-е годы, а также его непосредственно литературные симпатии и антипатии формировались под сильным влиянием А. Фета, в круге воздействий которого создавалось и это стихотворение. В 1890-х годах Соловьев пытается стилистически несколько смягчить наиболее резкие антинекрасовские строки, однако по существу его отношение к Некрасову не изменилось. *Когда же сам, разбит, разочарован* и т. д. «Последние песни» Н. А. Некрасова (Пб., 1877) создавались в дни его мучительной болезни.

30. НВ, 1886, 16 февраля, с. 2, подпись: «Князь Эспер Гелиотропов», вместе с №№ 130 и 135. Автограф — в частном собрании М. С. Лесмана. Список (неизв. рукой) с автографа, хранившегося в собрании С. А. Толстой — ПД. По замечанию С. Соловьева, «стихотворение — как бы вольное подражание Гейне» (Стих. 6, с. 305).

31. ВЕ, 1886, № 3, с. 114, без посвящения; Стих. 1. Печ. по Стих. 2, с. 46, с исправлением опечатки «в стороне же» на «в стороне ж». Автограф — ПД. Первое по времени стихотворение Соловьева, связанное с библейским сюжетом. В период его написания Соловьев изучал Библию в связи с работой над книгой «История и будущность теократии (философия библейской истории)», Загреб, 1887. *Саломон А. П.* (1853—1908) — журналист, сотрудник «Вестника Европы», друг Соловьева. В стихотворении использованы мотивы библейской легенды о сорокалетних странствиях иудеев в пустыне. Сюжет этот постоянно привлекал Соловьева, истолковывался аллегорически — как история скитаний души (и «Души мира») в мире зла. *Халдейские равнины, Арамейская земля, Харран, Ур* — упоминаемые в Библии районы Передней Азии. *Что из рода потомков твоих* и т. д. Соловьев истолковывает библейское пророчество как предсказание о появлении Христа.

32. ВЕ, 1886, № 7, с. 372. Положено на музыку Г. Катуаром.

33. ВЕ, 1886, № 8, с. 613; Стих. 1. Печ. по Стих. 2, с. 39. Список (рукой Соловьева?) — ПД. Послано в письме от 18 февраля 1885 г. М. С. Соловьеву (см.: БВ, 1915, № 9, с. 48—49). В Стих. 1 дата: «1886 г.».

34. ВЕ, 1886, № 10, с. 549, без загл., с пометой «Дьяково, в Славонии». Печ. по Стих. 2, с. 41. Написано в Дьякове (Штирийские Альпы), куда Соловьев (резко отходивший в эти годы от русской церкви, но продолжавший возлагать надежды на «теократию будущего») ездил на свидание с католическим епископом Штроссмайером. А. А. Фет считал это стихотворение лучшим в лирике Соловьева.

35. ВЕ, 1886, № 11, с. 269. Печ. по Стих. 1, с. 27. Положено на музыку А. А. Олениным и П. И. Бларамбергом.

36. Стих. 6, с. 272. Написано в период наиболее драматических взаимоотношений с С. П. Хитрово (см. примеч. 14 и 17).

* **37.** ВЕ, 1887, № 11, с. 151. Обращено к С. П. Хитрово (см. примеч. 14 и 17). По поводу «языческих» образов стихотворения Соловьев писал А. Ф. Аксаковой: «Победоносцев вывел бы из него, что я язычник, но Вы, надеюсь, этого заключения не сделаете» (ЦГАЛИ). *Адонис* (греч. миф.) — сын Кинира, царя города Пафа на Кипре, молодой красавец пастух, возлюбленный Афродиты, растерзанный на охоте вепрем и горько оплакиваемый богиней. Символика Адониса как умирающего и воскресающего божества воспринимается Соловьевым также в духе идей «синтеза» (см. вступит. статью, с. 26—27) и в связи с чаянием «золотого века».

* **38.** ВЕ, 1887, № 11, с. 152; Письма, 4. Печ. по Стих. 1, с. 25. Послано 18 сентября 1887 г. М. С. Соловьеву с припиской: «Плод бессонной ночи» (Письма, 4, с. 114). Положено на музыку Э. А. Купер.

39. Стих. 1, с. 30. Печ. по Стих. 2, с. 45. *С Востока звезда.* По евангельскому преданию, в день рождения Христа над городом Вифлеемом зажглась звезда, которая указала путь волхвам, шедшим на поклонение Христу.

40. ВЕ, 1890, № 4, с. 623. Печ. по Стих. 2, с. 49. Частично процитировано в «Оправдании добра». В ПД хранится подаренный Соловьевым А. Н. Пыпину экземпляр Стих. 3 с вклеенным в него автографом, где видно первоначальное (зачеркнутое) название — «Роковой вопрос». *Ирана царь* — Ксеркс (486—465 до н. э.). *Фермопилы* — ущелье, где 300 греков во главе со спартанским царем Леонидом устояли под натиском огромного войска персов. *Прометея небесный дар* — см. стих. № 2. *Эллада* — Греция. *И кто ж до Инда и до Ганга* и т. д. — поэтическая картина расходится с историческими фактами. *Македонская фаланга* — способ построения войск, введенный Александром Македонским. *Рима царственный орел.* Орел — легионерский знак римских войск, зд.: римские войска. *И свет с Востока засиял.* Имеется в виду зарождение христианства. *Тот свет... с Востоком Запад примирил.* Соловьев не только надеялся на объединение западного католицизма и восточного православия, но и лелеял утопическую мечту о будущем братстве всех народов в духе «золотого века» Ф. М. Достоевского («Подросток»). В процессе всечеловеческого объединения решающая роль отводилась им России. *Востоком Ксеркса иль Христа?* — т. е. страной «восточного» деспотизма или носителем «всечеловеческих» начал любви.

41. СВ, 1892, № 10, с. 236. Сохраняется датировка С. М. Соловьева, однако под вопросом, так как в копии альбома С. М. Мартыновой стихотворение помещено между стих. «Имману-эль» (дата «11 марта 1892») и стих. «Стих последний, прошу, не примите буквально..»

(дата «21 мая 1892»). При сохранении даты «1890» стихотворение следует рассматривать как присоединенное к «мартыновскому циклу» задним числом. См. примеч. 45.

42. ВЕ, 1891, № 9, с. 340. Печ. по Стих. 2, с. 53. Автограф — ПД. 23 августа 1891 г. послано В. Л. и М. Г. Величко как «недавно написанное и еще не напечатанное» (Письма, 1, с. 194).

* 43. Стих. 2, с. 56. Печ. по Стасюлевич, с. 363 (с исправлением опечатки «брошен» на «брашен»). В Стих. 2 и 3 — в приспособленном для цензуры виде (без строф 1—4 и 15 и без иронического «посвящения» К. П. Победоносцеву). Первоначальные названия стихотворения — «Навуходоносор», потом — «Небукаднецар» в «Альбоме № 3» (см.: Стих. 6, с. 306). Посылая его редактору-издателю ВЕ М. М. Стасюлевичу, Соловьев писал 8 ноября 1891 г.: «Если бы встретились цензурные затруднения, то существует хороший прецедент: стихотворение Хомякова на ту же тему и столь же резкое по содержанию, хотя более слабое (vive la modestie!) (да здравствует скромность! (франц.) — *Ред.)* по форме. У меня сохранена couleur locale (местный колорит (франц.). — *Ред.)* и нет слишком определенных намеков, тогда как Хомяков обвиняет Навуходоносора за преследование печати, которая, насколько известно, даже вовсе не существовала в те времена» (Стасюлевич, с. 362). Стихотворение вызвано все возраставшим протестом против реакционной политики Победоносцева (см. вступит. статью, с. 35). *Небукаднецар* — Навуходоносор II (604—561 до н. э.) — вавилонский царь. Изгнал египтян из Сирии, разрушил Иерусалим, восстановил Вавилон как столицу мира. В Библии — олицетворение высокомерия. *Победоносцев К. П.* (1827—1907) — с 1880 г. обер-прокурор святейшего Синода, один из вдохновителей реакционной внутренней политики в эпоху Александра III. *Мусикийский* — музыкальный. *Брашна* (др.-русск.) — еда, снедь. *Нахараим* (Нахор) — перевал через главный Кавказский хребет, зд.: Кавказ. *Твердь* — небо. *Они творца того кумира* и т. д. — согласно библейской легенде, Навуходоносор был превращен в быка.

44. Письма, 2, с. 194. В изд. стих. не входило. По словам Э. Л. Радлова, стихотворение входило в одно «частное письмо» (скорее всего, в письмо к С. М. Мартыновой, см. примеч. 45).

* 45. СВ, 1892, № 9, с. 142, без строки отточий, предваряющей стихотворение. Печ. по Стих. 2, с. 20. Стихотворение начинает так называемый «мартыновский цикл». При жизни Соловьева стихотворения печатались не полностью, но неизменно как некое цикловое единство. В копии альбома С. М. Мартыновой отчетливо видна попытка поэта представить «мартыновский цикл» как единый лирический «роман в стихах», о чем свидетельствуют подзаголовки разделов «Завязка», «Коллизия», «Развязка». В дальнейшем посвященные С. М. Мартыновой стихотворения циклизуются иначе: выделяется группа публикуемых стихотворений (без посвящения), особо формируются два цикла акростихов, обладающих каждый в отдельности единством. При жизни поэта они, однако, не публиковались, так же как и ряд разрозненных шуточных посланий С. М. Мартыно-

вой. Даты, которыми снабжено большинство текстов в «мартыновском альбоме», следует считать относящимися ко времени создания стихотворений, а не занесения их в альбом. Это дает основание ссылаться на альбомные датировки, когда другие источники определения дат отсутствуют.

46. Стих. 2, с. 21. Печ. по Стих. 3, с. 20.

47. Стих. 6, с. 278. Это и следующее стихотворение из группы акростихов («Сафо»), посвященных С. М. Мартыновой. См. примеч. 45.

48. Письма, 4, с. 158. Датируется по местонахождению в копии альбома С. М. Мартыновой. См. примеч. 45.

* **49.** Стих. 6. с. 279. Датируется по копии альбома С. М. Мартыновой, где под загл. «Воскресное падение из саней». См. примеч. 45.

50. Стих. 6, с. 281. Датируется по копии альбома С. М. Мартыновой, где имеется помета: «В Девичьем монастыре». См. примеч. 45.

51. Письма, 4, с. 159. Автограф с первой строкой: «Три дня тебя не видеть, ангел милый...» — ПД. Датируется по копии альбома С. М. Мартыновой, где под загл. «Коллизия» и с зачеркнутым (Вл. Соловьевым?) подзаголовком «Исключительно нравственные тернии».

52. Письма, 4, с. 159. Датируется по местонахождению в посланном С. М. Мартыновой авторском списке и в копии альбома (между № 51 — дата «31 января 1892» и № 55 — дата «3 февраля 1892»).

53. Письма, 4, с. 159. Датируется по копии альбома С. М. Мартыновой, где под зачеркнутым (Вл. Соловьевым?) загл. «Развязка» и с подзаголовком «Резигнация».

* **54.** СВ, 1892, с. 236, с эпиграфом: «Помедли здесь еще, на этом пепелище Твоих надежд земных...» из стих. А. К. Толстого «О, не спеши туда, где жизнь светлей и чище...» Печ. по Стих. 2, с. 59. *В милую сердцу страну.* Речь идет о Пустыньке (см. примеч. 17). *Вижу ее на пожарище тлеющем.* В начале 1892 г. в Пустыньке сгорел старый дом. *Жизни там две сожжены.* Воспоминание о любви к С. П. Хитрово. *Новое что-то вдали начинается* — ср. лирический цикл, обращенный к С. М. Мартыновой. *Тосна* — река, на берегу которой стояла Пустынька.

55. «Помочь. Вологодский сборник в пользу пострадавших от неурожая», СПб., 1892, с. 364. Печ. по Стих. 2, с. 61. Датируется по копии альбома С. М. Мартыновой. *Иммануэль* (др.-евр.) — с нами бог. *Слово... Рожденное под яслями давно* — согласно евангельской легенде, Христос родился в хлеву.

56. СВ, 1892, № 7, с. 218. Датируется по указанию в письме к С. М. Мартыновой: «В ночь на 3-е июня... я произвел два стихотво-

рения: одно короткое и печальное — о западном ветре, а другое — длинное и веселое — о скипидаре» (см. № 155) (Письма, 4, с. 155). Согласно широкому кругу европейских фольклорных источников, запад — страна горя и смерти. Положено на музыку А. В. Таскиным.

57. СВ, 1892, № 7, с. 218. В изд. стих. не входило. В письме к Л. Я. Гуревич от 12 июня 1892 г. Соловьев, посылая в СВ это стихотворение вместе с № 56, пишет: «Вот вам два стихотворения, которые нужно напечатать непременно вместе, так как противоположность их мотивов отнимает у обоих слишком личный и, так сказать, автобиографический характер, который и нежелателен» (Письма, 3, с. 134). В копии альбома С. М. Мартыновой расположено перед № 156, который датирован 15 июня 1892 г.

***58.** ВЕ, 1892, № 8, с. 752. Печ. по Стих. 2, с. 27. Беловой автограф — ЦГАЛИ. На нем помета (М. М. Стасюлевича?) — «Булонь. 6 августа 1892» (дата получения автографа). Датируется по копии альбома С. М. Мартыновой.

59. СВ, 1892, № 9, с. 142. Печ. по Стих. 2, с. 28. Послано (так же, как и № 60) А. А. Фету в письме, написанном до 22 июля 1892 г. (см.: Письма, 4, с. 229). Датируется по копии альбома С. М. Мартыновой. Положено на музыку А. А. Спендиаровым и А. В. Таскиным.

60. ВЕ, 1892, № 8, с. 753. Печ. по Стих. 2, с. 29. Автограф — ЦГАЛИ и вариант — копия альбома С. М. Мартыновой. Автограф с загл. «Слова для цыганской песни» — частное собрание Ф. А. Петровского. Датируется по копии альбома С. М. Мартыновой.

61. ВЕ, 1892, № 10, с. 811. Датируется по копии альбома С. М. Мартыновой. В письме к Стасюлевичу от 12 сентября 1892 г. тексту предшествуют слова: «Так как Буренин ругал меня за стихи, то, чтобы показать, как мало мы его боимся, вот вам стихотворение, которое может еще, я думаю, попасть в октябрьскую книгу» (Стасюлевич, с. 370).

62. Стих. 2, с. 30. Датируется по копии альбома С. М. Мартыновой. Послано в письме к ее именинам (30 сентября).

63. Стих. 2, с. 32. Датируется по копии альбома С. М. Мартыновой.

64. Стих. 2, с. 33. Печ. по Стих. 3, с. 32. Датируется по копии альбома С. М. Мартыновой. *Но я чую, чую запах розы* — ср. №№ 46—47. *Дриада* (греч. миф.) — нимфа, покровительница деревьев.

65. Стих. 2, с. 23. Датируется по местонахождению в копии альбома С. М. Мартыновой.

66. Стих. 2, с. 24.

67. Стих. 2, с. 25.

68. ВЕ, 1893, № 2, с. 619. Печ. по Стих. 2, с. 34. Датируется по копии альбома С. М. Мартыновой.

69. ВЕ, 1893, № 2, с. 620. Печ. по Стих. 2, с. 35. Датируется по копии альбома С. М. Мартыновой.

70. ВЕ, 1893, № 9, с. 342, вместе с №№ 71—72, под общим названием «„На просторе“ (Путевые впечатления)». Печ. по Стих. 2, с. 66. 30 июля 1893 г. Соловьев писал из Стокгольма, посылая это стихотворение брату Михаилу: «Я первую ночь сидел на палубе до восхода солнечного, в честь которого написал стихи... Не знаю, каковы стихи, но за истинность происшествия ручаюсь» (Письма, 4, с. 127). *Звезда Афродиты* — планета Венера.

71. ВЕ, 1893, № 9, с. 342 (см. примеч. 70). Печ. по Стих. 2, с. 67. В письме к М. С. Соловьеву от 1 августа 1893 г. Соловьев писал: «Еду... завтра в Упсалу» (Письма, 4, с. 128). Во время этой поездки, вероятно, написано стихотворение. В Стих. 6—7 ошибочно датировано 6 августа 1899 г. *Упсала* — город в Швеции. *Знать, недаром из Кашмира.* Речь идет об имевшей хождение в конце XIX в. гипотезе о приходе арийцев (германцев и славян) из Индии.

72. ВЕ, 1893, № 9, с. 343 (см. примеч. 70). Печ. по Стих. 2, с. 68.

73. ВЕ, 1893, № 10, с. 752, без посвящения, под загл. «На просторе. Путевые впечатления, IV», т. е. как продолжение №№ 70—72. Печ. по Стих. 3, с. 72. В ВЕ к «Песне горцев» — более развернутое, чем в Стих. 3, примечание: «Вставленная в это стихотворение песня есть отчасти перевод из Вальтер-Скотта «Lady of the Lake» (Дева озера (англ.). — *Ред.*); строфа: «Гордо наш пэброх» etc. переведена почти буквально. Пэброх — название воинского клича шотландских кланов. Образчик такого «пэброха» (на коренном шотландском, или гаэльском, языке) находится в самой песне и означает: «Да здравствует Родериг Черный, потомок Альпина» (имя начальника клана). Прочие собственные имена относятся к различным местностям средней Шотландии, на которые простирались набеги клан-альпинских горцев» (с. 754). Написано в Шотландии, в Инверснеде на Лох-Ломонде. Посылая стихотворение 7 (19) сентября 1893 г. Стасюлевичу, Соловьев писал: «Вот Вам... возвещенная в моей телеграмме poesie. Не смущайтесь некоторыми неизреченными глаголами: они так же дики для английских читателей Вальтер-Скотта, как и для Ваших читателей «Вестника Европы»... Впрочем, этот гаэльский клич, не переводимый в стихах, переведен прозой в примечании — мною так же, как и Вальтер-Скоттом» (Стасюлевич, с. 373). *Соллогуб Ф. Л.* (1848—1890) — любитель-поэт и художник, племянник писателя В. А. Соллогуба, близкий друг Соловьева. *Альпин* — вымышленное название клана. *Троссах, Монтэйт, Глэн-Фруин, Баннохар* и др. — названия местностей в Шотландии. *Пиброх* — военная песня.

74. ВЕ, 1893, № 12, с. 748, под загл. «На просторе. Путевые впечатления, V», т. е. как продолжение №№ 70 -73. Печ. по Стих. 2, с. 73.

75. ВЕ, 1894, № 1, с. 5, без подзаголовка. Печ. по Стих. 3, с. 66. Список (неизв. рукой) с пометой «Динар, дек. 1893» — ПД. Послано Стасюлевичу из Парижа в письме от 25 ноября 1893 г. (см.: Стасюлевич, с. 377).

76. Стих. 2, с. 65. Автограф — ПД.

77. Письма, 1, с. 83, в письме Н. Я. Гроту от 3 января 1894 г. *Або* — город в Финляндии. *Чтобы насилия прилив О камни финские разбился.* По словам С. Соловьева, эти строки навеяны размышлениями Соловьева о судьбах порабощенной Финляндии (см.: Стих. 6, с. 40).

78. Стих. 6, с. 283. Датируется по копии альбома С. М. Мартыновой. Акростихи «Сафо» (см. №№ 47—48) своей «высокой» тональностью противостоят шуточным акростихам «Матрена» (см. №№ 158—159). *Сходня* — станция, неподалеку от которой, в деревне Морщиха, Соловьев жил летом 1892 г.

79. ВЕ, 1894, № 11, с. 224. Печ. по Стих. 2, с. 74. Послано Н. Я. Гроту в письме от 1 октября 1894 г. с пометой: «26 сентября» (см.: Письма, 1, с. 94).

* **80.** ВЕ, 1894, № 11, с. 224, без заглавия и посвящения. Печ. по Стих. 2, с. 75. Послано Н. Я. Гроту с пометой: «27 сентября» (см.: Письма, 1, с. 94). В автографе, имевшемся в распоряжении С. Соловьева, это стихотворение, вместе с предыдущим, входило в цикл «Монрепо». *Лопатин* Лев Михайлович (1855—1920) — философ-идеалист, друг детства Соловьева.

81. «Вопросы жизни», 1905, № 8, с. 27. Печ. по Стих. 6, с. 287. Датируется по Письма, 3, с. 336. В 1894 г., в период создания этого программного стихотворения, Соловьев интересуется историей Византии и пишет очерки «Византия и Россия». *Когда в растленной Византии* и т. д. — история падения Византии соотнесена с идеей «Москва — третий Рим» (см.: И. Будовниц, Русская публицистика XVI века, М.—Л., 1947; Р. Дмитриева, Сказание о князьях Владимирских, М.—Л., 1935; А. Л. Зимин, О политической доктрине Иосифа Волоцкого. — Труды Отдела древнерусской литературы, т. 9, 1953). *Мессия* — Христос. *Тогда он поднял от Востока* и т. д. Речь идет о завоевании Византии турками в 1453 г. *Рим второй* — Византия. *Судьбою павшей Византии* и т. д. Полемика с идеей «Москва — третий Рим» в ее самодержавно-клерикальном истолковании историками погодинской школы и позднеславянофильской публицистикой. Мысль о том, что национальная миссия России может быть выполнена только на основе любви и ненасилия (веры, а не бюрократии), сближает Соловьева с поздним Тютчевым (ср. «Два единства» и др.). *От вод малайских до Алтая* и т. д. Имеется в виду вопрос о так называемой «желтой опасности», активно обсуждавшийся в реакционной публицистике конца XIX в. Позиция Соловьева в данном вопросе совпадала с православнофильской. *И третий Рим лежит во прахе, А уж четвертому не быть.* Перефразировка известной формулировки старца Филофея: «Два Рима пали, третий стоит, четвертому не бывать».

82. ВЕ, 1894, № 11, с. 226, с подзаголовком «1. В бурю», вместе с № 83 под общей датой: «3—5 октября». Печ. по Стих. 3, с. 80. Послано Н. Я. Гроту с пометой: «3 октября» (см.: Письма, 1, с. 94). В Стих. 6—7 под загл. «Сайма в бурю» по автографу в «Альбоме № 3».

83. ВЕ, 1894, № 11, с. 226, вместе с предыдущим стихотворением под общим загл. «Сайма» и с подзаголовком «2. На другое утро». Печ. по Стих. 2, с. 78.

84. ВЕ, 1894, № 12, с. 629, под загл. «У Саймы в полдень» и без посвящения. Печ. по Стих. 2, с. 79. В Стих. 6—7 под загл. «Сайма в полдень» по автографу в «Альбоме № 3». *Ауэр Н. Е.* — приятельница Соловьева со времен его первой поездки за границу. В начале 1890-х годов Соловьев на Сайме вновь встретился с Н. Е. Ауэр.

85. ВЕ, 1894, № 12, с. 630, под загл. «Последняя любовь». Печ. по Стих. 2, с. 80. В Стих. 6—7 под загл. «Последняя любовь» по автографу в «Альбоме № 3». После опубликования стихотворения, в котором речь идет об озере Сайма, черносотенная и желтая пресса стала распространять «сенсационные» слухи о романе философа с финской девушкой. В предисловии к Стих. 3 Соловьев иронически оправдывался: «Одно северное озеро, небезызвестное в географии и полюбившееся мне... оказалось в глазах неофициального Катона легкомысленною особой женского пола, и я подвергся внушительному порицанию за то, что на склоне лет увлекаюсь юношескими чувствами и распространяюсь о них в печати. Сознаюсь, что подал повод к такому обвинению: нужно выражаться яснее. Если вдохновляешься озером, то так и говори» (Стих. 3, с. XII—XIII).

86. ВЕ, 1895, № 2, с. 457, без посвящения. Печ. по Стих. 2, с. 81. В письме к В. Л. Величко Соловьев пишет «„Ночь на Рождество" в указанном вами месте исправил так:

Родился в мире свет, и свет отвергнут тьмою,
Но светит он средь тьмы, где грань добра и зла.

Таким образом, entre chien et loup (между собакой и волком (франц.) — *Ред.*) исчезло. Так как это стихотворение вам нравится, то позвольте посвятить вам его в приготовляемом новом издании моих стихов (у Стасюлевича нельзя — он противник всяких посвящений). Справедливость требовала бы посвятить вам весь сборник, но это вышло бы слишком симметрично и вызвало бы, наверно, недоброжелательные замечания» (Письма, 1, с. 215). В Стих. 2 стихотворение было напечатано без этой поправки. *В. Л. Величко* — см. примеч. 28. *Родился в мире свет... светит он во тьме* — см. Евангелие от Иоанна, I, 4—5. *Князь века* — дьявол.

87. ВЕ, 1895, № 2, с. 458, под загл. «Сайма зимой». Печ. по Стих. 2, с. 82. Послано в письме Н. Я. Гроту от 26 декабря 1894 г. (см.: Письма, 1, с. 85).

88. ВЕ, 1895, № 2, с. 458, под загл. «Сумерки над Иматрой». Печ. по Стих. 2, с. 83. В Стих. 6—7 под загл. «Сумерки» (по автографу). Послано В. Л. Величко в письме от 30 декабря 1894 г. (см.: Письма, 1, с. 215). Датируется по письму к Стасюлевичу от января 1895 г., где о нем упоминается как о стихотворении, «посланном... перед новым годом» (Стасюлевич, с. 385). Отправив текст Стасюлевичу, Соловьев пишет вслед, что стихотворение, «(озаглавленное «Сумерки») требует поправок во втором и третьем куплете» (там же). В журнале, видимо, появился вариант уже исправленный. Название журнального варианта стихотворения принадлежит Стасюлевичу, что видно из письма Соловьева от 20 января 1895 г.: «А иногда несчастье происходит от гордости. Так случилось, например, с изменением заглавия одного стихотвореньица. Автор поставил «Сумерки», а редактор под влиянием гордости подумал: «Фу! Даже озаглавить собственных стихов не умеет как следует!» — и приписал «На Иматре». А между тем дело было на весьма большом расстоянии, и притом от другого водопада; и как можно было бы сказать «шум далекий водопада», если бы это было на Иматре, шум был бы самый близкий — прямо в уши» (Стасюлевич, с. 388). По-видимому, и в других стихотворениях, опубликованных в ВЕ, заглавия более или менее случайны, так как в Стих. 2—3 Соловьев часто снимал их. В текст «Сумерек» Соловьев, по совету В. Л. Величко, ввел ряд исправлений (возможно, учтенных в Стих. 2), однако письмо Соловьева в ВЕ запоздало, и стихотворение было опубликовано без этих поправок (см.: Письма, 1, с. 220).

89. ВЕ, 1895, № 3, с. 343. 23 января 1895 г. Соловьев писал В. Л. Величко: «Поправки ваши к стихотворению «Отшедшим» приняты к исполнению, и оно появится в исправленном виде» (Письма, 1, с. 220).

90. ВЕ, 1895, № 3, с. 344. Автограф — ПД. Послано В. Л. Величко 23 января 1895 г. (см.: Письма, 1, с. 220). Соловьев послал это стихотворение также своей знакомой В. В. Котляревской с «пояснительным чертежом» местности — ироническим автокомментарием к тексту, который изображает «небо», реку Вуоксу и «берег, покрытый белым снегом и потому символизирующий чистую и холодную любовь, тогда как кипучий, но мутный пенистый поток есть символ страсти». На одном берегу Вуоксы нарисован «поэт, вошедший в настоящие лета», а на другом — «дитя» и «Жизнь мировая, изображаемая цепью мирового судьи» (Письма, 3, с. 14).

91. ВЕ, 1895, № 3, с. 345, без посвящения. Печ. по Стих. 2, с. 87. Автограф под загл. «Миг» — ПД. В Стих. 6—7 под загл. «Миг» по автографу в письме к Н. Я. Гроту от 24 января 1895 г. Послано В. Л. Величко 23 января 1895 г. (см.: Письма, 1, с. 220), а также В. В. Котляревской в письме от января 1895 г., где оно характеризуется как «только что сочиненное» (Письма, 3, с. 15). *Аксакова* Александра Федоровна (урожд. Тютчева, 1829—1889) — жена И. С. Аксакова, приятельница Соловьева, разделявшая религиозно-мистическую сторону его взглядов.

92. ВЕ, 1895, № 3, с. 344. Печ. по Стих. 2, с. 86. Послано В. Л. Величко в письме от 23 января 1895 г. (см.: Письма, 1, с. 220).

93. ВЕ, 1895, № 5, с. 367, без примеч. Печ. по Стих. 3, с. 135. Соловьев собирался включить это стихотворение уже в Стих. 2, но счел его слабым. В письме к В. Л. Величко от 23 апреля 1895 г. он писал: «...Относительно первого («Воскресшему») имею опасения: не было ли какого-нибудь совпадения, что-то очень знакомо звучит. Было бы ужасно, если бы братья Тузовы получили основание утверждать мою зависимость не от Аполлона Музагета, и даже не от Аполлона Майкова, а от Аполлона Коринфского или другого столь же орфографического представителя «новой поэзии». Если вам то же покажется, то напишите по совести, и не поможете ли отыскать настоящего отца сего подкидыша?» (Письма, 1, с. 225). Работа над стихотворением отразилась в письме к Стасюлевичу (см.: Стасюлевич, с. 392). Неудовлетворенность стихотворением выразилась и в «автопародии» «Нескладных виршей полк за по́лком...».

94. ВЕ, 1895, № 6, с. 612, без посвящения. Печ. по Стих. 2, с. 88. Автограф — ПД. *Ауэр Н. Е.* — см. примеч. 84.

95. ВЕ, 1895, № 6, с. 613, без посвящения. Печ. по Стих. 2, с. 89. Автограф — ПД. По предположению С. Соловьева, в последней строфе — отзвуки настроений, связанных со смертью А. А. Фета (Стих. 6, с. 18). *Оболенский* Алексей Дмитриевич, князь (р. 1885) — государственный деятель, друг Соловьева.

96. «Ежемесячные литературные приложения к журн. „Нива"», 1896, № 1, с. 29/30.

97. КН, 1896, № 7, с. 68, под загл. «Июньская ночь» (вместе с № 98 под общим загл. «Сайма»). Печ. по Стих. 3, с. 138.

98. КН, 1896, № 7, с. 69, вместе с № 97 под общим загл. «Сайма». Печ. по Стих. 3, с. 140.

99. Стих. 3, с. 141. В последние годы жизни Соловьев часто жил в окрестностях Петербурга и много ездил, о чем иронически писал Стасюлевичу: «Я думаю, что в моем предстоящем некрологе, а также в посвященной мне книжке биографической библиотеки Павленкова будет между прочим сказано: „Лучшие зрелые годы этого замечательного человека протекли под гостеприимною сенью казарм кадрового батальона лейб-гвардии резервного пехотного полка, а также в прохладном и тихом приюте вагонов Царскосельской железной дороги"» (Стасюлевич, с. 393). *В. П. Гайдебуров* (р. 1866) — поэт, издатель «Книжек недели».

* 100. КН, 1897, № 2, с. 45, с исправлением опечатки «доказали» — на «досказали». Послано Д. Н. Цертелеву из Выборга 3 января 1897 г. Тексту предшествуют слова: «Накануне Нового года я сочинил стихи, которые, если заслуживают сохранения, должны быть по самому содержанию посвящены тебе. Кстати, в этом году 25-летие нашей дружбы» (Письма, 2, с. 269). *Цертелев* Дмитрий Николаевич, князь

(1852—1911), — публицист и поэт, друг Соловьева с начала 1870-х годов, живший вместе с ним в Египте в 1876 г.

101. КН, 1897, № 2, с. 44. Печ. по Стих. 3, с. 147.

102. ВЕ, 1897, № 2, с. 791.

103. КН, 1897, № 3, с. 73. Печ. по Стих. 3, с. 143. Эпиграф — цитата из Библии (Исход, XX, 3).

104. КН, 1897, № 4, с. 45 и 272, с подзаголовком «Исправленный вариант» и датой: «9 марта 1897». Печ. по Стих. 3, с. 144. *Майков* Аполлон Николаевич (1821 — 8 марта 1897) — поэт, творчество которого было близко Соловьеву.

105. КН, 1897, № 7, с. 28, без подстрочн. примеч. Печ. по Стих. 3, с. 148. По свидетельству М. С. Соловьева, это стихотворение предназначалось как посвящение для одного из сборников статей Соловьева «Русская лирика в XIX столетии» (см.: Стих. 4, с. 141). Замысел Соловьева осуществлен не был.

106. КН, 1897, № 8, с. 87, без посвящения. Печ. по Стих. 3, с. 149. *А. П. Саломон* — см. примеч. 31.

107. ВЕ, 1897, № 10, с. 514. Написано в имении С. П. Хитрово Пустынька (см. примеч. 4 и 17) и навеяно воспоминаниями о любви к Хитрово.

108. ВЕ, 1897, № 11, с. 347. Автограф — ПД. Отправив рукопись в ВЕ, Соловьев в письме к Стасюлевичу просил внести в текст изменения: «Если мое «Сельское кладбище» принято под красный чехол, но еще не отпечатано окончательно, то не откажите произвести маленькую починку. А именно, последний стих второй строфы должен читаться так:

Крестами венчаны, сном утомленных спят.

А третий стих четвертой строфы так:

Но, прилетевши к ней, они так нежно пели»

(Стасюлевич, с. 403). Стихотворение было напечатано с поправками. *Жуковский П. В.* (1840—1912) — сын В. А. Жуковского, художник. *Где праотцы села в гробах уединенных* — неточная цитата из «Сельского кладбища». *Песни... неслись из-зá моря.* Элегия Жуковского — перевод стихотворения английского поэта Т. Грея «Элегия, написанная на сельском кладбище». *С туманных островов* — из Англии.

109. КН, 1898, № 3, с. 82. *Случевский* Константин Константинович (1837—1904) — поэт второй половины XIX в., талант которого Соловьев высоко ценил. О Случевском Соловьев писал в статье «Импрессионизм мысли» (Собр. соч., т. 8, СПб., 1903, с. 66). *Зарей во всю немую ночь* — ср. стих. Случевского «Заря во всю ночь».

110. «Неделя», 1898, № 12, с. 369. В КН, 1898, № 7, с. 92 — «Поправка» (с исправлением двух последних строк). Печ. по Стих. 3, с. 154, с исправлением опечатки «душной» на «душною». Стихотворение связано с усилившимися к концу жизни «эсхатологическими чаяниями» Соловьева и было одним из наиболее значимых для формирования «младших символистов». Поводом для написания был взрыв в церкви при Курском монастыре. *Дева Назарета* — богоматерь, дева Мария.

111. КН, 1898, № 7, с. 90, вместе с № 112. Как и № 113 и след., написано во время второго путешествия Соловьева в Египет (1898 г.).

112. КН, 1898, № 7, с. 91, вместе с № 111. Печ. по Стих. 3, с. 161. Das Ewig-Weibliche — образ Вечной Женственности заимствован из 2-й части «Фауста» Гете. *Амафунт, Пафос* — античные города на острове Кипр. *Помните ль розы над пеною белой* и т. д. Излагается миф о рождении богини любви Афродиты.

113. BE, 1898, № 6, с. 766, вместе с № 114 под общим загл. «Тень Троады». Печ. по Стих. 3, с. 156. Написано после № 111 и 112 (что видно из маршрута путешествия Соловьева), но не позже 14 апреля, когда оно было послано Стасюлевичу (см.: Стасюлевич, с. 405). Положено на музыку А. Г. Гречаниновым. Последнее путешествие Соловьева в Египет (1898 г.) проходит под знаком все растущего разочарования писателя в церкви. В письме к Стасюлевичу от 14 апреля 1898 г. Соловьев, посылая стих. «Мимо Троады» и «Нильская дельта», отказывается от поездки «в Палестину, которая есть царство иерократии, коей настоящий принцип есть не только «protopoporum, poporum, diaconorum, diatchokorum, ponomariorumque, но также и laikorum — oblupatio et obdiratio» (Стасюлевич, с. 405).

114. BE, 1898, № 6, с. 766, вместе с № 113. Связано с впечатлениями от последней поездки в Египет. Ср. в письме к Стасюлевичу от 14 апреля 1898 г.: «В Египте мы нашли благодать: озимые поля, готовые к жатве (как у нас в конце июля), а яровые — великолепно зеленеющие» (Стасюлевич, с. 405). *Изида* (Исида) — в египетской мифологии богиня, сестра и супруга бога Озириса, дочь неба и земли. Ей приписывалось знание магических формул, сокровенные знания и т. д. Празднества в честь Изиды устраивались весной, перед началом навигации. *Дева Радужных Ворот*. Этот термин, введенный гностиками (последователями раннехристианского религиозно-философского учения, сочетавшего христианскую догматику с греческой идеалистической философией и иудейством), Соловьев употребляет в том же смысле, что и «Вечная Женственность», для обозначения идеальной «Души мира».

115. КН, 1898, № 6, с. 44. Печ. по Стих. 3, с. 157. Написано во время того же путешествия между Смирной и Пиреем, что и предшествующие стихотворения. *Та же тень* и далее — речь идет об А. А. Фете.

*** 116.** КН, 1898, № 11, с. 27. Печ. по Стих. 3, с. 167. В автографе из «Альбома № 3» без 3-й строфы и под загл. «„Плач Ярославны“

К. К. Случевского» (см.: Стих. 6, с. 329). *«Плач Ярославны»* — стихотворение Случевского (см. примеч. 109). *Пергам* — зд.: Троя. *Андромаха* — супруга Гектора, убитого в поединке с Ахиллом. *Путивль* — город в Киевской Руси. Ярославна в «Слове о полку Игореве» плачет в Путивле на городской стене.

117. ВЕ, 1898, № 8, с. 762, с более пространным эпиграфом (из Второзакония, XXIX, 5). Печ. по Стих. 3, с. 169. Автограф с загл. «На прежнем месте», без эпиграфа — ПД. *Второзаконие* — «Пятая книга Моисеева» (часть Ветхого завета). *Ушли двенадцать лет.* Стих. «Земля-владычица» написано летом 1886 г. *Израиля одежды* и т. д. Имеется в виду аллегорически истолкованная Соловьевым библейская легенда о сорокалетних странствиях иудеев в пустыне (ср. в эпиграфе: *И помни весь путь, которым вел тебя Превечный* и т. д.). *Мелькали призраки загадочных очей* — воспоминания о любви к С. П. Хитрово.

118. ВЕ, 1898, № 7, с. 337. Автограф — ПД. Датируется как написанное в мае (время приезда Соловьева в Пустыньку) или в июне (стихотворение попало в июльский номер ВЕ). Связано с размышлениями о регулярных неурожаях (см. вступит. статью, с. 45). Образная система его близка к стих. «Дивный град порой сольется. . .» Е. Баратынского.

119. ВЕ, 1898, № 11, с. 328, без подзаголовка. Печ. по Стих. 3, с. 181. С. Соловьев (Стих. 6, с. 330) сообщает, что поэма «очень не понравилась» мистически настроенным друзьям поэта, в частности С. П. Хитрово, которая советовала не печатать «Трех свиданий». По-видимому, ирония поэмы воспринималась как «богохульство». *Мне девять лет* и т. д. Эпизод «дуэли» носит автобиографический характер. *Был майский день в Москве* — перефразировка стих. А. Фета «Был чудный майский день в Москве. . .». *Вознесенье* — церковь в Москве. *Житейское... отложим... попеченье...* — слова молитвы. *Доцентом и магистром* и т. д. — см. вступит. статью, с. 11. *Музей Британский.* В библиотеке Британского музея (Лондон) Соловьев занимался изучением мистической литературы с конца июня до середины октября 1875 г. *Два-три британских чудодея.* В письме к матери от 17 (29) июля 1875 г. Соловьев упоминает о своем знакомстве с В. Рольстоном (1829—1889) — английским писателем, служившим в Британском музее и изучавшим русский фольклор, и «некоторыми другими англичанами» (см.: Письма, 2, с. 5). Несколько позже состоялось знакомство Соловьева с известным зоологом Уоллесом (1822—1913) (см. письмо к отцу от 8 сентября 1875 г. — Письма, 2, с. 11). *Два иль три доцента из Москвы.* В бытность свою в Лондоне Соловьев сблизился с двумя доцентами-правоведами, впоследствии известными учеными: И. И. Янжулом (1846—1914) и М. М. Ковалевским (1851—1916). *В Египте будь* и т. д. — см. вступит. статью, с. 11. *Льон* — Лион (Франция), *Турин, Пьяченца, Анкона, Фермо, Бари, Бриндизи* (Италия) — точно описанный маршрут первой поездки Соловьева в Египет. *Ростислав Фаддеев* — Фаддеев Р. А. (1824—1883), генерал русской армии (после 1868 г. — в отставке), военный писатель. Соловьев писал о нем матери из Каира: «Часто

видаюсь с генералом Фаддеевым – тип русского медведя, впрочем, очень неглупый человек» (Письма, 2, с. 19). *Как дядя Влас, что написал Некрасов* — см. стих. Н. А. Некрасова «Влас». *Смеялась, верно, ты, как средь пустыни* и т. д. — излагается реальное происшествие, бывшее с Соловьевым в Египте в 1875 г. (см. письмо к матери от 27 ноября 1875 г. — Письма, 2, с. 19). *Очами, полными лазурного огня* — перефразировка строки из стих. Лермонтова «Как часто, пестрою толпою окружен...».

120. Стих. 3, с. 171. *Полонский* Яков Петрович (1819 — 18 октября 1898) — поэт-лирик, творчески и биографически близкий Соловьеву. *Сердце всё ж оглянется* и т. д. — перефразированные строки из стих. Полонского «На пути из-за Кавказа...».

121. КН, 1898, № 12, с. 49. Печ. по Стих. 3, с. 173.

122. ВЕ, 1899, № 5, с. 327, без посвящения. Печ. по Стих. 3, с. 175. По вполне вероятному предположению С. Соловьева, «здесь разумеется обида, нанесенная Россией Финляндии» (Стих. 6, с. 331). Соловьев считал угнетение «инородцев» тягчайшим «грехом России». Последние годы жизни он подолгу жил и работал в Финляндии, и судьба ее не могла не волновать поэта. Мысль об «обиде» и «каре» как сестрах перекликается со стих. «Панмонголизм». По-видимому, подзаголовок «Из исландской саги» введен по цензурным соображениям, тем более что навеянные «Словом о полку Игореве» образы Обиды и Кары имеют русское происхождение. *Луговой* Александр Алексеевич (псевдоним Тихонова А. А., 1853—1914) — писатель; в 1890-х годах — приятель Соловьева.

123. КН, 1899, № 7, с. 28. Написано в Петербурге по возвращении на родину из Канна, где Соловьев жил весной 1899 г. *В царство времени всё я не верю.* См. вступит. статью, с. 29—30.

124. ВЕ, 1899, № 9, с. 229. Автограф — ПД. *И я слышу, как сердце цветет* — цитата из стих. А. А. Фета «Я тебе ничего не скажу...». *Через запад дождливый* — см. примеч. 56.

125. Стих. 6, с. 264. Ошибочно объединено С. Соловьевым с № 126 и отрывком из «Белой лилии».

126. Стих. 6, с. 264. См. примеч. 125.

127. ВЕ, 1900, № 2, с. 800. Печ. по Стих. 3, с. 180. Автограф — в частном собрании М. С. Лесмана. Написано в день рождения Соловьева.

128. ВЕ, 1900, № 9, с. 316. В Стих. 3 не вошло. Беловой автограф (ПД) послан Стасюлевичу в письме от 15 июня 1900 г. Стихотворение было вписано Соловьевым на чистый лист, вплетенный в корректурный экземпляр Стих. 3, подаренный им А. Н. Пыпину (ПД). Написано по поводу решения императора Вильгельма II *(Зигфрида)* послать войска для подавления восстания в Китае. В стихотво-

рении отразились реакционные стороны мировоззрения Соловьева, обусловленные его боязнью «нехристианских» цивилизаций Востока (см. вступит. статью, с. 18). *Наследник меченосной рати* — Вильгельм II, рассматриваемый здесь как продолжатель традиций крестовых походов.

* 129. ВЕ, 1900, № 8, с. 684. В Стих. 3 не вошло. Автограф — ПД.

САТИРИЧЕСКИЕ И ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

130. НВ, 1886, 16 февраля, вместе с № 135, подпись: «Князь Эспер Гелиотропов». В изд. стих. не входило. Автограф с загл. «Резигнация мудрого» — ПД. Послано Д. Н. Цертелеву в письме от 1 июля 1879 г. под загл. «Резигнация мудрого» (см.: Письма, 2, с. 248). История публикации этого текста (а также и других, напечатанных в НВ) такова. В начале 1886 г. Соловьев, испытывая нужду в деньгах (а, возможно, и из любви к мистификациям), пишет сотруднику НВ В. П. Буренину, посылая ему стих. «Мудрый осенью» и другие стихотворения, впоследствии опубликованные в этой газете: «Прилагаемые стихотворения мне поручено переслать вам, во-первых, как знатоку и мастеру этого дела, а во-вторых, как постоянному сотруднику «Нового времени», для напечатания там, буде возможно. Автор, мой хороший знакомый, не имеет никакого сношения с так называемыми юмористическими журналами. Между тем, он лишен почти всяких средств к существованию, и несколько десятков рублей гонорара были бы ему весьма кстати. . . .В случае ненапечатанья, прошу вас очень возвратить рукопись на мое имя. Если стихи вам понравятся, не придумаете ли подписи? Он просил меня, но я на этот счет совсем не изобретателен» (ПД). В следующем письме Соловьев пишет: «Избранный вами. . . псевдоним сам по себе хорош, но имеет то маленькое неудобство, что может быть принят за аллюзию на одного юного поэта, князя Эспера Ухтомского. . . Поэтому если вы найдете возможным напечатать что-нибудь из вновь посылаемого или из посланного прежде, то пусть это будет подписано короче: К. Гелиотропов. Таким образом, и тождество подписи сохранится, и опасность «личности» уничтожится» (там же). Видимо, в связи с этим письмом в двух последних публикациях псевдоним изменен. Наконец, в последнем из писем к Буренину (датируется концом марта — началом апреля 1886 г.) Соловьев, прося выслать гонорар своему «клиенту», сообщает, что всего «напечатано было 16 февраля 3 стихотворения, 9 марта — также 3 и 16 марта — опять 3» (там же). В это же время Соловьев неоднократно сообщает своим родным и друзьям о публикации его стихотворений в НВ (см.: Письма, 2, с. 40). В ПД сохранились автографы всех стихотворений, опубликованных в НВ, и авторство Соловьева во всех случаях бесспорно. По всей вероятности, и остальные 8 стихотворений, напечатанных в НВ (см. № 30, 135—139 и два стихотворения в составе «Белой лилии»), написаны в конце 1870-х годов (ср. упоминание о «грехах юности»), однако подтвердить документально это предположение не удалось.

131. Письма, 2, с. 367, под загл. «Таинственный посетитель». Печ. по Стих. 7, с. 245. Автограф с загл. «Таинственный посетитель» — ПД. Ср. подглавку «Таинственный посетитель» в «Братьях Карамазо-

вых» (кн. 6, гл. 1). Датируется предположительно как написанное в первый период творчества (конец 1870-х — начало 1880-х годов).

132. Письма, 2, с. 366. Автограф — ПД. Датируется предположительно как написанное в первый период творчества (конец 1870-х — начало 1880-х годов). Подражание «басням» Козьмы Пруткова.

133—134. БВ, 1915, № 9, с. 64 (с цензурными купюрами). Печ. по Стих. 7, с. 257. Послано М. С. Соловьеву в письме от января 1885 г. Навеяно сообщением в «Голосе Москвы» о «беседах» представителей официальной церкви со старообрядцами (см.: Письма, 4, с. 104) и отражает возрастающее возмущение Соловьева политикой насилия, проводившейся русской церковью и государством. 2. *Протяженно-сложенное слово* — перифраз слов «красно-хитро-сплетенное слово» из басни И. Крылова «Парнас». *Сруб.* Сожжение в срубе было одним из распространенных способов казни еретиков в допетровской Руси. *Но с приятным различьем в манере* и т. д. — проводится параллель между современной и средневековой церковью.

135. НВ, 1886, 16 февраля, под загл. «Пророк» и без подстрочного примечания, под псевд. «Князь Эспер Гелиотропов». Печ. по Письма, 2, с. 355. В изд. стих. не входило. *Некромантия* — гадание на трупах или путем обращения к душам умерших. *Вид* — паспорт. *Но так как в правильном развитии* и т. д. — ироническая характеристика гегелевской «триады».

136. НВ, 1886, 9 марта, вместе со стих. «Скептик» и «Признание даме. . .» (см. № 232), под псевд. «К. Гелиотропов» (см. примеч. 130). В изд. стих. не входило. Перефразируется стих. Лермонтова «Ангел» («По небу полуночи ангел летел. . .»). *Сочинено в состоянии натурального гипноза* — высмеивается увлечение (в частности, и самого Соловьева) гипнотическими и другими «загадочными» явлениями психики.

* **137.** НВ, 1886, 16 марта, вместе с № 138 и 139, под псевд. «Князь Гелиотропов». В изд. стих. не входило. Автографы — частное собрание Ф. А. Петровского и в альбоме Ф. Фидлера (более поздний от 15 января 1899 г.) — ПД. Последнему тексту предшествует четверостишие:

Сей Вавилон литературный
Меня довольно долго ждал.
Не спорю с прихотью культурной:
Раскрыл альбом и написал.

Пародируется жанр романтической баллады. *Стихарь* — часть торжественного облачения дьякона.

138. НВ, 1886, 16 марта, без 3-й строфы, вместе с №№ 137 и 139, подпись: «Князь Гелиотропов». Печ. по Письма, 2, с. 362. В изд. стих. не входило. Автограф — ПД, там же — список (рукой С. Соловьева) с другого автографа.

139. НВ, 1886, 16 марта, вместе с №№ 137—138, подпись: «Князь Гелиотропов». В изд. стих. не входило. Автограф — ПД. Там же список (рукой С. Соловьева) с другого автографа. Подражание «басням» Козьмы Пруткова. *Полигам* — многоженец.

140. Стасюлевич, с. 335, в письме от октября 1886 г. Автограф — ПД. *Тертий* — Филиппов Тертий Иванович (1825—1899), публицист-славянофил, в 1880-х годах — товарищ государственного контролера, с 1889 г. — государственный контролер; крайний реакционер, единомышленник кп. Мещерского. Посылая стихотворение Стасюлевичу, Соловьев называет его «импровизацией, посвященной благочестивому стороннику нового капитана Борозды» (т. е. кн. Мещерского, см. примеч. 233), и пишет: «Я узнал, что знаменитый эпитроп гроба господня, Тертий Иванович Филиппов, пропагандирует кн. Мещерского как нового мессию, превосходящего даже самого Каткова». *Епитроп* (эпитроп) — в греко-византийском праве управляющий имуществом церковных учреждений. *И поддержать содомскую идею.* По библейскому преданию, города Содом и Гоморра за разврат были разрушены богом. «Содомской идеей» Соловьев называет ультрареакционные планы протежирования дворянству, которые вынашивал издатель «Гражданина» кн. В. П. Мещерский (1839—1914); в 1886 г. Мещерский получил большую правительственную субсидию. Одновременно имеется в виду идея сотрудничества Т. И. Филиппова в «Гражданине» Мещерского. Соловьев намекает также на «содомистскую» развращенность Мещерского. *Жупел* — горящая сера. *Шеóл* — ад. *Содомский князь* — см. примеч. 147. *Не в соленый, А в пресный столб суд божий превратит.* По преданию, во время бегства из Содома жена благочестивого Лота, нарушив запрет, оглянулась назад и была в наказание обращена в соляной столб.

141. «Россия», 1900, 23 апреля. Печ. по Стасюлевич, с. 397. Автограф на листке без даты — ПД. Не датирован и находившийся на отдельном листке автограф из письма к Л. М. Лопатину (см.: Письма, 4, с. 179), хотя издателями тома он помещен под одним номером с письмом от 25 июня 1895 г. и с телеграммой от 2 января 1896 г. Единственным основанием для датировки является автограф, включенный в письмо Соловьева к Е. М. Феоктистову под названием «Еврейские мотивы (посвящается К. П. Победоносцеву), 1», вместе с № 142. Письмо это тоже не датировано, однако в нем: 1) послан текст № 140, датируемый октябрем 1886 г.; 2) упоминается «Эпитафия» А. А. Фета «Здесь тихая могила. . .», которую Соловьев рассылал друзьям летом 1886 г. (см.: Письма, 4, с. 110, где она включена в письмо, отправленное, как видно из его содержания, между 30 апреля и августом 1886 г.); 3) о М. Н. Каткове говорится как о живом (Катков умер 20 июля 1887 г.). Таким образом, стихотворение написано не позже 20 июля 1887 г., а возможно, между октябрем 1886 г. (т. е. после № 140) и 20 июля 1887 г. Кроме автографа, в ПД находится список стихотворения (рукой Е. Н. Опочинина?) без даты и с загл. «Стихотворение Влад⟨имира⟩ Серг⟨еевича⟩ Соловьева по поводу Синодской энциклики о Л. Н. Толстом». Если эта надпись — не результат позднейшего переосмысления текста (например, в связи с отлучением Л. Н. Толстого от церкви), то ее следует, по-видимому,

соотносить, скорее всего, с возмутившим Соловьева поучением архиепископа Никанора «о том, что ересеучение графа Л. Толстого подрывает основы государственного порядка в России». По поводу этого поучения Соловьев писал в декабре 1886 г. Стасюлевичу, предлагая его «напечатать целиком» в ВЕ, и добавил: «Если хотите, я сделаю в тексте проповеди необходимые подчеркивания и прибавлю несколько вступительных и заключительных слов в сдержанно-ироническом тоне» (Письма, 4, с. 30 и 31). Если бы последнее предположение подтвердилось, стихотворение можно было бы датировать осенью 1886 г. «Посвящение» К. П. Победоносцеву в автографе из письма к Феоктистову связывает стихотворение с № 43. Согласно библейской легенде, бог наслал на землю Моаб за грехи жителей жестокую кару. Когда же царь *Моаба* попросил пророка Валаама проклять врагов земли, бог «отворил уста» ослице Валаама, дав ей дар речи, и «затворил уста» самому пророку, заставив его вместо проклятия благословить их. *Билеам* — Валаам. *Заграждены уста твоим пророкам.* См. выше о возможности отнести эти слова к Л. Н. Толстому. Стихотворение носит и бесспорно автобиографический характер, намекая на цензурные гонения, от которых страдал Соловьев.

142. Письма, 4, с. 180. В письме к Е. М. Феоктистову (ПД; см. примеч. 141) входит в стих. «Еврейские мотивы... 2», с подзаголовком «Ретракция». *Каюсь, древняя ослица* — см. примеч. 141. *Князь Мещерский* — см. примеч. 140. *Шеол* — см. примеч. 140. *Билеам* — см. примеч. 141.

143. Письма, 1, с. 25, в письме к Н. Н. Страхову от 11 января 1887 г. Там же ироническая приписка: «Впрочем, кроме монахов допотопных, мне приходится иметь дело и с живыми, которые весьма за мною ухаживают, желая, по-видимому, купить меня по дешевой цене, но я и за дорогую не продамся» (там же, с. 26). Более поздняя редакция от 18 сентября 1887 г. — в письме к брату М. С. Соловьеву (БВ, 1916, № 1, с. 10). В Стих. 7 С. Соловьев, старавшийся замалчивать богоборческие и антицерковные высказывания Вл. Соловьева, напечатал в основном тексте более позднюю редакцию. В наст. изд. печ. ранняя редакция, как идейно более острая; поздняя — в составе «Белой лилии». Ироническое дополнение текста «вариантами» — прием, восходящий к авторам Козьмы Пруткова (ср.: «Когда в толпе ты встретишь человека...» и др.). *Кирилл* (Константин, 827—869) — один из братьев — основоположников славянской письменности, причисленный к лику святых. *Нестор* (1056 — ок. 1114) — древнерусский летописец.

144. Стих. 6, с. 273.

*** 145.** БВ, 1915, № 9, с. 66, в недатированном письме М. С. Соловьеву. Перефразируются строки из стих. Пушкина «Город пышный, город бедный...». *Смесь Каткова и кутьи.* Имеется в виду «квасной» патриотизм деятелей типа М. Н. Каткова (1818—1887). Реакционная позиция Каткова, издателя «Русского вестника», неоднократно критиковалась Соловьевым. *Кутья* — кушанье из крупы с медом или изю-

мом, которое ели на похоронах и поминках; в литературе часто — символ религиозного ханжества.

146—147. 1. Стих. 6, с. 275. *Знаменитый гражданин* — кн. Мещерский издавал газету «Гражданин». *Содом* — см. примеч. 140. *На руинах просвещенья.* Одной из основных сторон программы Мещерского была борьба с реформами в области просвещения. 2. Стасюлевич, с. 338, без загл., в письме от 17 сентября 1887 г. Печ. по Стих. 6, с. 275. Автограф — ПД. В 1887 г. Мещерский выступил с рядом деклараций о программе «Гражданина», пообещав в дальнейшем обращать особое внимание на передовые статьи своей «большой газеты». В связи с этим Соловьев 17 сентября 1887 г. писал Стасюлевичу, посылая ему текст гимна: «Посылаю вам... еще четверостишие, но это уж не для напечатания: это «крик сердца», вырванный у меня нашим «единственным» публицистом. Единственный публицист, за смертью Каткова, есть, конечно, кн. Мещерский. Он хотя и безграмотен, но зато в качестве содомита высоко держит знамя религии и морали. Прежде ему, по его профессии, приходилось более всего обращать внимание на задние статьи, но теперь он вдруг публикует, что в своей новой «большой газете» он будет обращать особое внимание на передовые статьи. Можно ли поверить такой резкой перемене направления? Но не есть ли это маска для более удобного пропагандирования содомской идеи на основе православия, самодержавия и народности? Так я это понял и из глубины души воскликнул». После «Гимна» — приписка: «Если к этому четверостишию присоединить старинное:

Накажи, святой угодник,
Капитана Борозду и т. д.

то это, мне кажется, будет достаточным ответом на притязательное выступление этого «строго консервативного» писателя» (Стасюлевич, с. 337—338). *Содома князь* — каламбурное сочетание выражения типа «князь тьмы» (Сатана) и княжеского титула Мещерского. *Гражданин Гоморры* — Мещерский издавал газету «Гражданин». *Гоморра* — см. примеч. 140. *Большая газета* — так Мещерский называл свое издание.

148—149. Стих. 6, с. 18. Датируется временем получения А. А. Фетом чина камергера — 26 февраля 1889 г. *О дружбе Страхова.* Ироническое упоминание о продолжительной полемике Соловьева с Н. Н. Страховым (1828—1896). Полемика велась по вопросам об оценке книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», о значении учения Ч. Дарвина и многом другом.

150. Стасюлевич, с. 348, в письме от 15 апреля 1889 г. Автограф — ПД. *Горé* (кн., устар.) — ввысь, к небу. *Золотарь* (простонар., устар.) — человек, занимающийся очисткой выгребных ям.

151. Стасюлевич, с. 348, в письме от 15 апреля 1889 г. Автограф — ПД. *Могаремм* — мусульманский праздник. *Вертоград* — сад.

152. Стих. 1, с. 42. В Стих. 2—3 не вошло. *Уж более ста лет, Как людям образованным известно* и т. д. Иронически излагаются взгляды

Канта на субъективность категорий времени и пространства. Отношение Соловьева к Канту резко отрицательное: он критиковал кантовский субъективизм с позиций объективного идеализма. Вместе с тем бесспорно влияние на Соловьева кантовской диалектики и сильное впечатление, произведенное на него скептицизмом Канта. *Метода априорная* — априорный метод Канта. Соловьев считает выводом из кантианства этический релятивизм («на всё нам наплевать»). *А этот — эмпирически бесспорно...* и т. д. «Сниженно» переданный эпизод из Библии о том, как «праотец» Ной, спасшись от потопа, напился пьяным.

153. Стасюлевич, с. 355, в письме к М. М. Стасюлевичу от 11 сентября 1891 г. Цензурные купюры (за исключением выражений, неудобных для печати) восстановлены по автографу письма (ПД). Написано под впечатлением неурожая 1891 г. (см. вступ. статью, с. 45—46). *Горемыкин* И. Л. (1839—1917) — с 1895 г. министр внутренних дел. *Делянов* И. Д. (1818—1897) — с 1884 г. министр просвещения. *Молодеющий* — в 1891 г. Делянову было 73 года. *Бедоносцев* — т. е. Победоносцев (см. примеч. 43). *Муравьев* Н. В. (1850—1908) — в начале 1890-х годов министр юстиции. *Синклит безволосый* — намек на К. П. Победоносцева. *Ю⟨льич⟩ безносый* — намек на внешность С. Ю. Витте (1849—1915); в 1890-х годах Витте — министр финансов. *Засýха семилетняя.* Библейский образ семи голодных лет. В России неурожайные годы следовали в конце XIX в. один за другим.

154. «Голос минувшего», 1918, № 1—3, с. 250. Список (неизвестной рукой) с надписью «Из архива Л. Ф. Пантелеева» — ПД. См. примеч. 199. Датируется по содержанию как написанное, скорее всего, сразу после выхода книги Н. П. Бахметьевой «История православной церкви (до начала разделения церкви)», СПб., изд. К. П. Победоносцева, 1891. *К. П. Победоносцев* — см. примеч. 43. *Пиетист* — человек, исполненный религиозного благочестия. *И как юрист старушку обобрал.* Победоносцев, юрист по образованию, издав книгу Бахметьевой, не указал имени автора. В многочисленных рецензиях и ссылках он фигурировал как автор книги.

155. «Русское обозрение», 1901, № 1, с. 104; Стасюлевич, с. 366, в письме от 2 июня 1892 г., без последних трех строф. Печ. по Стих. 7, с. 264. Автограф — ПД. В письмах называется «Торжество скипидара» (см.: Письма, 4, с. 155). *Скрылся я под сенью сосен.* Стихотворение написано на даче в деревне Морщиха (около станции Сходня), где Соловьев поселился, чтобы жить поблизости от С. М. Мартыновой. *У крестьянина Сысоя* и т. д. — см. примеч. 78. *Ах, потерянного рая* и т. д. — шуточная полемика с патриархальными идеалами Л. Н. Толстого. *Галльский скипидар.* Одним из «чудачеств» Соловьева была вера в лечебные и дезинфицирующие свойства скипидара. Врачи считали отравление парами скипидара одной из причин предсмертной болезни поэта. *И французским скипидаром Прусаков огреть* — ироническое упоминание о франко-прусской войне.

156. «Русское обозрение», 1901, № 1, с. 104. Автограф — ПД. Датируется по копии альбома С. М. Мартыновой, где имеется помета:

«По дороге в Знаменское». В беловом автографе (частное собрание Ф. А. Петровского) подпись: «Бесплатный сотрудник Московских ведомостей». Послано С. А. Венгерову в письме от 12 июля 1892 г. (см.: Письма, 2, с. 321). Посылая стихотворение А. А. Фету в июле 1892 г., Соловьев писал: «Строго говоря, я уже умер, на что имею даже доказательство. Вот эпитафия, высеченная (вопреки закону, избавляющему женский род от телесных наказаний) на моем могильном камне» (Письма, 4, с. 228).

*** 157.** Письма, 1, с. 107, в письме Стасюлевичу от 12 сентября 1892 г. Автограф — ПД. *Не боюся я холеры.* Летом 1892 г. в Петербурге была эпидемия холеры. *Мой микроб — большого роста* — намек на С. М. Мартынову (см. примеч. 45). *Летальный* — смертельный.

158—159. Письма, 4, с. 152, в письме к С. М. Мартыновой, датируемом по содержанию началом сентября 1892 г.: «Письмо ваше, действительно, подтверждает ту удивительную перемену, которую я заметил в прошлую пятницу утром... Пока эта перемена — утрата радужного сияния, или признаков божественной Софии — касается только разговоров и лица, это еще полбеды. А вот когда она распространится и на все тело — тут уж конец всему. Тогда у вас останется только одно преимущество — быть самой умной и оригинальной из женщин (из баб, из матерей)... но это очень, очень мало, а для того света — совсем ничего... Пишу вам не для того, чтобы оплакивать отлетевшую Мадонну, а для того, чтобы просить оставшуюся матрону сказать мне откровенно, могу ли я... приехать на несколько часов завтра... Прилагаю начало нового цикла акростихов на новое ваше имя» (Письма, 4, с. 150—151). Первый цикл акростихов — см. №№ 47, 48 и 78.

160. С. М. Лукьянов, О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы, кн. 3, вып. 1, Пг., 1921, с. 307 (отрывок). Печ. по Письма, 4, с. 153 (с исправлением опечатки «описали» на «списали»). Написано в первой половине сентября 1892 г. (не позднее времени возвращения С. М. Мартыновой из Сходни в Москву). *«Соловьев в Фиваиде»* — шуточная пьеса Ф. Л. Соллогуба (см. примеч. 73). *Сходня* — см. примеч. 78.

161. Письма, 4, с. 163, в недатированном письме Д. Н. Цертелеву. Написано осенью 1892 г. (в письме упоминается Морщиха, откуда Соловьев уехал в конце августа). *Увы, мой друг!* и т. д. — ироническая перефразировка строк из стих. «Хоть мы навек незримыми цепями...» (см. № 6). *Сидеть мне в темной яме* — т. е. в долговой тюрьме; намек на постоянные финансовые трудности, испытываемые Соловьевым. *Липяги* — имение Цертелева, где Соловьев часто бывал летом.

162. Величко, с. 200, в письме от 31 марта 1893 г. Текст предваряют слова: «...в Москве держала меня вовсе не дриада (см. № 64), а просто житейское колесо. Дриада же есть миф... Вот вам в доказательство правды моих слов (а также моей сердечной дружбы к

вам) следующая интимная стихо-проза» (Письма, 1, с. 204). По-видимому, одно из последних стихотворений, обращенных к С. М. Мартыновой. *Пигмалион* — см. примеч. 21.

163. Письма, 1, с. 112, в письме из Динара от 26 октября 1893 г. Автограф — ПД. *Пьер Бобó* — Боборыкин П. Д. (1836—1921) — прозаик конца XIX в., с которым Соловьев в эти годы полемизировал (см. вступит. статью, с. 15). Боборыкин после 1865 г. жил преимущественно во Франции. Пьером Бобо его называли в эпиграммах и сатирах задолго до Соловьева.

164. Письма, 1, с. 80, в письме к Н. Я. Гроту (1893). Имеется список неизвестной рукой (ЦГАЛИ) с припиской: «Вл. Серг. Соловьев Н. Я. Гроту, декабрь 93 г.» («Декабрь» в цитированной помете, видимо, означает время получения письма, поскольку текст не мог быть написан позже ноября того же года; он приводится в письме, бесспорно датируемом по содержанию началом ноября). *Грот* Николай Яковлевич (1852—1899) — профессор философии Одесского, затем Московского университетов, редактор журнала «Вопросы философии и психологии», председатель Московского психологического общества; друг Соловьева. *Премного и беспутно я любил* — перефразировка евангельского текста о блуднице, которая была прощена, ибо «возлюбила много» (см.: Евангелие от Луки, VII, 37—47). *Не родил и не убил.* Имеются в виду «четыре благородные истины» — основа нравственно-религиозного учения буддизма. Учение об освобождении от убийства и рождения как связанных между собой звеньев единой цепи зла интересовало Л. Н. Толстого, намек на нравственно-публицистические сочинения которого, видимо, также содержится в этих стихах. *Со святыми упокой* — слова заупокойной молитвы.

165. Величко, с. 181. Первая по времени пародия на «старших символистов». *Метемпсихоза* (метампсихоз) — учение о переселении душ. *Сочинено во время холерных судорог* — шуточный отклик на эпидемию летом 1894 г.

166. БВ, 1916, № 1, с. 28. Датируется по содержанию письма к М. Соловьеву. *D'inachevé* — намек на название одного из разделов в сочинениях Козьмы Пруткова.

* **167.** Письма, 1, с. 93, в письме Н. Я. Гроту от 1 октября 1894 г. Однако «послание», видимо, лишь начато в этот день, а закончено несколько позже, так как к письму приложено стих. «Сайма» (см. № 82), помеченное «3 октября». *Радлов* Эрнест Львович (1854—1928) — философ, друг Соловьева. *Грот* Н. Я. — см. примеч. 164. *Сатурна бег Ускорить* и т. д. — то есть ускорить бег времени. Философские статьи Грота содержали мысль о субъективности категории времени. Одновременно речь идет о несогласии Соловьева окончить ранее установленного срока статью для журнала «Вопросы философии и психологии». *«На берегу пустынных» вод»* — неточная цитата из «Медного всадника» Пушкина. *Злодейка тройней разродилась.* К «посланию» приложены стихотворения №№ 79, 80, 82.

168. Стасюлевич, с 383, в письме от 6 октября 1894 г. Печ. по этому изданию с исправлением по автографу (ПД): в ст. 6 вместо «раскроешь» — «закроешь»; в ст. 7 вместо «история» — «теория». *Страхов* Н. Н. (1828—1896), *Розанов* В. В. (1856—1919), *Тихомиров* Л. А. (ок. 1850—1922) — публицисты охранительного толка, с которыми Соловьев часто полемизировал. См. статью Соловьева «Порфирий Головлев о свободе и вере» (1894) и др. *Я был ревнитель правоверия* и т. д. — свидетельство осознания поэтом сдвигов в мировоззрении. *Съела бы меня свинья* — образ, навеянный циклом Салтыкова-Щедрина «За рубежом» (торжествующая свинья — «разъевшееся животное», съедающее Правду — образ, символизирующий у Салтыкова реакцию, в частности — цензуру). В годы особо напряженного интереса Соловьева к вопросам религии его статьи подвергались непрерывным преследованиям со стороны духовной цензуры.

169. Стасюлевич, с. 384, в письме от 6 октября 1894 г.

170. Величко, с. 177, в письме от 13 октября 1894 г. Печ. по Стих. 7, с. 273. Послано с уточняющим дату комментарием: «На берегу пустынных вод... так начинал я послание дней десять тому назад, но с тех пор эта чухонка подарила мне еще около десятка младенцев, из коих посылаю пока только одного» (Письма, 1, с. 206). Следовательно, стихотворение написано между 3 и 13 октября. Далее следуют слова, которые, по мнению Н. Лернера, следует понимать в обратном смысле: «Это — восточная басня. По форме она, кажется, удалась, но не ищите в ней никаких аллегорий и намеков — басня как басня» (см.: Н. Лернер, Стихи об Александре III Вл. Соловьева. — «Звенья», т. 6, М.—Л., 1936, с. 804— 806). В письме к Н. Я. Гроту от 22 ноября 1894 г. Соловьев дает стихотворению сходную характеристику, подтверждающую наблюдение Лернера: «Перехожу к басне, давно мною написанной и не имеющей никакого отношения... к политике. Honni soit qui mal y pense (Да будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает (франц.). — *Ред.*)» (Письма, 3, с. 212). Истолкование басни см. во вступит. статье, с. 43—44. *Боа* — удав. *Чин* — зд.: порядок.

171. Письма, 1, с. 85, в письме Н. Я. Гроту с Саймы (Финляндия) от 26 декабря 1894 г. *Грот сверхвременный, пещера созерцаний!* Каламбур «Грот — пещера» связывает фамилию философа с содержанием его статьи о времени (см. примеч. 167).

172. Величко, с. 185, в письме от 23 апреля 1895 г. Написано после стих. «Воскресшему», которое пародируется, то есть между 14 и 23 апреля. В письмах к Величко и Стасюлевичу Соловьев жалуется на неудачу стих. «Воскресшему»: «Прилагаю и еще стихотворение, но, чтобы вы видели объективное отношение к произведениям моей музы, вот вам пародия, сейчас мною сочиненная на то первое... ею открывается в истории литературы небывалый genre «самопародий»... Теперь, по крайней мере, я не боюсь никаких пародий и ругательств, — будьте свидетелем, что я первый себя обругал и пародировал» (Стасюлевич, с. 391—392). *Торгуй, несчастный, сапогами* — ср. эпиграмму Пушкина «Картину раз высматривал сапожник...».

173—175. 1. ВЕ, 1895, № 10, с. 850, в составе статьи «Еще о символистах», вместе с №№ 174 и 175, подпись: Вл. С. В Стих. 2 не вошло. Печ. по Стих. 3, с. 211. Это и два следующих стихотворения датируются как написанные между появлением 3-го выпуска «Русских символистов» (лето 1895 г.) и выходом октябрьского номера ВЕ. В 1894—1895 гг. в Москве под ред. В. Я. Брюсова вышли три выпуска сб. «Русские символисты». По поводу их оценки завязалась полемика между Соловьевым и Брюсовым, завершившаяся созданием трех пародий. К философии «русских нитчеанцев» (старших символистов) и к их творчеству Соловьев относился резко отрицательно. Стихотворению предшествует цитата из брюсовского перевода стих. М. Метерлинка «Моя душа больна весь день. . .» (ср.: «Русские символисты», с. 47):

И под кнутом воспоминанья
Я вижу призраки охот,
Полузабытый след ведет
Собак секретного желанья

и слова: «Быть может, у иного строгого читателя уже давно «залаяла в сердце собака секретного желанья», — именно того желанья, чтобы авторы и переводчики таких стихотворений писали впредь не только «под кнутом воспоминанья», а и «под воспоминанием кнута». . . Но моя собственная критическая свора отличается более «резвостью», чем «злобностью», и «синее дыханье» вызвало во мне только оранжевую охоту к лиловому сочинению желтых стихов, а пестрый павлин тщеславия побуждает меня поделиться с публикою тремя образчиками моего гри-де-перлевого, вер-де-мерного и фель-мортного вдохновенья» (Стих. 3, с. 210—211). *Мандрагора* — корень растения «адамово яблоко», которому в средние века приписывалась плодотворящая сила. 2. ВЕ, 1895, № 10, с. 851. В Стих. 2 не вошло. Печ. по Стих. 3, с. 212. *Над зеленым холмом*. . . — пародия на стих. В. Хрисонопуло «Над темною равниной. . .» из сб. «Русские символисты» (вып. 3, с. 21). *И с двойной луною* — намек на строчку из стих. В. Брюсова «Творчество»: «Всходит месяц обнаженный При лазоревой луне». 3. ВЕ, 1895, № 10, с. 851. В Стих. 2 не вошло. Печ. по Стих. 3, с. 213. *На небесах горят паникадила* — возможно, перефразировка строки из стих. П. А. Вяземского «На берегу Ламаншского озера». *Паникадила* — светильники.

176. «Поэты 1880—1890-х годов», «Библиотека поэта» (М. с.), М.—Л., 1964, с. 409. Послано телеграфом 4 декабря 1895 г., ко дню рождения Я. П. Полонского. *С жизнью алмазная свадьба* — 75-летие.

177. Письма, 2, с. 350. Экспромт, сочиненный, по свидетельству А. Ф. Кони, на обеде у Стасюлевича в 1895 г. *Вы — стадо баранов!* Министр юстиции Н. В. Муравьев (см. примеч. 153) на страницах «Журнала Министерства юстиции» при поддержке реакционных газет начал поход против судов присяжных, называя их «стадом баранов». Нападающих на эти суды Соловьев и называет *«стадом свиней»*.

178. Письма, 1, с. 136, в письме к Стасюлевичу от июля 1896 г. с купюрами, восстановленными по автографу ПД. Близкий текст вошел в состав письма к М. А. Кавосу («Михал Альбертыч, доро-

гой...»). *Казерна* — казарма; в 1890-х годах Соловьев подолгу жил в казармах на Вознесенском проспекте (Петербург), на квартире у своего друга В. Д. Кузьмина-Караваева. *Делянов* — см. примеч. 153. *Ратьков* — В. А. Ратьков-Рожнов (1834—1912) — петербургский городской голова, занимавшийся благотворительностью. *Брошюру йздал Лев Толстой* и т. д. — см.: Л. Толстой, Богу или Маммоне? М., 1896 (ц. р. 12 июня 1896 г.). *Гуревич Люба гонорар* и т. д. Л. Я. Гуревич (1866—1940) — редактор СВ, в котором печатался Соловьев. Речь идет о финансовых затруднениях СВ, из-за которых часто задерживалась выплата гонораров сотрудникам. *Зиночка* — З. Н. Гиппиус (1869—1945), писательница, в 1890-х годах — сотрудница СВ. *Волынский* — А. Л. Флексер (Аким Волынский, 1863—1921), философ-идеалист, литературный критик, ближайший сотрудник и член редакции СВ.

* **179.** Письма, 1, с. 139, в письме Стасюлевичу от 6 сентября 1896 г. Автограф — ПД. *И Вам, я верю, суждено Низвергнуть Рáтькова-Рожнова.* Речь идет о разоблачении в ВЕ деятельности петербургского самоуправления. *Ратьков-Рожнов* — см. примеч. 178.

180. Письма, 3, с. 213, в стихотворном письме Н. Я. Гроту от 12 ноября 1896 г. *Неврон.* Ср. комментарий К. Я. Грота: «Как этот термин, так и нижеследующее стихотворное обращение к Л. М. Лопатину находит себе объяснение в вышедшей тогда же книжке «Вопросов философии и психологии» (кн. 3—4, сентябрь — октябрь 1896), где помещены, между прочим, статья С. Суханова «Учение о нейронах в приложении к объяснению некоторых психических явлений» и изложение прений по реферату Лопатина «Понятие о душе по данным внутреннего опыта» — о субстанциях («Вопросы философии и психологии», 1896, кн. 2)». *Неврон финляндский, страждущий невритом* — Соловьев. Письмо послано из Финляндии. Последние годы жизни Соловьев страдал мучительным нервным заболеванием. *Московский неврон* — Л. М. Лопатин (см. примеч. 80). *Река времен* — продолжение полемики о времени (см. примеч. 167). Πάντα ῥεῖ (греч. панта рей) — первая часть известного изречения греческого философа Гераклита: «Все течет, все изменяется».

181. Письма, 3, с. 214, в письме к Н. Я. Гроту от 12 ноября 1896 г. Автограф — ПД. Дата уточняется припиской: «Прилагаю сегодняшнее произведение музы...». *Мяса я не ем* — Соловьев был вегетарианцем.

182. Письма, 2, с. 192, в недатированном письме кн. А. Д. Оболенскому (датируется по Стих. 7, с. 367). Ответ на печатное обвинение Лопатиным Соловьева в «феноменизме» (субъективизме). *Игры Арея* (Марса) — зд.: полемика.

183. Стих. 7, с. 275. Предположительно датируется годом выхода «Оправдания добра» (1896). Дарственная надпись, сделанная на нескольких экземплярах книги. Стихотворные надписи на книгах, принадлежащие перу Соловьева, не собраны. *Из камня истины выходит сей ручей.* Намек на библейскую легенду о пророке Моисее, източившем воду из камня.

184. Письма, 4, с. 178. Автограф — ГБЛ. Написано не позже 1897 г. (дата смерти И. Д. Делянова), но наиболее вероятная дата — 1896 г., поскольку на обороте автографа — незаконченный текст № 99, написанного в 1896 г. *Уносит всё река времян* — перефразировка строк из стих. Державина «Река времен в своем стремленьи...». *Победоносцев Дон-Жуан* — ср. характеристику Победоносцева в пьесе «Дворянский бунт». *Аскет Филиппов* — см. примеч. 140. *Муравьев* Н. В. — см. примеч. 153. *Витте* — см. примеч. 153. *Сообщительный Хилков* — кн. М. И. Хилков (1834—1909); с 1895 г. — министр путей сообщения. *Делянов* — см. примеч. 153.

185. Письма, 1, с. 263, в письме Э. Л. Радлову 1897 г. под загл. «NN — у», с ст. 1: «Степан! ты феномен» и ст. 6: «Итак, Степан...» Печ. по автографу — ПД; аналогичный текст — ГИМ. Датируется по содержанию как продолжающее полемику с Лопатиным и Гротом (см. примеч. 167). *Акциз* — зд.: налог на водку.

186—187. Письма, 4, с. 144. Автограф — ПД. На листке с автографом — помета А. А. Лугового, из архива которого текст попал в Письма: «Написаны у С. П. Хитрово в январе 1897 г.» Эта дата лишь хронологическая граница, после которой «Эпиграммы» не могли быть написаны, так как рядом с этим текстом — автограф № 181, датируемый 1896 г., и, следовательно, январь 1897 г. скорее всего время записи «Эпиграмм» Соловьевым. *Катулл* Гай Валерий (87 или 84 до н. э. — после 54 до н. э.) — древнеримский поэт, воспевший в стихах свою возлюбленную *Лесбию.*

188. Стих. 6, с. 284. Автограф — ПД. Записано вместе с № 186—187 и датируется на том же основании. *«Сапоги суть выше Шекспира».* Формула нигилистического подхода к искусству, пущенная в ход Достоевским в полемике с революционными демократами (памфлет «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах»), а затем тенденциозно или ошибочно приписывавшаяся то Писареву, то В. Зайцеву (см.: К. Ровда, История одной полемики. — «Русская литература», 1964, № 4, с. 181). *Превзойти британца, Сапожным Лев Толстой мастерством занялся.* Имеется в виду утилитарный, наивно-патриархальный взгляд позднего Толстого на искусство, в частности на творчество Шекспира. *Толстого сапог он начал чистить усердно.* Ирония по поводу увлечения Репина нравственным учением Толстого. О полемике Соловьева с Толстым см.: З. Г. Минц, В. С. Соловьев и Л. Н. Толстой. — Уч. зап. Тартуского гос. университета, вып. 184, Тарту, 1966.

189. Письма, 3, с. 9, в письме к К. Ф. Головину от 12 марта 1897 г. с пояснением: «Дошло ли до вас невероятное стихотворение Фофанова на могиле Майкова? Я усмотрел в нем даже нечто провиденциальное: Немезиду, или искупление для Майкова, сочинившего некогда хвалебный гимн «У гробницы Грозного». Эту мысль я выразил в нижеследующем стихотворении». Речь идет о стих. А. Майкова «У гроба Грозного», где утверждалась историческая прогрессивность Грозного как предшественника Петра I, основателя самодержавной антибоярской власти. Упоминаемое стих. К. М. Фофанова — «Памяти А. Н. Майкова». Надгробная похвала «декадента» Фофанова,

по ироническому утверждению Соловьева, для «классика» Майкова — возмездие за прижизненные грехи. *Злую силу* — Ивана Грозного. *Горний* — небесный. *А там в Архангельском соборе* — намек на первую строку стихотворения Майкова.

190. Письма, 1, с. 140, в письме Стасюлевичу от 5 октября 1897 г. Автограф — ПД. *Здесь нет Галерной и Невы.* На Галерной улице в Петербурге жил Стасюлевич и помещалась редакция ВЕ. *Чичерин Б. Н.* (1828—1904) — юрист (в прошлом профессор Московского университета), историк, публицист, с которым Соловьев в это время полемизировал (см.: «Мнимая критика (ответ Б. Н. Чичерину)», «Необходимые замечания на несколько слов Б. Н. Чичерина», 1897). *Скопец тамбовских Палестин.* Чичерин был помещиком и земским деятелем Тамбовской губернии. *Вчера прикончил я злодея* и т. д. Ср. иронический автокомментарий в письме к Стасюлевичу: «Так как последние слова, если будут кем-нибудь прочтены прежде вас, могут быть приняты за признание в составе преступления и подвергнуть меня обвинению за убийство, в запальчивости и раздражении, но при отягчающих вину обстоятельствах, отставного статского советника Чичерина, то спешу объяснить, что дело идет о литературной, а не иной какой-либо драке» (Стасюлевич, с. 402).

191. Письма, 1, с. 142, в письме Стасюлевичу с пометой (рукой Стасюлевича): «20 октября 1897 г.» — день получения письма. Автограф — ПД. *Кого я жду — за Альпами пропал!* Стасюлевич в это время выехал за границу. *Проскомúдия* — часть литургии, во время которой приготовляется причастие.

192. Письма, 4, с. 149, в недатированном письме гр. Д. А. Олсуфьеву. Датируется по содержанию письма, где упоминается «Антихрист», то есть «Три разговора» (1898—1899) — религиозно-публицистическое сочинение Соловьева.

193. Стих. 7, с. 271. Датируется по содержанию. *Кутузов, нынешний директор трех банков и певец смерти* — А. А. Голенищев-Кутузов (1840—1913), поэт, в конце 1870-х — начале 1880-х годов служил в «Обществе взаимного поземельного кредита» и был товарищем управляющего Дворянским и Крестьянским банками. На слова Голенищева-Кутузова Мусоргским написан цикл «Песни и пляски смерти». *Спасительных свиней.* Имеется в виду евангельская притча о стаде свиней, в которое вошли бесы, изгнанные Христом из одержимого.

* **194.** Письма, 1, с. 233. Копия (неизвестной рукой), сделанная для издания Писем, но не вошедшая в них, с пометой: «Копия с письма, хранящегося у С. М. Зарудного» (ПД). Датируется по содержанию. *Кавос* Михаил Альбертович — сын известного русского архитектора А. К. Кавоса, приятель Соловьева. *Паражи* (франц.) — места, края. *Ганимед* (греч. миф.) — юноша, пленивший Зевса красотой и взятый им на небо. *Скрылись дни Аранхуэца* — цитата из «Дон Карлоса» Шиллера. *Консул Планк давно уж помер.* В варианте копии ПД к этим словам имеется примечание, вероятно воспроизводящее текст Соловьева: «Консул Планк правил, когда Горацию было 25 лет:

Волос белеющий душу смиряет,
Бодрость не та, и не та уж осанка...
Этого я не стерпел бы во время
Консула Планка!»

Планк был избран римским консулом в 42 г. до н. э., и Гораций пишет о консульстве Планка как о времени молодости (Оды, III, 14).

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

195. «Свободная совесть». Литературно-философский сборник, 1906, кн. 2, с. 4.

196. Стих. 6, с. 289. Положено на музыку А. С. Аренским.

197. Печ. впервые по недатированному беловому автографу — ЦГАЛИ. Возможно, адресовано С. М. Мартыновой и поэтому предположительно могло бы быть отнесено к началу 1890-х годов, однако никаких подтверждений пока найти не удалось.

198. «Начала», 1921, № 1, с. 130. Черновой автограф — ПД.

ПРИПИСЫВАЕМОЕ

199. «Голос минувшего», 1918, № 4—6, с. 48, с исправлением опечатки «въедет» на «внидет». Написано, по всей вероятности, совместно с С. Н. Трубецким. В ПД имеются: 1) автограф в недатированном письме к Е. М. Феоктистову, под загл. «Ода Победоносцеву», вместе с № 154; 2) автограф без заглавия (вариант, наиболее близкий к опубликованному); 3) список неизвестной рукой, под загл. «Ода на ограбление благородной дамы Александры Николаевны Бахметьевой его высокопревосходительством г. обер-прокурором святейшего Синода Кон⟨стантином⟩ Петр⟨овичем⟩ Победоносцевым» и с пометой: «С имеющегося у меня автографа В. С. Соловьева и полученного лично от В. С.». И далее: «Эпитафия (имеется в виду № 154), несомненно, принадлежит В. С. Соловьеву, а что касается до оды, то кто-то говорил мне, что она составлена С. Н. Трубецким сообща с Соловьевым». Списки 2 и 3 свидетельствуют в пользу авторства Соловьева, однако под списком 1 имеется сделанная его рукой подпись: «С. Н. Трубецкой». Современникам «Ода Победоносцеву» (часто под загл. «Святитель во фраке») была известна как принадлежащая перу Соловьева. Нам представляется наиболее вероятным коллективное авторство, хотя степень участия в его создании каждого из авторов не ясна. Датируется как и № 154. Упоминается в письме от апреля 1892 г. (Стасюлевич, с. 365). *Когда в Колывани* и т. д. Имеется в виду гонение на лютеран в Прибалтике. Колывань — Ревель (Таллин). *Униаты* — сторонники церковной унии (объединения восточной и западной церкви), преследовавшиеся официальной церковью. *И выбрал же время* и т. д. Имеются в виду события 1892 г. — голод в центральных провинциях, «голодный бунт» в Ташкенте, расстрел бастующих текстильщиков в Лодзи. *Готовится каша* — ср. № 153.

200. А. Амфитеатров, Литературный альбом, СПб., 1904, с. 261. А. Амфитеатров, рассказывая о том, как Соловьев при встрече прочел ему эту эпиграмму, добавляет: «Потом меня уверяли, что эпиграмма эта кн. С. Н. Трубецкого и что написана она на другое лицо. Я помню, что В. С. Соловьев говорил мне о ней как о своей, но, может быть, память мне изменила, хотя это редко со мной случается. Относительно же Розанова положительно утверждаю, что Соловьев рекомендовал эпиграмму, как направленную против него» (с. 262). Против Розанова направлено и стих. «Признанье» (см. № 168). *Я не убью, я не украду, Я не прелюбы сотворю* — перечень заповедей (см.: Библия, Исход, XX, 13—15). *И за свя-тей-ший пра-ви-тель-ствую-щий Сино-о-о-од!* — имитируется кощунственное, с точки зрения Соловьева, включение в молитвенное славословие упоминания Синода. Высокий библеизм предшествующего текста контрастирует с концовкой, имитирующей фальшивый распев казенного дьячка.

201. «Наука и жизнь», 1968, № 6, с. 74 (публикация М. С. Альтмана). Стихотворный ответ на эпиграмму В. Буренина по поводу назначения А. Ф. Кони сенатором:

В сенат коня Калигула привел.
Стоит он, убранный и в бархате и в злате.
Но я скажу: у нас такой же произвол:
В газетах я прочел, что Кони есть в сенате.

М. С. Альтман пишет: «Ответная эпиграмма приписывается некоторыми самому А. Ф. Кони. Однако сестра Кони Л. Ф. Граматчикова и близкий друг его Е. В. Пономарева отвергают принадлежность этой эпиграммы перу Кони. Кони уверял, что эпиграмма написана Владимиром Соловьевым».

ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНИЯ

Из Платона

202. Стих. 1, с. 73. Перевод дистиха, приписываемого Платону (см.: Th. Bergk, Poetae Lirici Graeci, ed. 4, vol. II, Lipsiae, MDCCCXXXII, p. 303). В Стих. 3 перед стихотворением был текст в греческом оригинале. Положено на музыку М. А. Остроглазовым.

Из Гейне

203. ВЕ, 1889, № 4, с. 581. Печ. по Стих. 2, с. 114. Беловой автограф под загл. «Призраки» — ЦГАЛИ. Перевод стих. «Nachtfahrt». Посылая текст Стасюлевичу, Соловьев отмечает, что «„Ночное плавание“ — одно из наименее переводившихся стихотворений Гейне» (Стасюлевич, с. 347). *Шаддай, Адонай* — библейские имена бога.

* 204. ВЕ, 1902, № 8, с. 430, в письме Д. Н. Цертелеву от 27 июля 1875 г. Печ. по Стих. 6, с. 239. Перевод стих. «Wanderer». До Соловьева переводилось А. Плещеевым и И. И. Гольц-Миллером.

* 205. «Русь», 1883, № 2, с. 32. Перевод стих. «Die klugen Sterne». Как и предыдущее, навеяно отношениями с Е. В. Романовой (см. № 1).

206. Стих. 7, с. 262. *«Якобы из. . .»* — подражание стилю заглавий Козьмы Пруткова. Точный, хотя и «сниженный», перевод стих. Гейне «Wie im Wellenschaum geborene. . .».

207. Письма, 2, с. 197 (в отрывке из «частного письма» к неуказанному лицу). Печ. по Стих. 6, с. 242. Дата написания неизвестна. Перевод концовки стих. «Ratcliff» из «Buch der Lieder».

208. Стих. 6, с. 245. Перевод стих. «Es blasen die blauen Husaren. . .». До Соловьева переводилось Добролюбовым, М. Михайловым и др. Дата написания неизвестна.

Из Шиллера

209. Письма, 3, с. 167, без загл. Печ. по Стих. 6, с. 234. Автограф письма к И. И. Лапшину с включенным в него стихотворением — в частном собрании М. С. Лесмана. Письмо датировано 25 сентября 1877 г. Перевод 4-й строфы стих. «Die Worte des Glaubens».

Дж. Б. Строцци и Микеланджело

210—211. ВЕ, 1889, № 4, с. 583, под загл. «С итальянского». Печ. по Стих. 2, с. 106 (в оглавлении ошибочно — «Из М. А. Буонаротти»). В письме Стасюлевичу от 28 февраля 1889 г. Соловьев писал: «Краткий ответ Микель-Анджело хотя и стар, но не лишен современности» (Стасюлевич, с. 347). Вторая часть «Эпиграммы» переведена Ф. И. Тютчевым. *Ангел* — Микеланджело Буонарроти (1475—1564).

Из Петрарки

* 212. ВЕ, 1886, № 8, с. 614; Стих 1. Печ. по Стих. 2, с. 109. Автограф — ПД. В письме к С. А. Толстой (осень 1886 г.) Соловьев называет свой перевод «акафистом» и предупреждает, что «неправильности размера сознательны» (Письма, 2, с. 207). В ВЕ к тексту имеется сноска: «В этом вольном и сокращенном переложении Петраркиных «Lodi preghiere» я сохранил необычную стихотворную форму итальянской пьесы». В стихотворении используются образы греческой литургии, отсутствующие в итальянском оригинале. *В солнце одетая* — апокалипсический образ «Жены, облеченной в солнце». *Всенепорочная, Дева пречистая* — литургические наименования богоматери. *Слова предвечного мать и создание* — то есть «создание» бога-отца и мать Христа. *Лествица чудная, к небу ведущая* — библейский образ лестницы, по которой Иаков взошел на небо. *Горний* (устар., поэтич.) — небесный. *Лилия чистая* — см. № 10. *Купина не горящая* — терновый куст, горящий, но не сгорающий; образ, в котором, по Библии, предстают людям посланцы бога. *Радуга, небо с землею мирящая* — символ мира: согласно библейской легенде, бог установил радугу после

потопа, в знак примирения с землей. *Ковчег* — зд.: символ спасения. *Манна небесная* — легендарная пища иудеев в пустыне. Зд. — перифрастическое наименование девы Марии. *Дольный* (устар., поэтич.) — земной.

Из Гафиза

213. Стих. 1, с. 47. Так же, как и №№ 214—223, написано летом 1885 г. в имении А. Фета Воробьевке. Перевод всех одиннадцати стихотворений Гафиза сделан с немецкого переложения Боденштедта («Der Sänger von Schiras, Hafisische Lieder, verdeutscht durch Friedrich Bodenstädt», B., 1880).

214. Стих. 1, с. 48.

215. Стих. 1, с. 49. Положено на музыку А. Г. Гречаниновым.

216. Стих. 1, с. 50.

* 217. Стих. 1, с. 51. Положено на музыку А. Г. Гречаниновым.

218. Стих. 1, с. 52. Положено на музыку А. Г. Гречаниновым.

219. Стих. 1, с. 53. Положено на музыку А. Г. Гречаниновым.

220. Стих. 1, с. 54.

221. Стих. 1, с. 55.

222. Стих. 1, с. 56. Согласно библейскому преданию, праотец *Ной* за добродетельную жизнь был спасен в ковчеге во время всемирного потопа.

223. Стих. 1, с. 57.

Из Мицкевича

224. Стих. 1, с. 58. Перевод стих. «Сон» («Chociaż zmuszona będziesz mnie porzucić...»). В Стих. 3 — ошибочная дата, исправленная С. Соловьевым. Польским языком (как и другими славянскими языками) Соловьев живо интересовался в 1870-х годах. Творчество Мицкевича (1798—1855) производило на Соловьева сильное впечатление (см.: Письма, 2, с. 227). Положено на музыку Э. А. Купер.

Из Прерадовича

225. Письма, 2, с. 195. Перевод стих. «Moja ladja». *Прерадович* (1818—1882) — хорватский поэт. В письме к Стасюлевичу от 2 сентября 1886 г. Соловьев оценивает поэта как «превосходного лирика» (ПД). Интерес к Прерадовичу был связан со славянскими симпатиями Соловьева и, вероятно, стимулирован его поездкой в Загреб (см. примеч. 34).

Из Данте

226—227. 1. ВЕ, 1886, № 6, с. 748. Печ. по Стих. 2, с. 105. Перевод сонета из «Vita nuova», cap. XV, «Cio che m'incontra nella mente more. . .». Недатированный автограф с незначит. разночтениями — ПД. 2. Письма, 2, с. 196. Перевод сонета из «Vita nuova», cap. XIII, «Tutti li miei pensier parlan d'Amore. . .». Датируется условно, по времени чтения Соловьевым Данте и изучения итальянского языка.

Из Вергилия

228. Стих. 2, с. 121. Печ. по Стих. 3, с. 127. Четвертая эклога Вергилия в средние века истолковывалась как пророчество о пришествии Христа. Летом 1887 г. Соловьев жил в имении А. Фета Воробьевке и вместе с Фетом переводил «Энеиду». Тогда же он перевел и четвертую эклогу. Перевод вначале был сделан более свободным и лексически, и метрически, но Фет посоветовал Соловьеву превратить его в более точный. Колеблясь, Соловьев пишет брату Михаилу — стороннику свободного перевода: «Что касается эклоги Вергилия, то... с одной стороны, я соглашаюсь с тобой, с другой — с Фетом. Во всяком случае я разорвал свой старый перевод, а остается только перевод á la Фет... Ты, злодей, не оценил, что в новом переводе эклоги, кроме близости к подлиннику, все гекзаметры подпоясаны, то есть с цезурами на надлежащем месте, тогда как в старом они были большей частью в халате» (Письма, 4, с. 107 и 108). *Поллион* (75 г. до и. э. — 4 г. н. э.) — римский консул. Эклога написана в честь рождения его сына *(младенца). Кумейские вещанья* — предсказания Сивиллы Кумейской. *Дева* — Астрея, богиня правды. С наступлением «железного века» она ушла под землю, но с возвращением «золотого» должна вернуться к людям. *Горние* (устар., поэтич.) — небесные, вышние. *Сатурново царство* — «золотой век». *Железный век* — современность, царство зла. *Люцинá* (римск. миф.) — прозвище Юноны, верховной богини, супруги Юпитера. *Феб* (греч. миф.) — бог солнца. *Вотще* (книжн., устар.) — напрасно. *Аканф, амом* — высоко ценившиеся в античном мире растения. *Фетида* (греч. миф.) — старшая из нереид. *Тифис* (греч. миф.) — кормчий корабля *Арго*, на котором греческий герой Язон отправился в Колхиду за золотым руном. *Ахилл* (греч. миф.) — герой, персонаж троянского цикла. *Овн* — старый баран. *Агнец* — ягненок. *Парки* (греч. миф.) — три сестры, прядущие нити человеческих судеб. *Орфей* (греч. миф.) — см. примеч. 21. *Лин* (греч. миф.) — юноша-певец. *Каллиопея* (греч. миф.) — муза эпической поэзии. *Пан* (греч. миф.) — лесное божество, покровитель стад, родился в Аркадии. Э. *Гиббон* (1737—1794) — английский историк. *Август* Октавиан (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) — римский император.

Из Лонгфелло

229. Г. Гефдинг, Очерки психологии, основанной на опыте, М., 1892, с. 277. Печ. по Стих. 2, с. 119. Перевод «Золотой легенды» Лонгфелло (1807—1882), американского поэта. Переслано переводчику Гефдинга Я. Н. Колубовскому в письме 1891 г. (Письма, 2, с. 335).

Из Теннисона

230. Стих. 2, с. 120. Датируется по копии альбома С. М. Мартыновой (частное собрание Ф. А. Петровского), где текст предварен словами: «Предсмертное стихотворение Теннисона (но не мое)». А. *Теннисон* (1809—1892) — английский поэт. *О. Н. Смирнова* (1834—1893) — дочь фрейлины А. О. Смирновой-Россет, автор фальсифицированных «Записок», якобы написанных ее матерью (публиковались в 1893—1897 гг.).

ШУТОЧНЫЕ ПЬЕСЫ

231. Шуточные пьесы Владимира Соловьева, М., «Задруга», 1922, с. 13. Датируется второй половиной 1870-х годов, не раньше 1876 г., когда Соловьев, впервые попав в Пустыньку (имение А. К. Толстого), под влиянием «прутковской» традиции стал писать шуточные стихотворения, и не позже 1878 г. — времени постановки пьесы. Печ. лишь 3-й акт, единственно принадлежащий перу Соловьева (остальные написаны А. А. Венкстерном и В. Е. Гиацинтовым). Содержание актов, не публикуемых в наст. изд., таково: молодой поэт Альсим заключает договор с Сатаной, который должен во всем угождать Альсиму, но получит его душу, если поэт совершит какое-нибудь преступление. По просьбе романтического Альсима Сатана везет его в страну трапезундов, где все «навыворот». Здесь Альсим встречает бородатую красавицу Элеонору, привозит ее в Россию и женится на ней. Не вытерпев побоев и измен бородатой возлюбленной, Альсим убивает ее, и дьявол овладевает душой Альсима. Пьеса «Альсим» была поставлена в 1878 г. в доме Соловьевых кружком молодых актеров-любителей («шекспиристов»), при следующем распределении ролей: Альсим — В. Е. Гиацинтов, Сатана — А. А. Венкстерн, Элеонора — Л. М. Лопатин, Профессор — Л. П. Бельский. *Сторонник я взаимных одолжений* и т. д. — см. вступит. статью, с. 50. *Мне стало всё равно, страдать иль наслаждаться.* Перефразировка строк известного романса «Мне всё равно, страдать иль наслаждаться...». *Другу помогая, Я и себе тем самым услужу.* Пародийное изложение этики «разумного эгоизма». *Я люблю только мужественных женщин* и т. д.— иронический отклик на споры по «женскому вопросу». *Орлеанская девственница* — Жанна д'Арк. *Я, поклонник категорического императива* и т. д. Учение о категорическом императиве — центральное положение этики Канта. Об отношении Соловьева к этике Канта см. вступит. статью, с. 50. *Да ведь это одно только суеверие* — см. вступит. статью, с. 50. *Мне показал, что значит человек* и т. д. Прием обыгрывания двух значений слова «человек» восходит к «Обыкновенной истории» Гончарова и к «На всякого мудреца довольно простоты» А. Островского — с той, однако, существенной разницей, что там в качестве штампа выступает традиционно-романтическое словоупотребление, а здесь — и просветительское. *Умолкни, чернь непросвещенная и презираемая мной!* — неточная цитата из стих. Г. Р. Державина «О удовольствии». *Пароход летел, как птица, Я на палубе стоял* — реминисценция из «Поездки в Кронштадт» К. Пруткова («Пароход летит стрелою... На носу стою один я»). *И — странное дело! длин-*

ная осенняя ночь пролетела, как полчаса! и т. д. Монолог Альсима передает содержание сна, который Соловьев действительно видел около 1876 г. (см.: Собр. соч., т. 3, с. 192). В статье «Достоверность разума» сон приведен как пример «логически безупречной нелепицы» в доказательство мысли о недостаточности чисто рациональных способов постижения мира. В пьесе — образец нонсенса в духе Козьмы Пруткова. *Я проклял классицизм филологии* и т. д. Иронический отклик на споры о реальном и классическом образовании. *Сомненья... будто некий мрачный свиток* и т. д. Перифраз из стих. А. С. Пушкина «Когда для смертного умолкнет шумный день...». *Морфей* — бог сна. *Ах, почто за меч воинственный* и т. д. — цитата из «Орлеанской девы» Шиллера в переводе В. А. Жуковского (действие 4, явл. 1). *M-me Роллан* — М.-Ж. Ф. Роллан (1754—1793), деятельница французской революции 1789—1793 гг., сторонница жирондистов, казненная якобинцами. В 1864 г. в Париже были опубликованы ее мемуары, после чего русская демократическая пресса (например, П. Вейнберг) много писала о г-же Роллан как о «замечательной женщине». *Моммсен* Теодор (1817—1903) — немецкий историк, автор работ по истории Рима. *Зибель* Генрих (1817—1895) — немецкий историк, автор работ по истории Германии.

* **232.** Художественно-литературный сборник «На память», М., 1893, с. 76. Другой вариант пьесы сохранился в ЦГАЛИ — см. с. 269. Действие первое. *Сон в ночь на Покрова* — по преданию, сны, приснившиеся на праздник Покрова (1 октября), всегда сбываются. *3 дамы, приятные со всех сторон.* Ср. гоголевское: «Дама, приятная во всех отношениях». *О четвертом измерении* и т. д. Монолог Сокрушенного помещика под загл. «Дворянин и четвертое измерение» был записан Соловьевым в виде отдельного текста — ПД. *И вечером, и утром рано* и т. д. Стихотворение это было напечатано под загл. «Раздумья Скептика» в НВ, 1886, 9 марта, вместе с № 136 и «Признанием даме...» (см. с. 312). Под псевдонимом «К. Гелиотропов», под загл. «Скептик» — Письма, 2. В изд. стих. не входило. Было послано в письме С. А. Толстой (список неизвестной рукой — ПД). *Мне двадцать лет* и т. д. Монолог Отчаянного поэта (с незначит. разночтениями) Соловьевым был написан как отдельное стихотворение и, под загл. «Предсмертная песнь непризнанного поэта», послан 3 ноября 1878 г. приятельнице поэта, гр. Н. М. Соллогуб — ЦГАЛИ. Там же Соловьев называет это стихотворение «глупотворчеством». Монолог — подражание московскому стихотворцу начала XIX в. Неелову (см.: П. А. Вяземский, Старая записная книжка, Л., 1929, с. 205). *Палкин, Малый Ярославец* — рестораны. *На звезды глядишь ты* и т. д. — см. № 202. *Патагонцы* — коренное население Южной Америки, отличавшееся высоким ростом. *Мне жарко потому, что я тебя люблю* и т. д. Стихотворение под загл. «Даме, спросившей поэта, отчего ему так жарко (экспромт, заимствованный из стихотворений Лермонтова)» было напечатано в НВ, 1886, 9 марта, вместе с № 136 и стих. «Скептик» (см. выше) под псевдонимом «К. Гелиотропов». Под загл. «Признание даме, спрашивающей поэта, отчего ему жарко (из Гафиза, подражание Лермонтову)» было опубликовано в Письма, 2. В изд. стих. не входило. 3 сентября 1878 г. вместе со стих. «Ах, зачем родилась я девицей...» было послано Н. М. Соллогуб (автограф — ЦГАЛИ), а так-

же под загл. «Ответ даме, спросившей поэта, отчего ему так жарко» — С. А. Толстой (копия с автографа — ПД). Пародируется стих. Лермонтова «Мне грустно потому, что я тебя люблю. . .». *«Ах, зачем родилась я девицей. . .»* послано как самостоятельное стихотворение Н. М. Соллогуб (автограф — ЦГАЛИ) и С. А. Толстой (копия с автографа — ПД). *Моя любовь требует пищи* и т. д. Эпизод со съеденным башмаком дословно повторен в шуточной пьесе «Я говорил, что он не умеет есть» (см.: Шуточные пьесы Вл. Соловьева, М., 1922). *Если ветер осенний безжалостно смёл* и т. д. В качестве отдельного стихотворения было напечатано в Стих. 6 и Стих. 7. *Я любил, хоть мыслью каждой* и т. д. В качестве отдельного текста было напечатано в Стих. 6 и 7. *Когда в груди огонь горит* и т. д. — слегка измененный текст стих. «Отрывок» (см. № 15). Действие второе. *Мы норы роем* и т. д. — см. вступит. статью, с. 51. *В развалинах замков, в старинных церквах* и т. д. — см. вступит. статью, с. 51. *Куку-Нор* — высокогорное озеро в Тибете. *Аз-буки-ведь, аз-буки-ведь* и т. д. Текст записки, по замечанию С. Соловьева, имитирует мистические рецепты построения «золотого века». *«Я добился свободы желанной. . .»* — см. № 63. *«Мы сошлись с тобой недаром. . .»* — см. № 62. *«Ах! далеко в Тибетском плоскогории. . .»* — в письме к М. С. Соловьеву (БВ, 1916, № 1, с. 10). Ср. № 143. Действие третье. *«Белую лилию с розой. . .»* — см. примеч. 10.

Ранняя редакция. Печ. впервые (в отрывках) по черновому автографу — ЦГАЛИ. Пролог. *Адонай* (др.-евр.) — одно из наименований бога в Библии. *Свои, мужицкие черти* — ср. «сословную иерархию» чертей в комедиях и сказках Л. Н. Толстого. *Третье отделение* — 3-е отделение собственной его имп. величества канцелярии — высший орган политического и полицейского надзора в России после 1826 г. *Что имя? Звук пустой!* — перефразировка стихов Пушкина из стих. «Что в имени тебе моем?» и поэмы «Медный всадник». *И главное различие состоит в следующем. . .* — после этого текст обрывается. *Matteu* — граф Чезаре (1809—1896), итальянский гомеопат. *«Цветы все мы любим. . .»* — см. примеч. 205. *«В былые годы любви невзгоды. . .»* — см. примеч. 16.

233. Стасюлевич, с. 356, в письме от 11 сентября 1891 г. под загл.: «„Дворянский заем“. Современная гражданская феерия в трех помещениях Дворянского банка». Печ. по кн.: «Шуточные пьесы Владимира Соловьева», М., 1922, с. 81, с исправлением опечатки «гущи» на «чуши». Написано в соавторстве с Э. Л. Радловым и С. Н. Трубецким. *Спиритические явления.* Соловьев, в 1870-х гг. интересовавшийся спиритизмом, в дальнейшем стал относиться к нему крайне скептически. *«Гражданин»* — см. примеч. 140. *Хотя не чист от кой-каких пороков* — см. примеч. 140. *Диван* — совет высших сановников при султане в старой Турции. Намек на «азиатские» идеалы кн. Мещерского. *Ярыжка* — низший полицейский служитель. *Сановный кастрат, носитель побед* — К. П. Победоносцев. *Кюба́* — ресторан в Петербурге. *Лови, лови часы любви!* — цитата из русского текста оперетты Ж. Оффенбаха «Прекрасная Елена». *Накажи, святой угодник* — первая строка эпиграммы Пушкина. *Борозда* — Бороздна, капитан, судившийся в 1822 г. за распространение в своей роте содомизма; зд. — намек на противоестественные склонности кн. Мещерского. Эпиграмму Пушки-

на Соловьев мог читать в рукописных списках, а также в заграничных изданиях «Русской потаенной литературы XIX в.» Н. Огарева, Лондон, 1861, с. 91 или в берлинском сборнике «Стихотворения Пушкина», изд. Н. Гербелем, 1861, с. 121. В последнем случае цитата получает дополнительный интерес как свидетельство внимания Соловьева к запрещенной в России зарубежной прессе. *Фаддей Булгарин* (1789—1859) — реакционный писатель, известный своими доносами на А. С. Пушкина и других литераторов начала XIX в. *А. П. Саломон* — см. примеч. 31. *Гр. Голенищев-Кутузов* — см. примеч. 193.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Фронтиспис. Фотография В. С. Соловьева. 1890-е годы. Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом).

Стр. 101. Автограф стих. «Если желанья бегут, словно тени. . .». Там же.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

ПРИПИСЫВАЕМОЕ

Из Платона

Из Гейне

Из Шиллера

Дж. Б. Строцци и Микеланджело

Из Петрарки

Из Гафиза

Из Мицкевича

Из Прерадовича

Из Данте

Из Вергилия

Из Лонгфелло

Из Теннисона

ШУТОЧНЫЕ ПЬЕСЫ

Соловьев Владимир Сергеевич
СТИХОТВОРЕНИЯ И ШУТОЧНЫЕ ПЬЕСЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1974, 352 стр. План выпуска 1974 г. № 342.

Редактор *Л. А. Николаева*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректоры *Ф. Н. Аврунина*
и *Е. А. Омельяненко*

Сдано в набор 29/I 1974 г. Подписано в печать 15/IV 1974 г. М 20408. Бумага 84×108 1/32, типогр. № 1. Печ. л. 11+1 вкл. (18,58). Уч.-изд. л. 16,46. Тираж 15 000 экз. Заказ № 91. Цена 84 к.

Издательство «Советский писатель»,
Ленинградское отделение,
Ленинград, Невский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.